

КНИГА-РАРИТЕТ

ЕЛИЗАВЕТА
ШАБЕЛЬСКАЯ

САТАНИСТЫ
XX ВЕКА

Елизавета Шабельская
Сатанисты XX века

«Алгоритм»

1913

УДК 32
ББК 66

Шабельская Е. А.

Сатанисты XX века / Е. А. Шабельская — «Алгоритм», 1913

ISBN 978-5-9265-0753-6

Авантюрный сюжет, тайны масонства, извержение вулкана, уничтожившего огромный город, заговоры, убийства, магия авторского воображения, переносящая читателя из чопорного Берлина на берега экзотических островов Карибского моря – все это удачно сочетается на страницах книги Елизаветы Шабельской. Произведения, одного из самых популярных в русской литературе первой половине XX века. Книга актуальна и сейчас. Печатается в авторской редакции.

УДК 32

ББК 66

ISBN 978-5-9265-0753-6

© Шабельская Е. А., 1913

© Алгоритм, 1913

Содержание

Часть I. Скверные гости	6
Сенсационный дебют	6
В уборной восходящей звезды	12
Полное разочарование	15
В Берлине	19
В императорской ложе	23
Триумф	26
В масонской ложе	32
Заседание великого международного синедриона	34
Верховный синедрион нашего времени	37
В Тиргартене	50
Что такое масоны	54
Как попадают в масоны	58
Замужество	63
Кошмар	67
Двойник	72
Ловушка	76
Кровь и розы	78
Масонские духи	82
Арест	84
В императорском дворце	87
Доклад министра юстиции	89
Первые допросы	93
Показания обвиняемой	96
По ложным следам	98
Вмешательство монарха	104
Масонское дело в суде	106
Судебная лотерея	108
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Елизавета Александровна Шабельская

Сатанисты XX века

© ООО «Алгоритм-Издат», 2011

Часть I. Скверные гости

Сенсационный дебют

Зрительный зал нового венского Бург-театра блеснул огнями бесчисленных электрических лампочек. Только что отстроенное великолепное здание нового придворного театра, казалось, улыбалось, чаруя красотой линий и убранства, и являлось действительно храмом искусства, достойным царственного города Габсбургов.

Под стать роскошному новому театру была и публика, наполнявшая его. Нарядная толпа дам в бальных или вечерних туалетах, с бриллиантами в волосах, с веерами в руках, затянутых в светлые перчатки, наполняла ложи первых трех ярусов, почти все абонированные и передаваемые из поколения в поколение. Как бы рамкой для нарядных дам служили их мужья, отцы и братья, в мундирах всевозможных рангов и ведомств, в большинстве которых можно было приметить какой-нибудь особенный характерный значок вроде кусочка бахромы на талии, военных мундиров, обозначающего право приезда ко двору, то есть принадлежность к родовой аристократии Австро-Венгерской империи, – самой гордой и самой древней в Европе.

Действительно, знаменитый придворный венский театр считался как бы «своим» австрийской аристократией настолько, что простые смертные в скромных черных фраках оставались всегда в неизмеримом меньшинстве.

В тот вечер, о котором идет речь, блестящее венское общество собралось полностью в своем любимом театре, несмотря на то, что наступили уже теплые весенние дни, манящие из длинных зрительных залов в светлый, благоухающий и прохладный Пратер, под тень распускающихся каштанов и лип. А между тем в Бург-театре шла старая, всем известная драма Грильпарцера «Геро и Леандер».

Но в этой классической пьесе дебютировали две ученицы венской консерватории, две молодые девушки, еще не окончившие курса знаменитой «Драматической школы при национальной академии искусств», но уже успевшие обратить на себя внимание публики и строгих ценителей.

Поэтому понятен интерес венской публики, когда газеты сообщили о дебюте этих двух учениц консерватории в одной из труднейших классических пьес репертуара. Немногочисленные места, остающиеся свободными от абонементов, оказались разобранными немедленно после появления на афишах имени дебютанток. В день же представления не только верхние галереи, наполненные искренними любителями, а подчас и настоящими знатоками и ценителями драматического искусства, но даже и более дорогие места первых ярусов, абонированные аристократией, родовой, финансовой или артистической, оказались занятыми задолго до начала спектакля.

Любопытство сосредоточивалось главным образом на дебютантке, игравшей Геро, одну из лучших и труднейших ролей давнишней любимицы венской публики, Марты Нессели, более десяти лет занимавшей в Бург-театре амплу так называемой «драматической инженерю».

В сугубо консервативном театре, каким всегда был венский «Бург», где артисты и артистки повышаются и получают роли со строгой последовательностью, если и не всегда за выслугу лет, то все же неукоснительно по табели о рангах, в таком театре факт появления никому не известной консерваторки, к тому же еще иностранки по рождению, в такой ответственной роли, как Геро, уже сам по себе был явлением из ряда выходящим. К тому же говорили, что Марта Нессели была до крайности обижена передачей «коронной» роли какой-то русской «авантюристке». А так как за «нашей прелестной Нессели» ухаживал некий граф Богомил Родак, человек, весьма близко стоящий к интенданту королевско-императорских театров,

то неожиданный дебют становился совершенно загадочным. Очевидно, неизвестная консерватка была действительно выдающимся талантом, победившим все препятствия.

Так оно и было на самом деле. Публика, наполнявшая зрительный зал, вскоре сама в этом убедилась.

Когда занавес поднялся, открывая хорошо известную классически прекрасную декорацию древнего храма с беломраморными колоннами, обвитыми гирляндами роскошных цветов, по зрительному залу пробежал легкий шепот восторга и сейчас же замер. Все настороженно обратились к сцене, потому что в эту минуту должна была появиться та русская дебютантка, имя которой – Ольга Бельская – повторялось во всех гостиных, во всех кафе и ресторанах.

Сидя в «артистической» ложе первого яруса, хорошенькая и голубоглазая Марта Нессели перегнулась через барьер и устремила жадные взоры на боковую кулису справа, из-за которой обычно появляется Геро.

Вдруг неожиданно, посередине сцены, разделилась тяжелая малиновая занавесь, закрывающая главный вход храма, и на этом ярком фоне появилась высокая стройная женская фигура...

Придерживая одной рукой края белого пеплума, наполненного живыми розами, молодая жрица, слегка приподняла другой рукой пурпурную занавесь над своей головой и на минуту замерла на пороге портика, ослепленная ярким солнцем, заливающим сквозные галереи храма. Эта поза, это движение, поворот прелестной головки, полуулыбка, блеск задумчивых глаз – были так просты, жизненны и вместе с тем неподражаемо прекрасны, что чуткая венская публика, привыкшая ценить не только эффектные места ролей и истерические крики артистов, но и художественную простоту и неподдельное изящество позы и жеста, разразилась неожиданно для себя самой громкими аплодисментами.

Это было только мгновение. Затем тишина сразу восстановилась. Но это мгновение заставило вспыхнуть и побледнеть Марту Нессели, досадливо откинувшуюся на спинку своего стула.

А дебютантка, казалось, даже и не заметила столь же неожиданного, как и лестного, приема публики. Медленно и спокойно прошла она по сцене, так просто, точно бы ходила у себя по комнате, мгновениями то приостанавливаясь, чтобы поправить какой-либо цветок на статуе, увешанной гирляндой, то отступая, любовалась игрой света и теней, то устремляла взгляды в темное небо, сливающееся с безбрежным морем, чуть видным вдаль. Она говорила при этом. Говорила всем известные и звучные стихи Грильпарцера, говорила удивительно приятным, бархатным, грудным голосом, чарующим мягкостью и нежностью. Изредка в красивых словах поэта чувствовалось что-то новое, непривычное, но что казалось особенно прелестным, – это едва уловимый иностранный акцент, подобный едва ощутимому аромату в давно опустелом флаконе духов.

Первое действие не дает ничего артистке. Почти не сходя со сцены, Геро говорит самые простые, почти будничные слова, показывая сначала себе самой, потом подругам, верховному жрецу, наконец, своим родителям, как она счастлива в храме и как с радостью посвящает всю свою жизнь богине.

Лишь под конец первого действия начинается в душе Геро что-то похожее на любовное чувство, когда у статуи Амура, с которым навеки прощается новопосвящаемая жрица, глаза ее встречают восторженный взгляд юноши, явившегося на праздник соседнего города и потерявшего рассудок при виде молодой служительницы алтаря.

Нелегко актрисе оставаться постоянно на глазах публики и не утомить ее деланостью движений или однообразием выражения. Но для дебютантки это затруднение, по-видимому, не существовало.

Она была слишком хороша, чтобы утомить публику своим присутствием, ее блестящая красота сразу покорила сердца зрителей: высокая, стройная, гибкая, в классической белой

одежде, она казалась греческой статуей, сошедшей с пьедестала. Каждое движение ее просилось на картину.

Так прекрасна была эта Геро, что, любуясь ею, публика почти не замечала второй дебютантки, игравшей второстепенную роль Янте. А между тем Гермина Розен была почти так же красива, как и Ольга Бельская, хотя и совершенно другого типа.

Совсем еще молодая девушка, Гермина Розен была немного ниже Геро, но ее еще не совсем сложившаяся очаровательная фигурка выдавала крайнюю юностью тонкость рук, несмотря на вполне развитой стан. Ее темно-каштановые волосы отсвечивали медно-красным блеском, а большие черные глаза казались еще больше и темней от поразительного цвета лица, встречающегося только при рыжих волосах, прозрачная белизна которого смягчается нежным румянцем.

В общем, трудно было найти двух девушек красивей этих дебютанток, и когда в начале третьего действия они вышли на сцену обнявшись, то шепот восторга вторично пронесся по зале.

Победа молодых артисток была несомненна. Венский Бург-театр обогатился двумя новыми звездами.

К концу третьего акта это было уже окончательно решено не только публикой, но и влиятельными представителями печати, одинаково восторгавшимися оригинальным талантом русской Геро, талантом, сумевшим найти новые черты в давно известной классической роли.

Особенно восхищались красотой и талантом дебютанток в одной из лож бельэтажа, принадлежавшей по абонементу графу Клинскому, но уступленной старым холостяком двум англичанам, привезшим ему рекомендательные письма от его племянника, первого секретаря при австро-венгерском посольстве в Лондоне.

Один из англичан, лорд Дженнер, был еще молодой человек лет 30, общеизвестного английского типа, деревянная чопорность которого смягчалась отчасти оттенком какой-то особенной, неанглийской живости, выдающей примесь южной крови. Большие темные глаза лорда Дженнера глядели менее холодно, чем подобало для великобританца его положения, а улыбка пунцовых чувственных губ была удивительно привлекательна.

Рядом с лордом Дженнером сидел уже пожилой господин, видимо, утрирующий английскую манеру держаться и одеваться, быть может, с целью скрыть еврейский тип своего умного, непроницаемого лица. Блеск его пронзительных глаз становился временами положительно невыносимым, как и насмешливая, злая полуулыбка на тонких бледных губах.

Оба лорда были в безукоризненном вечернем туалете, украшенном целой коллекцией миниатюрных золотых крестиков в петлице. Говорили они между собой по-английски, но с примесью множества иностранных слов, с каким-то особенным акцентом, делающим их разговор совершенно непонятным людям, даже знающим английский язык.

– Красивая женщина, – обратился старший англичанин к своему спутнику, когда занавес опустился в конце 3-го акта. – Удивительно красивая женщина! ее необходимо добыть в наше распоряжение. Да и вторая – тоже красавица. Красивые женщины – такая редкость в наше время.

– Я сам об этом думал, но не знаю, возможно ли достичь чего-либо подобного. У нас нет сведений об этих женщинах. Одна из них, как говорят, русская, приезжая, из Москвы, а это обстоятельство всегда неблагоприятно для наших целей. Что касается другой, то я о ней ничего не слыхал, кроме того, что она дочь вот той дамы в черном, и, кроме того, пользуется особенным вниманием милейшего Альфреда Цвейфуса.

– Вот как? – протянул собеседник лорда Дженнера. – Что ж, это не может помешать нашему плану, скорее напротив... Впрочем, мы можем немедленно узнать все подробности о дебютантках. Подождите одну минутку: я вижу в райке, прямо против нас, на первой скамейке

маленького Зюса, нашего агента по драматическому классу консерватории. Я сейчас вызову его сюда, и он расскажет нам все, что нас интересует.

– Но не породит ли появление этого маленького плюгавенького субъекта в нашей ложе лишних разговоров? – нерешительно вымолвил лорд Дженнер.

– Не забывайте, друг мой, что мы в Вене, где любители театра обмениваются мнениями, не заботясь о разнице общественного положения. Кроме того, в нашем распоряжении аван-ложка, в которой никто нас не увидит в обществе этого, действительно, мало привлекательного еврейчика... Вот он заметил уже мой знак и идет к нам.

На пороге ложи появился тщедушный юноша еврейского типа, талантливый музыкант, помещенный несколько лет назад в венскую консерваторию богатым бароном-евреем Блауштейном.

Войдя в ложу, маленький юркий еврейчик быстро оглядел все уголки своими черными глазками и, не видя посторонних, поклонился чуть не до земли тому из двух джентльменов, быстрый жест руки которого указал ему одного из тайных вождей всесветного общества, известного под названием «Союза воинствующего еврейства» или «Аксьон Израэлите Интернационал».

– Вы изволили приказать мне явиться, – сказал почтительно жидочек, в то же время отвечая таким же быстрым и незаметным знаком на знак своего повелителя: – Я к услугам вашим.

Лорд Джевид Моор нетерпеливо сказал:

– Оставьте формальности, Зюс!.. Так, кажется, вас зовут? И постарайтесь лучше ответить на наши вопросы.

– Я в вашем распоряжении, – робко пробормотал Зюс, с почтительным восторгом глядя на столь великую особу, знающую не только в лицо, но и по имени даже такого скромного агента, как он, не умерший с голоду только благодаря поддержке своего знаменитого единоверца, барона Блауштейна, которому рекомендовал талантливого мальчика раввин далекого местечка в Галиции, где маленький Зюс родился двенадцатым сыном бедного разносчика.

– Итак, молодой человек, скажите, прежде всего, знакомы ли вы с сегодняшними дебютантками? – спросил лорд Дженнер, в свою очередь, делая знак, доказывающий его высокое положение в тайном обществе.

– Ведь я учился с обеими дебютантками в одном классе, у профессора Крастеля, и смею сказать, что мы большие друзья как с Ольгой, так и с Герминой...

– Тем лучше, тем лучше, – перебил старший собеседник. – В таком случае вы можете сообщить нам подробности об этих актрисах, об их прошлом образе жизни, характере и вкусах. Говорите подробно, не опасаясь утомить нас мелочами. При изучении женских характеров мелочи важнее серьезных вещей, – прибавил барон Джевид, снисходительным жестом указывая своему агенту на стул.

«Еврей-вундеркинд» почтительно опустил на кончик стула и заговорил:

– Я должен предупредить высокочтимых господ, что старшая из дебютанток, играющая Геро, Бельская, – женщина сдержанная, пожалуй, даже скрытная. Я знаю о ней немного больше того, что известно всем нашим товарищам по консерватории, хотя и считаю ее любимцем.

– В каком это смысле? – насмешливо спросил красавец англичанин, измеряя презрительным взглядом тщедушную фигурку еврейчика, с непропорционально большим носом и непомерно длинными руками и ногами.

Зюс понял значение этого презрительного взгляда.

– Называя себя любимцем Ольги Бельской, я подразумевал только ее участие во мне, как в товарище. Ольга любит всех нас, она готова на всякую услугу. Вообще, Бельская – редкая женщина по уму и сердцу.

– Женщина? – протянул Дженнер. – Или девушка?

– Женщина, – повторил Зюс, – хотя в консерваторию принимают только девушек, почему она и принуждена скрывать факт своего замужества. Она сделала это по желанию профессора Мейлена. Она говорила по-немецки совсем плохо, но ее необыкновенный талант заставил экзаменаторов забыть ее акцент и принять русскую актрису, явившуюся в Вену учиться.

– Значит, она уже была актрисой у себя на родине? – спросил барон Джевид.

– Как же. Лет пять, кажется... В настоящее время ей 23 года. Я знаю, что она была замужем, но или овдовела, или разошлась с мужем.

– Однако вы должны же знать, имеет ли она средства к жизни и откуда их получает? – заметил лорд Дженнер.

Еврейчик усмехнулся.

– Средства она, несомненно, имеет и, кажется, вполне достаточные. Хотя, надо правду сказать, она живет просто, в двух меблированных комнатах, у старухи, недалеко от Бург-театра.

– Но ведь за ней наверно ухаживали, – перебил нетерпеливо барон Джевид.

Рудольф Зюс заметно покраснел.

– Конечно, ухаживали... Но никто не может похвастаться малейшим знаком ее внимания. Она не принимает решительно никого, кроме нас, товарищей по консерватории. В классе ее все любят. Многие положительно обожают, как, например Гермина Розен.

– О Розен потом, – перебил барон Джевид. – Сначала скажите нам, что вы знаете о характере этой Ольги. Похожа ли она на других русских дам? И, прежде всего, скажите нам, посещает ли она русскую церковь и свободна ли от фанатизма?

Зюс засмеялся.

– Не имея особых приказаний, я не посвящал себя специальному изучению характера, наклонностей и верований Бельской. Знаю только, что она носит на груди золотой крест, как почти все русские. Но в русскую церковь – по крайней мере, в посольскую – она не ходит, опасаясь захворать тоской по родине.

– Ну, а политика? Как относится эта русская к политическим учениям? Быть может, эту Бельскую изгнала из России какая-либо политическая «история»?

– Не думаю, господин мой, – возразил Зюс, – она относится с явным презрением к русским революционерам. Да и здесь она незнакома ни с одним из политических изгнанников.

Умное лицо пожилого еврея нахмурилось.

– Все это не особенно приятные сведения. Ну, да посмотрим... Теперь расскажи нам о второй дебютантке... Кто она? Откуда? Какой религии, какого характера? Словом, говори все, что тебе известно.

Зюс улыбнулся.

– В этой девочке нет ничего таинственного... Гермина Розен – дочь венской мещанки, родилась здесь и из Вены никогда не выезжала. Мать ее – еврейка.

Слушатели молча переглянулись.

– Сама же девочка Гермина – ей пятнадцатый год – еврейка, но воспитывалась так, чтобы в случае чего без труда превратиться в христианку, если найдется «папенька» из числа богатых гоимов; пока роль папеньки играет наш знаменитый Адольф Цвейфус.

Красивое лицо лорда Дженнера повеселело.

– Значит, эта маменька... – быстро перебил он и остановился, не зная или не желая высказать точно свою мысль.

Но Рудольф Зюс понял его молчание по-своему.

– Ее мать, еще до сих пор красивая женщина, совершенно откровенно говорит: «Пора Гермине начать работать вместо меня. Я все-таки отцветаю, а ей уже пошел пятнадцатый год».

Барон Джевид улыбнулся.

– С этой девчонкой, значит, церемониться нечего. В случае необходимости, ее можно будет купить у мамыши. Таким образом, она будет в полном нашем распоряжении. Благодарю

тебя за сообщенные сведения, Зюс. Ты хорошо исполнил данное тебе верховным советом поручение. Но... постой... Скажи нам, кто бы мог познакомить нас сегодня же с этой русской актрисой?

– Профессор Мейлен. Он всегда протезировал ей и до сих пор разучивает с ней все роли. Мне кажется даже, что он весьма к ней неравнодушен.

– Вот как... А она?

– Она... она любить старика, конечно, не может. Но все же у нее много дружбы к директору нашей драматической школы. Впрочем, кроме профессора Мейлена вас может провести за кулисы директор консерватории Гельмерсбергер. Не говоря уже о его сиятельстве, господине интенданте.

– Хорошо... Благодарю тебя. Можешь идти, Зюс...

– Ты слышал, Джевид, что эта девочка еврейка? – неожиданно обратился лорд Дженнер к своему спутнику по уходе Зюса.

– Конечно, слышал... Что же из этого?

– А то, что она принадлежит к нашему народу и, следовательно...

– Следовательно, ничего не мешает тебе, мой прекрасный друг и брат, взять ее в любовницы или даже в жены, – насмешливо перебил пожилой еврей. – Я давно уже вижу, что тебе нравится эта Янте, и буду очень рад твоему счастью... Только советую не забывать того, что каждый из нас обязан отдать свою любовницу, жену или дочь, по первому требованию верховного синедриона, для исполнения данного ей поручения.

Красивое лицо лорда Дженнера побледнело, и он досадливо закусил губы.

– Это напоминание совершенно излишне, Джевид. Я знаю наши статуты не хуже тебя... Но знаю и то, что дочь нашего народа избавляется от слишком постыдных поручений...

Барон Джевид Моор громко засмеялся, хлопнув по плечу своего молодого собеседника.

– Полно кипятиться без толку, дружище... Пойдемте-ка лучше – посмотрим этих женщин поближе, а там уже решим, на что они годны или негодны и стоит ли хлопотать.

В уборной восходящей звезды

Дебютанткам отведена была одна из лучших уборных. Спокойная и веселая, уверенная в своем успехе, Бельская перекидывалась веселыми замечаниями со своей хорошенькой товаркой и с пожилым господином почтенной наружности – директором драматической школы при венской консерватории – известным профессором «эстетики», тайным советником Мейленом, бывшим другом и сотрудником покойного эрцгерцога Рудольфа.

Сидя в единственном мягком кресле, находившемся в уборной, тайный советник Мейлен любовался прекрасной фигурой стройной красавицы в белоснежной греческой тунике, перехваченной у пояса голубым шерстяным шнурком.

Внезапно раздался легкий стук в дверь, и чей-то голос произнес торопливо и почтительно:

– Госпожа Бельская, его сиятельство граф Хохберг желает вас видеть.

– Сам «интендант», – прошептала Янте. – Какая честь, Ольга...

Но Геро отнеслась к этой «чести» спокойнее.

– Войдите, – промолвила она, делая два шага навстречу старику в залитом золотом камергерском мундире и с красной лентой через плечо. Без малейшего признака подобострастия, Ольга проговорила:

– Не знаю, как благодарить ваше сиятельство за любезность к скромной дебютантке. Простите невозможность предложить вам даже покойное кресло в этой бедной уборной.

Граф Хохберг взглядом знатока смерил обеих молодых девушек и невольно причмокнул губами, найдя их вблизи еще более привлекательными, чем издали.

– Дебютантки, подобные вам, мадам, в этих уборных явление случайное и даже оскорбительное. Вы скоро получите свои собственные помещения, убранные лучше, чем этот сарай.

Тайный советник Мейлен любезно уступил кресло вновь прибывшему «интенданту», который, усевшись поспокойней, обратился к «прекрасным хозяйкам» с просьбой позволить познакомить их с двумя «знатными иностранцами», приехавшими из Лондона и «совершенно побежденными прелестью артисток».

Не дожидаясь ответа, почтенный «интендант», не допуская мысли о том, чтобы его просьба могла быть не исполнена «его» артистками, поднялся с места и собственноручно отпер дверь уборной, впуская уже знакомых нам англичан, низко склонившихся перед юными красавицами.

Маленькая Янте, очарованная красотой и любезностью лорда Дженнера, подсевшего к ней, принялась весело щебетать. Бельская попросила позволения закончить сортировку писем и посылок, только что принесенных ей в уборную.

– Пожалуйста, пожалуйста, – поспешил ответить «интендант». – Таким образом, мы окажемся поверенными ваших тайн, прекрасная Геро, и узнаем имена ваших обожателей.

Молодая артистка, молча улыбаясь, развязывала небольшую фарфоровую бонбоньерку, завернутую в папиросную бумагу и перевязанную лентой.

В бонбоньерке, вместо конфет, лежал великолепный браслет, в виде золотой цепочки, застегнутой двумя большими рубинами, окруженными бриллиантами. Прелестное лицо актрисы вспыхнуло. Резким жестом бросила она браслет на стол, но затем, подумав минуту, развернула записку, лежавшую на дне бонбоньерки под браслетом, и быстро пробежала ее. Краска негодования сбежала с ее лица; гневно сверкнувшие глаза приняли спокойное, слегка насмешливое выражение.

– Профессор, – обратилась она к Мейлену. – Вы, кажется, знаете графа Вальдензее? По крайней мере, он ссылается на вас...

– Конечно, знаю, – отозвался тайный советник, с любопытством осматривая бонбоньерку и браслет. – Это очень порядочный человек и большой любитель драматического искусства.

– Вот прочтите, что он мне пишет. Признаюсь, его записка примирила меня с его подарком. Я верю, что он не хотел обидеть меня и действительно прислал этот браслет так же точно, как прислал бы букет цветов... только «неувядающий»... Но все же я не могу принять подобного подарка, хотя мне и не хотелось бы обидеть человека, по-видимому, солидного. Скажите, профессор, что может стоить этот браслет?

– Право, я не знаток в этих вещах, но думаю, что не дороже 800 гульденов. Именно это и доказывает, что мой приятель не хотел вас оскорбить, Ольга. При его богатстве этот пустяк никакого значения иметь не может. Он просто хотел, чтобы вы сохранили воспоминание о вашем первом счастливом выходе на сцену в Бург-театре.

– Если это так, я оставлю себе браслет на память, но пошлю от имени графа 800 гульденов в общество Красного Креста; вас же, профессор, попрошу передать вашему знакомому, что мои средства не позволяют мне принимать подобные сувениры слишком часто, и попросить его не присылать мне больше «неувядаемых» цветков, слишком дорогих для моего скромного состояния.

– Решение, достойное мудрого Соломона, – с чуть заметной насмешкой произнес барон Джевид, в то время как прекрасная Геро распечатывала письмо, из которого выпал на ковер кусок синеватой бумаги.

Его поднял граф Хохберг, к ногам которого он свалился, и, рассмотрев обрезок, заметил с удивлением:

– Что это значит, мадемуазель Ольга? Кто это посылает вам разрезанный пополам билет в 1000 гульденов? Какая глупая шутка...

– Скажите лучше, какая наглая дерзость! – гневно прошептала артистка, комкая в руках толстый лист золотообрезной почтовой бумаги, от которого так и разило крепкими духами. – Представьте себе, ваше сиятельство, что эту половину банкового билета присылает мне барон Альфред Цвейфус с приглашением получить недостающую часть билета завтра утром на его квартире, где он будет ждать меня к завтраку...

– Остроумно! – улыбаясь, заметил барон Джевид.

– Ошибаетесь, барон! Эта дерзость не только остроумна, но даже просто глупа... И знаете почему? Потому, что я отвечу следующее. – Артистка быстро вынула из раскрытой шкатулки лист почтовой бумаги и карандаш и, наскоро написав три строчки, протянула их Мейлену.

Профессор быстро пробежал глазами написанные строчки и, громко рассмеявшись, прочел следующее:

«Безмерно тронутая любезностью барона Альфреда Цвейфуса, артистка Ольга Бельская столь же безмерно огорчена невозможностью принять его любезное предложение за неимением времени. Но зато она с особенным удовольствием сохранит присланный ей сувенир на память о деликатном внимании господина барона».

Общий смех приветствовал остроумный ответ молодой артистки, которая поспешно вложила записку в конверт и, позвав «одевальщицу», послала ее передать записку привратнику для немедленного вручения по адресу.

Оба англичанина переглянулись. Но в эту минуту раздался голос помощника режиссера, напоминающий о скором конце антракта, и артистка попросила «дорогих гостей» удалиться, чтобы позволить ей подготовиться к четвертому акту.

– Ах, милочка, какой он душка! – вся раскрасневшись от волнения, прошептала Гермина, бросаясь обнимать свою старшую подругу. Та грустно улыбнулась.

– Постарайся позабыть об этом хоть до конца пьесы. Помни только то, что тебе еще два акта сыграть надо.

– Ох, Оленька, чего мне бояться? Моя роль пустяки, а твой успех уже решен.

Бельская ласково провела рукой по блестящей красноватой головке своей подруги.

– Все это так, Герми, но не забудь, что «вечер надо хвалить, когда утро настанет».

Распростившись с «интендантом» и директором драматической школы, Мейленом, английские путешественники медленно возвращались на свои места. Оба казались задумчивы.

– Да, интересная особа, эта русская актриса! – заметил барон Джевид. – Умна и с характером! Такие могут быть очень полезны...

– Или очень опасны... – перебил лорд Дженнер. – Мне несравненно больше нравится другая дебютантка. Это действительно дитя, тесто, из которого можно вылепить все, что угодно.

– Или ничего! – насмешливо вставил лорд Джевид. – Не забудь, что тесто обладает способностью расплываться, причем сглаживается все, что на нем было написано.

– Всякое тесто можно заключить в форму, – с оттенком досады отрезал Дженнер. – Тогда как твоя русская Геро кажется мне степной кобылицей, не очень-то легко поддающейся выезде.

– Ну, это еще посмотрим, дружище! Во всяком случае, она стоит того, чтобы попытаться. А для этого прежде всего надо залучить ее в Америку.

– Что не так-то легко после сегодняшнего успеха Геро. Ты видел, в каком восторге его сиятельство «интендант», да и печать расхвалит русскую дебютантку.

Барон Джевид пожал плечами.

– Печать в наших руках, да, кроме того, мало ли задач, подобных этой, приходилось мне разрешать! Предоставь это дело мне, дружище.

– Как хочешь, я только прошу тебя не предпринимать ничего относительно Гермины, не предупредив меня, – серьезно заметил Дженнер.

– Эта девочка тебе нравится – тем лучше. В твоих руках она всегда останется в нашем распоряжении.

Черные брови лорда Дженнера мрачно сдвинулись, однако он ничего не возразил.

В коридоре было слишком много народу, чтобы продолжать интимный разговор. А пока они дошли до своей ложи, занавес уже поднялся для четвертого действия.

Кончилась пьеса. Умолкли последние рукоплескания. Выслушаны последние поздравления и комплименты.

Счастливые, усталые и взволнованные, смыли дебютантки белила и румяна с прелестных свежих лиц и, переодевшись в простые темные платья, медленно переступили за порог актерской лестницы в новом Бург-театре.

За дверями их встретило громкое «браво» целой толпы поклонников, по обыкновению осаждающих выход артистов. Тут были и товарищи по консерватории, и газетные репортеры, и блестящие аристократы, представители военной и штатской «золотой» молодежи, интересующейся той или иной артисткой.

Посреди восторженных приветствий Бельская села в заранее нанятую коляску и усадила возле себя Гермину, которую обещала лично отвезти к матери, уехавшей до конца спектакля по какому-то необыкновенно «важному делу».

Лошади тронулись. Извозчик медленно поехал среди расступившейся толпы. В коляску полетели цветы.

Полное разочарование

Десять дней спустя в небольшой квартирке Бельской хорошенькая Гермина Розен горько плакала, прильнув кудрявой головкой к плечу старшей подруги.

– Нет, нет, я не переживу этого разочарования! – твердила она. – После всего, что было, после такого невиданного успеха, как твой, после формального обещания самого «интенданта» и вдруг... отказ! Отказ в третьем дебюте! Это неслыханное оскорбление! И я не понимаю, как ты можешь оставаться спокойной, Ольга!?

– Приходить в отчаяние никогда не следует, особенно в тех случаях, когда ничего ужасного, в сущности, не произошло...

– Что ж, ты находишь естественным отказ в третьем дебюте после твоего успеха в первых ролях? После всего, что о тебе писал Шпейдель?

Ольга улыбнулась, но улыбка вышла невеселой.

– Доктор Шпейдель был очень добр ко мне и расхвалил выше меры, но другие критики находят, что я недостаточно правильно говорю по-немецки. Может быть, они и правы.

– Неправда! – воскликнула Гермина. – Смешно читать подобные глупости! Да и не о тебе родной речь, а и обо мне. Что ж, и у меня иностранный акцент нашли, у венской-то уроженки? Нет, все это – интрига! Марга Нессели недаром сидела как пришибленная, когда ты играла Маргариту, а ее обожатель недаром приятель г-на «интенданта».

Ольга Бельская задумалась на минуту. Слово «интрига», произнесенное маленькой приятельницей, пробудило в ней смутное воспоминание... Но, странное дело, ей припомнилась не хорошенькая актриса – в «коронных» ролях, в которых она дебютировала, а невысокий худощавый господин, в безукоризненном фраке, со звездой на груди и с чисто жидовским типом умного, болезненного лица: Адольф Блауштейн, знаменитый австрийский банкир, так усердно ухаживавший за красавицей-консерваторкой во время последнего ученического спектакля. Припомнился Ольге и великолепный кружевной веер с бриллиантом-шифром, поднесенный ей этим архимиллионером, и невольно сорвавшийся с ее губ ответ: «я не продаюсь, барон... особенно жиду...»

Боже, какой злобой сверкнули впалые черные глаза еврейского банкира, не нашедшего ответа на ее полусознательную дерзость, но смерившего ее долгим злобным взглядом... Не в этом ли взгляде следовало искать объяснения нарушения словесного условия, почти официально заключенного между дебютанткой и дирекцией венского придворного театра после ее сенсационного успеха в ролях Геро и Гретхен? Влияние жидовства велико везде, особенно же в Вене. И, как знать, не были ли два англичанина, присутствовавшие при еще более дерзком ответе русской актрисы второму влиятельному еврею-банкиру, Альфреду Цвейфусу, – не были ли они агентами, исполнителями еврейской мести? Ведь они были ей представлены самим графом Хохбергом, всемогущим «интендантом» королевско-императорских австрийских театров...

Но в таком случае, чем же объяснить нарушение условия дирекции Бург-театра с Герминой Розен, которая ни на какую дерзость не была способна, и к тому же сама была еврейкой, или по меньшей степени, дочерью еврейки, близкой к отцу того самого Цвейфуса, которого так остроумно «обидела» красавица дебютантка.

– Скажи мне, Гермина, – неожиданно обратилась Ольга к своей молодой подруге, нетерпеливо расхаживавшей по комнате. – Скажи мне, не встречала ли ты еще раз этих англичан, – помнишь тех, которых граф Хохберг привел к нам в уборную во время представления Геро?

При этом вопросе легкий прозрачный румянец на нежном личике Гермины Розен сменился яркой краской, а ее черные глазки заблестели.

– Конечно, видела – ответила она. – По крайней мере, одного из них, лорда Дженнера... Он приехал с визитом к мамаше после моего дебюта, и представь себе зачем?.. Я даже удивилась, да и мама тоже. Лорд Дженнер советовал мне бросить неблагодарную Вену и отправиться в Америку, где актрис с такими талантами, как у нас с тобой, на руках носят и золотом засыпают...

Выражение недоумения появилось на прекрасном задумчивом лице Ольги.

– Значит, и тебе предлагали ангажемент в Америку, как и мне? – спросила она. – Странно...

– Почему же странно, милая барышня? – неожиданно раздался мужской голос за спиной молодых девушек.

Обе вздрогнули и обернулись навстречу двум старикам, со снежно-белыми кудрями и удивительно почтенными лицами.

Один из этих стариков носил министерские бакенбарды и элегантный светлый костюм, немного моложавый для его лет. Но к внешности известного агента все давно уже привыкли, нимало не удивляясь его пристрастию к розовым галстучкам и коротеньким пиджачкам. Под стать костюму, противоречащему возрасту, было и лицо Карла Закса, почтенности и степенности которого противоречили лукавые и пронзительные глаза, вызывающие какие угодно чувства, только не уважения, подобающего 65-летнему старику. Карл Закс был очень популярен в артистических кругах Вены и Берлина и являлся желанным гостем в доме каждого актера или актрисы.

Спутник его был не менее популярной личностью, хотя по другим причинам. Это был высокий статный старик тоже лет 65, с длинной окладистой серебристой бородой и добрыми голубыми глазами. Одет он был в длинный черный сюртук с черным же галстуком. Август Гроссе был тоже знаменитостью театрального мира, всем известным и всеми любимым провинциальным директором. Вся Германия знала и ценила этого умного и доброго старика, заслужившего безграничное уважение и горячую благодарность бесчисленных молодых актеров, которым он облегчал первые шаги на сцене, воспитывая их в своей труппе и подготавливая для более крупных сцен.

Молодые девушки хорошо знали обоих случайно встретившихся на лестнице стариков и потому не особенно удивились их неожиданному появлению.

– Надеюсь, прекрасная мамзель Ольга простит мне мое появление из-за кулис в самую интересную минуту... Вы были так углублены в ваши размышления, что не слышали ни нашего звонка, ни наших переговоров с вашей добрейшей хозяйкой, указавшей нам путь сюда, в царство красоты и таланта.

Театральный агент говорил напыщенным слогом человека, желающего казаться совершенно благовоспитанным и утонченным. Для артистов, имеющих дело с венским агентом, достаточно было того, что «директор» Закс был редким исключением среди остальных агентов (в большинстве случаев евреев), слишком откровенно смотрящих на актеров и особенно на актрис, обращающихся к ним, – как на живой товар. Карл Закс, наоборот, щеголял вежливостью и отеческим отношением к своим клиенткам. И за это любили его, и молодые артисты охотно следовали его советам.

– Итак, вы находите, что приглашение в Америку вещь выгодная? – спросила Ольга, усадив своих гостей, и придвинула к ним ящик с русскими папиросами.

– А почему бы и не так, прекрасная Геро? – мягко и убедительно заговорил театральный агент. – Контракт, предлагаемый вам дирекцией театра в Мильвоке, мог бы соблазнить даже старую знаменитость, не только молодую начинающую артистку. Иначе я не посоветовал бы вам принять это предложение и не приехал бы сегодня повторить этот совет.

– А я отвечу вам сегодня то же, что ответила вчера, и даже еще более решительно: нет, нет и нет... И знаете почему? – серьезно возразила Ольга. – Меня упрекают в неправильном

выговоре, не так ли?.. Следовательно, я должна исправить этот недостаток. Но разве возможно сделать это, живя между иностранцами? В Америке я могу только еще хуже испортить свой немецкий язык.

Театральный агент покачал головой.

– Вы слишком добросовестны, мамзель Ольга, – неодобрительно заметил он. – Если бы ваш акцент был действительно так силен, чтобы помешать вам иметь успех, то вас, конечно, не приглашали бы в Мильвоке.

– В таком случае кому же понадобилось устроить интригу, разрушившую наш ангажемент в Бург-театре? – неожиданно вымолвила Гермина Розен. – Не подумайте, что я о себе беспокоюсь, господа. Моя мамаша всегда была против моего поступления в Бург-театр, где начинающим платят такое маленькое жалованье. Она уступила только моим просьбам да советам Ольги. Но теперь, когда мой ангажемент расстроился, мамаша положительно ликует, получив возможность принять предложение директора Яунера, который ставит новую феерию и приглашает для нее специальную труппу. Я возмущаюсь за Ольгу, которая играет лучше всех старых венских актрис и которую кто-то не хочет допустить на придворную сцену.

Старый провинциальный директор, до сих пор молчавший, неожиданно обратился к Ольге:

– Вы рассуждаете совершенно правильно, мамзель Ольга. Я также не советовал бы вам уезжать в Мильвоке, хотя бы потому, что вам, как иностранке, все-таки нужно больше времени и труда для подготовки каждой новой роли. В Америке же ставят новые пьесы чуть не каждый день, и много, если с двумя репетициями. Поэтому вам, несомненно, трудно будет выдержать целый сезон, в особенности при невозможности заранее подготовить роли в неизвестных пьесах.

Карл Закс сделал невольную гримасу.

– Вот это уж нехорошо, старый друг, отбивать хлеб у рабочего человека, – шутливо заметил он. – Если вы будете мешать мне заключать контракты, то мне придется закрывать лавочку... А я был так уверен в согласии нашей прелестной Геро, что заранее написал проект контракта, и даже принес его с собой.

– Напрасно беспокоились, директор, – спокойно заметила Ольга. – Если я отказалась от столь же лестного, как и выгодного, предложения, то именно потому, что предвидела те артистические трудности, существование которых подтвердил мне только что директор Гроссе.

– Но, в таком случае, что же вы намерены предпринять, милая барышня? Дело идет к лету, надо же вам решиться на что-нибудь, не то, пожалуй, останетесь без ангажемента на будущую зиму.

Хорошенькая Гермина снова вмешалась в разговор:

– А я советую Ольге плюнуть на все серьезные театры и поступить к Яунеру вместе со мной. Во-первых, мы будем вместе и докажем противной дирекции Бург-театра, что в ней не нуждаемся и что публика нас ценит справедливее, чем они. А, во-вторых, Яунер ставит дивную феерию, переделанную из сказки Андерсена «Воронье гнездо». Там две главные женские роли, одна лучше другой. Для одной он пригласил меня, а для другой, сильно драматической роли, он очень бы хотел заполучить Ольгу... Он сам просил меня уладить это дело и убедить тебя переговорить с ним. Я, конечно, обещала сделать, что могу, и буду бесконечно счастлива, если ты согласишься. Право, соглашайся, Ольга...

– Вам бы театральным агентом быть, милая барышня, – любезно заметил Закс. – Вы кого угодно убедите...

– Только не меня, – серьезным голосом перебила Ольга. – Ты не сердись на меня и не огорчайся. Но начинать карьеру у Яунера значит навсегда отказаться от серьезной сцены. Если я бросила родину для того, чтобы учиться и сделаться настоящей серьезной актрисой, если я имела терпение два года не прочесть ни одной русской книжки, не сказать ни слова на родном

языке, чтобы приучиться даже думать по-немецки, то, согласись, было бы по меньшей мере нелогично бросать теперь серьезное искусство только потому, что кто-то или что-то помешало моему успеху. Быть может мне, действительно, надо еще год учиться по-немецки... Что ж, я так и сделаю и пойду просить ангажемента не у Яунера, а вот у директора Гроссе. Его привела ко мне сегодня сама судьба. Быть может, он не откажется взять меня в свою труппу и заняться со мной так же, как он занимался со столькими другими начинающими актерами и певцами, ставшими теперь известными артистами.

Старый агент чуть не подскочил от удивления.

– Но позвольте, милая барышня... Мой старый друг Гроссе извинит меня. Он знает мое уважение к нему и мое доверие к его методу и его мнению. Но зачем же вам тратить год или два в маленьком провинциальном театре, в каком-то Аугсбурге?..

– Лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме, сказал Цезарь, а он был не глупей нас с вами, – улыбаясь, ответила Ольга. – Если директор Гроссе не откажет мне в советах, то я, конечно, выдержу сезон не хуже другой.

Умные, добрые глаза старого директора засветились радостью.

– Советы мои к вашим услугам, милая барышня. Поверьте, я душевно рад, тем более что артистки на ваши роли у меня еще нет. Но я должен заметить одно: бюджет моего театра весьма ограничен.

Ольга Бельская весело засмеялась.

– Ну, это вопрос второстепенный. По счастью я имею возможность прожить безбедно два-три года, и даже сделать себе нужные костюмы. Поэтому назначайте мне содержание, какое сами хотите, милый директор. Я заранее на все согласна...

В Берлине

Прошло три года...

Снова встречаем мы наших артисток, но уже в роскошном будуаре прелестного маленького особняка на одной из лучших улиц Берлина, огибающих знаменитый городской парк Тиргартен. В этой роскошной вилле живет Гермина Розен, «звезда» одного из многочисленных частных берлинских театров, сверкающая красотой, нарядами и бриллиантами более чем драматическим талантом.

Три года – время немалое для молодой девушки, и для молодой артистки в особенности. За три года женщина может многому научиться, и еще больше позабыть, не исключая и детски чистых увлечений любовью и дружбой.

Но, как это ни странно, симпатия, связывавшая двух столь мало схожих учениц венской консерватории, все же сохранилась, несмотря на трехлетнюю разлуку. И теперь Бельскую, только что приехавшую в Берлин, встретила на вокзале Гермина Розен. С величайшим трудом удалось русской артистке отвоевать себе право поселиться в гостинице «Бристоль», а не в прелестном «апартаментах», приготовленном для нее подругой в своей роскошной квартире.

В виде вознаграждения Ольга обещала приятельнице обедать у нее в тот же день и провести вместе целый вечер.

Тонкий, роскошно сервированный обед только что кончился.

Подруги перешли из великолепной столовой, меблированной черным деревом с бронзовыми инкрустациями и необычайным изобилием серебра на двух больших резных буфетах, и расположились в небольшом восьмиугольном будуаре хозяйки дома – прелестном уголке, сплошь затянутом палевым атласом с вышитыми по нем букетами пунцовых роз, любимых цветов Гермины (в этом сезоне, по крайней мере). Громадные букеты таких же роз стояли на камине и на столиках. В открытое венецианское окно, задернутое шторой из настоящего венецианского кружева, доносился свежий весенний воздух, насыщенный ароматом цветущей сирени. Окно будуара выходило в маленький цветник, расположенный перед фасадом виллы «Гермины». Затейливая золоченая решетка отделяла этот цветник от улицы.

– Ну, теперь рассказывай о своем житье-бытье, Ольга, – заговорила хозяйка, усаживая свою гостью на мягкую кушетку и придвигая к ней маленькую японскую чашечку с душистым кофе... – Ведь мы не виделись целых три года... Я каждый год надеялась тебя увидеть, но ты, точно нарочно, пряталась по разным захолустьям. Если бы я не знала Гроссе, и, главное, тебя, я бы Бог знает что подумала. Ну не хмурься, радость моя. Лучше расскажи мне, отчего ты так долго оставалась в провинции, в Граце, в Аугсбурге, в Базеле вместо того, чтобы добиваться Берлина, как это сделала я?..

Ольга Бельская внимательно оглядела прихотливую роскошь прелестного будуара и затем перевела взгляд на его хозяйку, очаровательно «интересную» в изящном «домашнем» наряде из розового крепдешина, отделанного широкими валансьенскими кружевами. На прелестном бледном личике русской артистки мелькнула тень сожаления и сейчас же исчезла.

– В сущности, мне нечего тебе рассказывать. Работала я много. И, кажется, что работала не бесполезно. По крайней мере, теперь вряд ли кто узнает во мне иностранку. Когда мой старый директор торжественно объявил мне это, то я решилась попытать счастья в Берлине, благо счастливый случай привел директора здешнего императорского театра в наш маленький Базель. Разыскивая актрис, берлинский директор посмотрел меня в двух или трех ролях, между прочим, и в роли Геро, которую я теперь играю, вероятно, лучше, чем в Вене, и пригласил дебютировать весной на казенной сцене... Вот и вся моя история!..

Гермина Розен недоверчиво покачала головкой.

– Это история твоей деловой жизни, Ольга. Но ведь ты не только актриса, но и женщина. Неужели тебе так-таки никто не понравился за эти три года?

– Никто, – просто ответила Ольга. – Да мне и некогда было думать о таких пустяках. Надо было работать.

Гермина всплеснула руками:

– Ольга... Воля твоя, но с твоей наружностью, – ты стала еще красивее, чем в те годы... Кстати, сколько тебе лет?

– Двадцать семь, – спокойно ответила артистка. Гермина Розен чуть не вскрикнула.

– Тише, тише... Ради Бога не говори этого никому. Посмотри на себя в зеркало. Ты спокойно можешь признаться в 20, много в 22 годах, но никак не больше. Мне вот всего только 18 лет по метрическому свидетельству, а я и то по совету мамыши начинаю убавлять. Пока оно кажется лишним, но лет через 25 разница выйдет заметная.

Ольга громко рассмеялась житейской мудрости своей «маленькой» подруги.

– Я вижу, что ты многому научилась, – ласково произнесла Ольга, и в ее звучном мягком голосе послышалось сожаление, – но, преклоняясь перед твоим дипломатическим искусством, я все же попрошу тебя обо мне не беспокоиться. Ты знаешь, я никогда не умела обманывать, даже первого апреля, и уж, конечно, не стану учиться теперь из-за такого пустяка, как возраст. Для актрисы возраст не имеет значения. Нам столько лет, сколько кажется на сцене.

– Воображаю, как ты красива на сцене! – вскрикнула Гермина с искренним восхищением.

– На сцене, надеюсь, ты меня скоро увидишь. Я была сегодня в императорском театре и переговорила с директором. Мой первый дебют назначен через неделю. Я играю Гретхен, затем Геро и «Дебору». Увидишь, сделала ли я успехи... А до тех пор, расскажи мне, как ты поживаешь?.. Ты очень переменялась.

– К лучшему, надеюсь? – весело перебила Гермина.

– Да, конечно. Ты стала совсем красавицей, как и следовало ожидать, и «звездой» первой величины в твоём театре. Я давно уже читаю в берлинских газетах статьи о твоих успехах, о твоих туалетах, бриллиантах...

– И так далее, – перебила Гермина с очаровательной гримаской. – Да, обо всем этом говорят больше, чем о моем таланте, что, впрочем, и понятно. В тех ролях, которыми меня награждает мой противный директор, талант, в сущности, излишен. Недавно только я сто раз подряд сыграла королеву Каролину в «Мадам Сан-Жен»... Весело, нечего сказать?..

Ольга покачала головой.

– Ты видишь, как я была права, советуя тебе не начинать карьеру у Яунера. Это выбило тебя из числа серьезных актрис.

– Однако я имела громадный успех в Вене, – перебила Гермина восторженным голосом. – Ах, Ольга, если бы ты знала, какой это был дивный сезон... Меня буквально засыпали цветами... На руках выносили в карету... И так было день за днем целый год. Пьеса наша прошла ровно 365 раз. А на следующий год меня пригласил директор «Резиденц-театра», обещая все, что угодно, и конечно, надул, противный жид. Его контракты обязывают нас играть роли по выбору дирекции. Он, конечно, уверяет всех, что это «простая формальность», обязательная только для «маленьких ролей». А на деле выходит совсем иначе. Я уже два раза разругалась с ним и хотела уходить, да мамаша удерживает. Она находит, что мое положение здесь слишком выгодно.

Гермина запнулась, встретив вопросительный взгляд приятельницы. И, заметно колеблясь, выговорила, невольно понижая голос:

– Не знаю, слыхала ли ты, что мне покровительствует принц Арнульф и... банкир Зоненштейн... Мамаша откладывает деньги в банк. Я же, по правде сказать...

Гермина снова замялась, глядя в серьезные и грустные глаза Ольги. Внезапно яркий румянец разлился по нежному личику хорошенькой актрисы и неожиданные слезы сверкнули в ее черных глазах.

– Ты не суди меня слишком строго, Оленька... Ты ведь знаешь мое воспитание и... мою мамашу. Я родилась для того, чтобы доставить ей безбедную старость, и должна была исполнить то, к чему меня готовили с раннего детства. Правда, это не очень весело, особенно, когда приходится любезничать с противным старым Зонненштейном. Но... что ж делать? Тот, кого я могла бы полюбить, для меня недостижим...

– Значит, ты любишь кого-нибудь? – с искренним участием спросила Ольга.

– Как тебе сказать. И да, и нет... Есть на свете человек, – ты его видела в Вене, помнишь, в день нашего первого дебюта...

– Лорд Дженнер! – вскрикнула Ольга, внезапно бледнея.

– Ага! И ты не забыла его, – заметила Гермина. – Значит, он и на тебя произвел впечатление...

– Мне этот красивый англичанин, и особенно его пожилой приятель, внушают страх...

– Страх? – повторила Гермина с недоумением. – Почему?..

– Причину не сумею тебе объяснить, но почему-то мне кажется, что они имеют роковое влияние на мою судьбу. Три раза встретила я их на моей дороге, и каждый раз, вслед за этой встречей, меня постигала неудача... Разрыв с дирекцией Бург-театра ты, конечно, помнишь... То же самое случилось ровно через год, когда меня пригласил директор висбаденского театра, видевший меня в нескольких ролях. Он отказался от своего приглашения под каким-то нелепым предлогом после того, как я увидела этих англичан сидящими в одной ложе с ним. Больше скажу: последний сезон в Базеле я была очень несчастна. В том самом городе, где целый год меня на руках носили, во втором сезоне газеты принялись критиковать каждый мой шаг, каждое слово. А публика, всегда такая ласковая и милая, стала холодна и равнодушна... И все это после того, как эти англичане прожили в Базеле три дня проездом во время знаменитого базельского карнавала. Конечно, все это, может быть, и случай, но какое-то внутреннее чувство говорит мне: «Берегись этих англичан»...

Гермина громко рассмеялась.

– О, русское суеверие! Ах, милочка, можно ли воображать подобные нелепости?! Эти англичане премилые люди и не могут никому принести несчастья.

– Однако и твой контракт с Бург-театром расстроился, несмотря на слово, данное директором.

Гермина сделала презрительную гримаску.

– Ах, милочка, для меня это было отнюдь не несчастьем, а скорее наоборот. Яунер платил мне по 2000 гульденов в месяц, – для начинающей артистки жалование невиданное. А кроме того, успех, которого словами не перескажешь... Нет, милочка, тот, первый год был приятнейшим годом моей жизни.

– А ты не встречалась с этими англичанами?

– Конечно, встречалась, и даже очень часто... Особенно с лордом Дженнером. Он сильно за мной ухаживал, и я была бы не прочь отвечать на его любовь, если бы не... – Гермина запнулась, и яркая краска покрыла ее лицо.

– Значит, и с тобою случилось что-нибудь неприятное? – быстро перебила Ольга.

– Как тебе сказать?.. – задумчиво ответила хозяйка. – Ну да, лорд Дженнер мне очень нравился... Но как раз к концу года, когда я уже почти решила уехать с ним в Америку...

– А?.. Значит, он тебя звал туда же? – быстро спросила Ольга.

– Ну да... Что же тут удивительного? У него большие плантации где-то около Флориды, на каком-то американском острове. Совершенно естественно, что он хотел увезти меня туда, но ему помешали какие-то семейные обстоятельства. Я не совсем хорошо поняла, почему именно

он обязан был жениться на какой-то своей испанской кузине, но зато поняла, что делить любимого человека с его законной женой я не в состоянии... Так мы и расстались... Я была очень зла и очень несчастна. Но тут подвернулся мой принц, приехавший из Берлина с каким-то поручением от своего дяди, императора. Он стал за мной ухаживать, и назло моему лорду, который осмелился приехать в Вену со своей молодой супругой, я согласилась последовать за принцем в Берлин... Он-то и устроил мне ангажемент в Резиденц-театре... Когда же за мной стал ухаживать богатейший банкир Берлина, то мой лорд и подавно должен был взбеситься. Это единственное, что меня утешает в настоящее время. Если бы он женился, то не было бы женщины счастливей меня. Но его жена... Я ведь ее видела. Он приезжал с ней в Берлин, и даже к нам в театр привозил. Должно быть, похвастаться захотел. Напрасно. Ни красоты, ни благородства нет в этой испанской «грандессе». Суха, черна... верней, желта как лимон... Рядом с ним она кажется совсем негритенком.

– Знаю. Я видела его в Базеле с какой-то дамой, только не знала, что это его жена, – задумчиво произнесла Ольга. – Они вместе прожили три дня в Базеле, а через неделю я получила предложение от Дренкера присоединиться к американскому турне, устраиваемому знаменитой Гейстингер. Условия предлагались самые выгодные, но не знаю почему, у меня душа не лежит к Америке.

– Я очень охотно поехала бы в Америку, если бы он поехал со мной. Но... так как это невозможно, то я предпочитаю остаться здесь с моим принцем и банкиром. Чего бы ты хотела от жизни, Ольга? – с участливым любопытством спросила Гермина.

– Успеха... Прежде всего, успеха на сцене.

– Но ведь ты же всегда и везде имела успех, Ольга...

– В том-то и горе, что мои успехи какие-то странные. Всегда и повсюду мое первое появление вызывает целую бурю восторгов. Но затем случается что-то непонятное и необычайное. И я вдруг перестаю нравиться тем самым людям, той самой публике, которая меня вчера еще засыпала цветами. Даже в маленьком Базеле случилось то же самое, и, не скрою, я смертельно боюсь повторения этой старой печальной истории в Берлине.

– Полно, милочка. Я ведь знаю, как ты играешь Гретхен. Берлинцы будут от тебя без ума, – уверенно заметила Гермина.

– Да, в день моего первого дебюта. А там опять что-нибудь случится, и снова мне придется искать другое место, быть может, и другое дело...

Гермина Розен хотела что-то ответить, но дверь внезапно открылась и на пороге показалась достойная мамаша молодой артистки, растолстевшая, обрюзгшая, постаревшая, в богатом, шелковом платье и с заплывшим лицом, ставшим с годами типично еврейским.

Ее появление сразу прекратило задушевную беседу подруг. Начались обычные расспросы, советы и сожаления; пришлось выслушать еще раз все то, что так часто слышала и так ненавидела Ольга Бельская в разговорах состарившихся актрис и маменек хорошеньких молодых дочерей.

Едва скрывая свое нетерпение, она просидела еще минут десять, и затем, наскоро допив чашку кофе, распростилась, пообещав приехать ужинать после представления «Фауста».

– До тех пор я запираюсь, чтобы повторить давно не игранную роль, – объявила она Гермине, провожавшей ее через ряд роскошных комнат до передней.

А почтенная мамаша хорошенькой актрисы встретила возвращающуюся дочь характерным возгласом:

– Какая странная особа эта Ольга! Такая красавица и до сих пор в суконных платьях и ни одного бриллианта!.. Удивительно непрактичный народ эти русские... Пожалуйста, не вздумай снова поддаваться ее влиянию.

В императорской ложе

Избранная Ольгой для первого дебюта роль Маргариты в гетевском «Фаусте» дает немного так называемых «выигрышных» сцен, да и то только к концу пьесы. В первых действиях Маргарита совсем не является; во втором появляется только на минуту, и только с конца третьего акта публика начинает «интересоваться» Маргаритой, причем интерес ее все же разделяется между нею, Фаустом и Мефистофелем. Поэтому актрисы довольно редко дебютируют в роли Гретхен.

Быть может, именно поэтому берлинская печать и публика отнеслись с необыкновенным интересом к новой артистке.

С момента первого выхода Маргарита сразу завоевала сердца берлинцев. Правда, счастливая наружность Ольги много способствовала успеху. Эта Маргарита казалась ожившей картиной Каульбаха и не могла не возбудить симпатии, которая росла с каждым словом артистки. Когда же она запела, наконец, всем известную балладу, расчесывая (по ремарке самого Гете) свои дивные золотистые косы, запела так, что любая оперная певица могла бы позавидовать, то вся зала, как один человек, разразилась громкими аплодисментами.

Успех увеличивался с каждой сценой. Как зачарованная слушала публика мягкий бархатный голос, с таким глубоким чувством произносивший дивные стихи Гете. Маргарита росла и менялась на сцене согласно желанию автора. Наивная и беззаботная девочка постепенно превращалась на глазах публики во влюбленную девушку, сначала счастливую, затем печальную и, наконец, безумную, так правдоподобно, что зрители минутами забывали, что перед ними не жизнь, а игра. Артистка действительно жила на сцене, и это чувствовалось зрителями.

Но еще большее отличие ожидало артистку после третьего акта. После знаменитой сцены с прялкой на пороге ее комнатки появляется Фауст. Маргарита бросается к нему. Но вслед за Фаустом входит его неразлучный спутник, Мефистофель, в котором чуткое сердце любящей девушки давно уже угадало врага. Появление Мефистофеля пугает Маргариту, которая прячет лицо на груди Фауста. Это довольно длинная немая сцена, во время которой противоположные впечатления выражаются только двумя возгласами, – одно из труднейших мест роли.

Во время этой-то сцены Ольга случайно подняла глаза на директорскую ложу в момент появления Мефистофеля. В этой ложе она увидела тех самых англичан, которых считала для себя роковыми. Они сидели позади хорошенькой, залитой бриллиантами, молодой смуглянки совершенно так же, как год тому назад в Базеле, и такое же смутное чувство беспокойства и страха больно сжало сердце актрисы. Так сильно было это впечатление и так поразительна перемена в лице дебютантки, что публика, принявшая его за выражение испуга Маргариты при виде Мефистофеля, пришла в восторг от удивительной мимики.

Не успел занавес опуститься, как к Ольге быстро подошел сам директор с известием, что император желает ее видеть.

Счастливая и сконфуженная, вошла молодая артистка в маленький салон императорской бенуарной аванложи, соединенной с театром маленьким коридором, дверь которого скрывалась пунцовой штофной портьерой.

Царственная чета приехала в театр с обеда у английского посланника и потому была в парадных костюмах. Император в красном мундире английского адмирала, с лентой через плечо, императрица в вечернем туалете, не скрывающем ее прекрасных, поистине царственных плеч и рук. Несмотря на то, что волнистые каштановые волосы императрицы заметно поседели после последней болезни, Августа-Виктория все-таки казалась моложе сорока лет, особенно когда улыбалась своей чарующей доброй улыбкой. Император, наоборот, казался значительно старше своих лет и своей супруги.

Его характерное мужественное лицо, с приподнятыми кверху густыми темно-русскими усами, было бледно, а поперек высокого умного лба легла складка, не исчезающая даже в минуты веселости и оживления.

При входе молодой артистки, робко остановившейся на пороге аванложи, император любезно поднялся ей навстречу.

– А вот и наша прелестная Маргарита, – весело произнес он звучным, твердым голосом. – Я очень рад лично поздравить вас с успехом и представить ее величеству императрице, пожелавшей поблагодарить вас за удовольствие, доставленное нам вашей удивительной игрой.

Дебютантка низко присела перед государыней, милостиво протянувшей ей руку.

– Да, дитя мое. Вы глубоко растрогали меня, и я хотела сказать вам, что никогда не видала такой правдивой Маргариты... Где вы учились, фрейлейн Бельская?

Ольга ответила, назвав венскую консерваторию и своего старого друга, директора Гроссе.

– Ах да, я слышал, что вы русская, – заметил император. – И, несмотря на это, вы изображаете нашу Маргариту, чисто немецкую девушку, так живо и натурально, как не всегда удается и лучшим немецким артисткам.

– Быть может потому, что между русскими и немцами больше родства, по крайней мере, духовного, чем думают поверхностные наблюдатели, – быстро ответила Ольга.

Император улыбнулся. Ответ артистки, видимо, понравился ему.

Императрица же обратилась к интенданту и директору, оставшимся стоять в глубине маленького салона вместе с лицами свиты.

– Как жаль, что дебюты Ольги уже назначены. Мне бы хотелось посмотреть ее в какой-либо пьесе Шиллера.

– Ах, да, – быстро прибавил император, – «Луиза Миллер» или «Жанна д'Арк» должны быть особенно интересны в исполнении нашей русской немки.

– Если вашим императорским величествам угодно, – начал граф, – то можно изменить пьесы, назначенные для дебютов...

– Нет, нет, граф, – перебила императрица, – фрейлейн Ольга, быть может, не разучивала этих ролей...

– Или просто не любит их так, как любит роли, выбранные ею, – улыбаясь, добавил император.

Поймав вопросительный взгляд интенданта императорских театров, артистка поспешила ответить:

– Смее уверить ваши величества, что я играла всего Шиллера и люблю его роли не менее чем выбранные мною... Так что, если вашему величеству угодно будет приказать...

– Просить, милая барышня, – любезно прибавил император. – Просить сыграть нам наши любимые пьесы: «Коварство и любовь» для императрицы, «Жанну д'Арк» для меня... Надеюсь, это можно будет устроить, директор?..

– Когда прикажете, ваше величество! – почтительно ответил интендант.

– В таком случае, через неделю... в понедельник...

– Ты забываешь проезд иностранных гостей, – тихо заметила императрица.

– Да, правда... В таком случае, скажем, во вторник и среду. В эти два вечера мы будем свободны.

– Если только две такие роли подряд не окажутся слишком утомительными для нашей молодой артистки? – с доброй улыбкой заметила императрица.

– Помилуйте, ваше величество. В провинции мне пришлось играть по шести раз в неделю, не утомляясь...

– Тем лучше, тем лучше... Прошу вас, распорядитесь, граф. Объявите спектакли по моему желанию, и нельзя ли, чтобы Мтаковский играл Фердинанда и Роза Поспишиль – леди Мильфорд. Мне будет очень интересно посмотреть, как три славянина справятся с чисто

немецкой трагедией. Вас же, дитя мое, – ласково заметила императрица, – я благодарю заранее за исполнение моей прихоти и желаю вам успеха для последних сцен. Они так же трудны, как и прекрасны.

Триумф

Счастливая и веселая вернулась Ольга в свою уборную переодеться к четвертому акту. В маленьком, ярко освещенном помещении она нашла Гермину Розен, пришедшую поздравить свою подругу с успехом.

Неожиданная и необычайная любезность императорской четы к молодой артистке уже стала известна всему театру и произвела громадное впечатление на берлинскую публику. Милость императорской четы к дебютантке сразу сделала ее любимицей публики, что и сказалося немедленно после знаменитой молитвы перед статуей Мадонны.

Правда, Ольга была действительно идеальной Маргаритой: в ней соединялась поэтическая красота наружности с редким пониманием роли.

Когда после веселой, злой болтовни у колодца легкомысленной Лизхен Маргарита упала с заломленными руками перед статуей Мадонны, выражая горе, страх и стыд, зрителям действительно могло показаться, что перед ними ожила картина Каульбаха... Немудрено, что после этой сцены раздались бурные аплодисменты.

Между четвертым актом и последней сценой в тюрьме у Маргариты остается более часа свободного времени, пока идут сцены Фауста и Мефистофеля. Быстро переодевшись, по своему обыкновению Ольга осталась в уборной, куда скоро набралось несколько человек «гостей».

Тут были, конечно, Гермина Розен и старый друг дебютантки, директор Гроссе. Обоих Ольга просила посидеть с ней до ее выхода.

– Не то я разнервничаю перед последней сценой до потери способности владеть собой... Эта сцена в темнице чуть ли не самая страшная во всей немецкой поэзии.

– И самая красивая, – заметил старый идеалист-директор.

– Да, конечно... Но, боже, как она трудна! Сколько работы нужно мне было для того, чтобы овладеть дивными стихами настолько, чтобы позабыть об их трудности и произносить слова Гете так, как будто они только что пришли мне в голову, и даже не мне, а сумасшедшей Маргарите... Помните, директор, сколько мы с вами работали над этой ролью?..

– Да, вы были прилежной ученицей, Ольга, и надеюсь, останетесь прилежной и добросовестной артисткой и здесь, в императорском театре в Берлине.

Ольга вздохнула.

– Не говорите так уверенно, директор... Как знать, суждено ли мне остаться здесь?..

– Ну, еще бы, – вмешалась Гермина с непоколебимой уверенностью. – После твоего успеха...

– Венский успех был не меньше этого, – пошептала Ольга. – Однако...

– Ты все еще помнишь эту глупую старую историю, – пожимая пышными плечами, проговорила Гермина. – Охота тебе думать о скучном Бург-театре.

– И рада бы не думать, да не могу... И знаешь почему? Ты видела, кто сидит в директорской ложе?

Гермина вспыхнула.

– Конечно, видела... И даже заметила красноречивые взгляды в мою сторону, но все это еще не доказывает справедливости твоего странного подозрения... Вы знаете, директор, что Ольга считает своими злыми гениями двух англичан, сидящих в директорской ложе...

– Знаю, – спокойно ответил Гроссе, – но надеюсь, что на этот раз милость императорской четы перевесит всевозможные «влияния».

В полураскрытую дверь постучали.

– На сцену, фрейлейн Ольга... – раздался голос режиссера. – Сейчас ваш выход...

– Пойдемте, доктор. Посмотрим последнюю сцену Ольги и вернемся вместе, когда занавес опустится.

Гермина схватила старика под руку и исчезла с ним между кулисами.

Ольга медленно прошла на свое место, ожидая, пока поставят декорацию темницы.

Кончилась последняя сцена... Восторженные зрители бешено аплодировали, вызывая Маргариту и Фауста. Три раза выходили артисты рука об руку, и каждый раз восторженные крики встречали и провожали их.

Но дорожке криков и аплодисментов для Ольги было расстроенное лицо императрицы, вытиравшей слезы.

Император громко аплодировал, стоя у самого барьера ложи, так что публика видела, как он вернулся к своей супруге и, взяв с ее колен небольшой букет фиалок, что-то тихо сказал ей. Императрица улыбнулась и, сняв с мизинца бриллиантовое кольцо, протянула его супругу, который быстро продел в это кольцо букет и, перегнувшись за барьер ложи, бросил его к ногам прелестной Маргариты.

Маргарита низко поклонилась по направлению императорской ложи, поднося к губам кольцо императрицы.

Сидящий первым у барьера лорд Дженнер наклонился к своей хорошенькой черноглазой жене и, взяв из рук ее большой букет пунцовых роз, дважды обернул вокруг стеблей великолепных цветов тяжелую золотую цепочку, усыпанную рубинами, которую молодая испанка поспешно сняла со своей обнаженной смуглой ручки, и бросил букет на сцену.

Всякому энтузиазму бывает конец. Аплодисменты замолкли. Огни в зрительном зале потухли, и только сцена еще оставалась освещенной. Здесь собралась целая группа вокруг дебютантки, с директором императорских театров во главе, почему электрики почтительно ожидали, не смея оставить в темноте свое «начальство».

Кроме этого «начальства», рассыпавшегося в комплиментах «прелестной артистке», очаровавшей их императорские величества, которые, уходя, еще приказали передать дивной Маргарите свое удовольствие ее великолепной игрой, возле Ольги собрались ее старые друзья: Гермина Розен и директор Гроссе, и новые «почитатели», имеющие право входа за кулисы. Между ними выделялись Фауст – Матковский и Мефистофель – Граве.

В числе этих же почитателей находился и старый наш знакомый, Карл Закс, театральный агент, приехавший, по его словам, нарочно из Вены, чтобы полюбоваться Бельской, и его берлинский «коллега» Адам Бенгч, явившийся «поздравить дебютантку с успехом» и тут же представивший ей двух влиятельных критиков имперской столицы, доктора П. Миндау из «Берлинского листка» и доктора И. Вальдау из «Берлинской газеты», оказавшихся, по их словам, без ума от прекрасной Маргариты.

Рассеянно отвечала Ольга на комплименты.

Внезапно ее точно толкнуло что-то. Она вздрогнула и подняла глаза. Перед нею стоял один из «фатальных» англичан, лорд Дженнер, почтительно спрашивая – «узнала ли его прелестная дебютантка, которой он имел счастье любоваться три года назад в венском Бургтеатре?»

Разбитые ролью нервы артистки не вполне подчинялись ее воле, так что она ответила резче, чем сама хотела бы:

– Мне было бы трудно не узнать вас, милорд. Я вижу вас не в первый раз.

– Ах да, как же, – согласился красивый англичанин. – Если не ошибаюсь, я уже имел счастье любоваться вами в Аугсбурге и Базеле...

– Как раз перед тем, как мои контракты с Мюнхеном и Висбаденом оказались нарушенными. Ваше присутствие приносило мне несчастье, милорд.

– Конечно, против моей воли, прекрасная Маргарита, – все так же спокойно и любезно заметил англичанин.

– Само собой разумеется, милорд, – быстро ответила Ольга.

Лорд Дженнер склонил красивую голову перед обеими артистками и исчез в темных кулисах.

Гермина Розен напомнила своей подруге о ее обещании ужинать у нее после дебюта.

– Мамаша уже поехала домой все приготовить, я же осталась, чтобы довезти тебя в своей карете! – dokonчила она. Ольга поморщилась.

– Знаешь что, ты не сердись на меня, но, право, не лучше ли нам поехать куда-нибудь в ресторан?..

Гермина сказала:

– Но как мне быть с принцем? Ведь я обещала ему познакомить тебя с ним за ужином. Надеюсь, ты позволишь мне привезти его в ресторан, вместе с Анной Дель-Мора, нашей первой балериной.

– Буду очень рада, если ему не будет неловко в обществе актеров.

– Напротив того, он будет рад. А ты кого же пригласила?

– Прежде всего, моего милого старика, директора, с сыном, профессором истории в здешнем университете, – ответила Ольга.

– Затем мы, грешные, – вмешался Фауст, уже успевший «сбежать переодеться» и сменить поэтический средневековый костюм на прозаический пиджак и крылатку, которые, впрочем, не мешали ему оставаться «красавцем Матковским», любимцем берлинских дам. – Я и сам наш обер-режиссер Мефистофель – Грече, плененный Маргаритой вопреки Гете.

– Не пугайте меня, Матковский, я ужасно боюсь строгих режиссеров, – смеясь, заметила Гермина. – А еще кто?

– Еще два критика, которых ты, конечно, знаешь: доктор Миндау и доктор Вальдау. Они просили позволения приехать. Отказать было неловко. Наконец, тоже вероятно знакомые тебе, Карл Закс и только что представленный мне берлинский его коллега Адам Бенгч. По правде сказать, эти сами навязались, – прибавила Ольга вполголоса.

– Не беда... Нужные люди! – заметила Гермина. Так я поеду за Дель-Мора. Принц будет ждать меня у Кранцзера...

И Гермина проскользнула в уже потемневшие кулисы, а оттуда к выходу, возле которого дожидалась ее маленькая каретка, запряженная красивым сильным рысаком.

Бельская быстро переменила костюм на белое кашемировое платье и через четверть часа, в свою очередь, выходила на улицу через так называемый «актерский» подъезд. Площадь уже опустела. Дебютантку не ожидала восторженная толпа, как в Вене. К артистке подошли только две мужские фигуры. Один из них, старик с длинной белой бородой, был директор Гроссе, сопровождавший свою любимую ученицу в Берлин; другой – высокий и статный молодой человек с красивым и выразительным лицом и густыми темно-русыми кудрями, падающими на высокий белый лоб. Удивительное сходство с отцом сразу выдавало сына директора Гроссе. Старик подвел молодого человека к артистке.

– Надеюсь, ты извинишь меня, Ольга, что я представляю тебе моего старшего сына без соблюдения светских формальностей.

Директор Гроссе говорил «ты» всем своим ученикам и ученицам... Артистка протянула руку молодому ученому.

– Я очень рада видеть вас, доктор Гроссе, и очень благодарна вам, господа, за то, что вы подождали меня. Погода такая дивная... Настоящая весенняя ночь, теплая и звездная. Если этот ресторан не слишком далеко, мне бы хотелось дойти до него пешком.

– Ничего нет легче! – весело ответил старик-директор. – До Хиллера не больше десяти минут ходьбы.

Через десять минут они остановились перед ярко освещенными зеркальными окнами ресторана Хиллера.

В общем зале модного ресторана уже дожидались запоздавших два критика, занявшие столик у окошка, вместе с артистами императорского театра.

Матковский поднялся навстречу к входящим.

– Мы заказали кабинет на всякий случай, фрейлейн Ольга, надеюсь, вы ничего не имеете против этого? Об этом просила Гермина Розен: она боялась, что ее спутнику будет неловко в слишком большом обществе.

– Вы совершенно правы, – спокойно ответила Ольга. – Нам всем будет удобней в кабинете, чем здесь, перед сотней любопытных глаз.

Анна Дель-Мора, знаменитая прима-балерина императорской оперы, оказалась, подобно большинству ее соплеменниц-француженок, живой и остроумной молодой женщиной, а принц Арнульф – любезным кавалером, простым и естественным. Что касается влиятельных критиков, то они издавна пользовались репутацией остроумцев.

Немало способствовали оживлению и оба театральные агента, – венский и берлинский.

Трудно было представить себе людей более непохожих, чем эти два театральные агента. Поскольку «директор» Закс старался казаться джентльменом, постольку его берлинский коллега, Адам Бентч, щеголял грубоватой откровенностью пруссака, подчеркивая свой народный берлинский диалект.

В сущности же, оба были хищниками по характеру и профессии, умными, ловкими и бесцеремонными дельцами, готовыми, ради выгод, на все, кроме разве открытого конфликта с уголовными законами.

Подали десерт, кофе и ликеры. Поднявшись из-за стола, публика разбилась на группы. Принц Арнульф попросил Ольгу спеть что-нибудь, хотя бы ту же балладу о старом короле, «верном до гроба», которую она пела сегодня на сцене.

Не чинясь, села молодая артистка за рояль и спела несколько старинных русских романсов с немецким текстом.

– Меня удивляет, фрейлейн Ольга, как это вы с таким чудным голосом не поступили в оперу? – заметил принц Арнульф. Ольга усмехнулась.

– Опера для меня слишком неестественна и слишком связывает исполнителя. Необходимость постоянно следить за оркестром и безусловно подчиняться палочке дирижера страшно расхолаживает меня. То ли дело драма, где я могу играть так, как Бог мне на душу положит.

– А все-таки я бы посоветовал вам бросить драму и перейти в оперу, – сказал Закс, или, еще лучше, в оперетку. С вашей красотой, голосом и талантом, вы бы стали звездой первой величины и могли бы нажить миллион в два-три года... Особенно если захотели бы...

– Поехать в Америку, не так ли? – улыбаясь, перебила Ольга. Карл Закс сделал удивленное лицо.

– Как это вы угадали то, что я хотел сказать вам, фрейлейн Ольга? Я действительно думаю о Новом Свете...

– И, пожалуй, у вас уже имеется наготове для меня контракт какого-либо американского театра?

В голосе Ольги слышалась насмешка. Венский агент пропустил ее мимо ушей и продолжал говорить медовым голосом:

– О, нет... Готового контракта у меня нет, но не скрою от вас, что мне поручено собрать немецкую труппу для большого американского турне, и если бы вы захотели принять в нем участие, то я, конечно, был бы чрезвычайно счастлив...

Красивые глаза Ольги заискрились веселой насмешкой.

– Скажите, директор Закс, антрепренерами этого турне не состоят ли два английских лорда?

Что-то похожее на смущение промелькнуло на невозмутимом лице благообразного венского агента.

– О каких английских лордах вы говорите, прелестная Ольга?

– Ах, Боже мой, – отозвалась Гермина со своего места в уголку, где она кокетничала с красивым молодым профессором. – Ольга опять вспомнила о фатальных англичанах, приносящих ей несчастье.

Рудольф Гроссе с видимым любопытством обратился к русской артистке:

– Неужели вы верите в то, что какой-либо человек может принести несчастье другому?

– Право, не знаю, – серьезно ответила Ольга. – Кто же смеет так просто и скоро решать такие сложные вопросы?

– Однако ты же считаешь лорда Дженнера и барона Джевида Моора чем-то в роде средневековых итальянских «джетаторре»?

– Ах, вот вы о ком говорите? – заметил историк, вперив в артистку долгий пытливый взгляд.

– В чем же вы обвиняете этих господ, если это не тайна? – спросил принц Арнульф, подходя к Ольге вместе с Анной Дель-Мора, за которой он ухаживал не менее усердно, чем Гермина кокетничала с профессором Гроссе.

– Я никого ни в чем не обвиняю, ваше высочество, – спокойно ответила Ольга. – Мне только кажется, что после каждой моей встречи с вышеназванными англичанами мне приходится переживать какую-либо неприятность или, верней, разочарование...

– Не смеем допытываться, какое? Секреты юных красавиц священны, – заметил берлинский агент с настолько явной насмешкой, что Ольга вспыхнула.

– Никакого секрета нет в том, что мне три раза не удавалось поступить в один из перво-классных театров, несмотря на то, что переговоры с директорами были закончены, однажды даже был заготовлен контракт, не хватало только подписей... Но... Я случайно увидела этих англичан, и контракт подписан не был. Зато меня так же неукоснительно после каждой встречи с ними приглашали и уговаривали поехать в Америку. Как видите, герр Закс, нет ничего удивительного в моем вопросе: не состоят ли английские лорды импресарио ваших американских гастролей.

– Вы удивительно... наблюдательны, прелестная Ольга, – еще слаще обыкновенного заметил венский агент.

– И удивительно догадливы, – пробормотал его берлинский товарищ, как бы про себя. – Не надо злоупотреблять подобными качествами. Это бывает опасно.

Гермина от души рассмеялась.

– Бентч прав, Оленька... Твое суеверие становится опасным. Бог знает почему, ты воображаешь двух безукоризненных джентльменов какими-то фатальными личностями, приносящими тебе несчастье. А, по-моему, барон Джевид Мор и лорд Дженнер – порядочные люди.

– Лорд Дженнер? – повторил принц Арнульф.

– Да, барон Джевид Моор – его приятель и кажется даже родственник. По крайней мере, они почти не разлучаются, – ответила молодая актриса.

– Совершенно верно, mesdames, я встретил сегодня на обеде у английского посланника обоих этих англичан. Они показались мне крайне образованными и приятными людьми.

– Я нимало не сомневаюсь в их достоинствах, – ответила Ольга, как бы извиняясь. – Но ваше высочество знаете, антипатия столь же непобедима, как и симпатия. Я право не виновата, если эти господа, особенно старший из них, барон Джевид Моор, производят на меня такое же впечатление, как Мефистофель на Маргариту...

Общий смех встретил это признание. Только берлинский агент повторил серьезно:

– Да, вы действительно наблюдательны, мамзель Ольга... Это редкое качество у молодых женщин.

– Редкое и... опасное, – подтвердил профессор Гроссе, пересаживаясь поближе к актрисе.

– В каком смысле опасное? – спросила она машинально.

Молодой историк быстро огляделся. Общество разделилось на группы и каждая казалась занятой своим отдельным разговором. Оба агента о чем-то горячо спорили со старым директором Гроссе.

Профессор понизил голос:

– Фрейлейн Ольга, не сочтите мою просьбу нескромностью, и поверьте, что мной руководит искренняя симпатия к любимой ученице моего отца. Мой милый старик так часто писал мне о вас, что я давно уже знаю и... люблю вас... Ради Бога не придавайте этому слову какого-либо неправильного значения. Поверьте, мне не до пошлых ухаживаний... То, о чем я хочу переговорить с вами, дело... слишком серьезное... Здесь не место и не время говорить о серьезных вещах, – произнес он решительно. – Потому-то я и хотел просить у вас, фрейлейн Ольга, позволения посетить вас завтра утром, если возможно... Я имею сказать вам нечто... весьма важное для всей вашей жизни...

– Я рада буду видеть вас у себя завтра утром, – улыбаясь, ответила Ольга. – Лучше всего, к завтраку, в половине первого. Тогда мы успеем поговорить...

Молодой ученый поднес к губам маленькую ручку артистки.

– О чем это вы тут секретничаете? – внезапно спросила хорошенькая балерина.

– Профессор читает мне лекцию по истории, – улыбаясь, ответила артистка.

– Истории любви? – прищурился красивые черные глазки, заметила француженка.

– О, нет, – спокойно ответил профессор. – Просто средневековую историю одного из рыцарских орденов, о котором писали столько немецких поэтов, начиная с Миллера.

Разговор снова перешел на искусство, постепенно привлекая присутствующих.

Профессор Гроссе рассказал несколько исторических эпизодов так увлекательно, что даже дамы слушали с величайшим интересом.

Когда он кончил, оба агента многозначительно переглянулись.

– Талантливый молодой человек, – заметил «директор» Закс со своей сладчайшей улыбкой.

– Чересчур талантлив, – отрывисто выговорил Бентч. – Вы слышали, конечно, поверье, что талантливые дети живут недолго.

Оба «агента» снова переглянулись и, закурился сигары, спокойно откинулись на спинку мягких кресел.

В масонской ложе

На углу двух небольших, но элегантных улиц, расположенных в самом центре Берлина (соединяя знаменитый бульвар «Под липами» с центральным складом на «Фридрихштрассе»), стоит маленький серенький домик, кажущийся еще меньше от близости окружающих его 6- и 7-этажных великанов.

В этом домике всего полтора этажа по одному фасаду и два по другому. Оба фасада отделены от тротуаров обеих улиц не широкими, но тенистыми палисадниками, в которых густо разрослись кусты сирени и акаций, в рост человека; старые липы и каштаны, достигающие своими ветвями до крыши, наполовину скрывают самое здание и совершенно прячут всякого, входящего в узкую незаметную калитку.

Пышная зелень в центральной части города немало удивляла прохожих, не знающих того, что за этой высокой решеткой, полускрытая кустами и деревьями, помещается главная квартира немецких масонов, ложа «Друзей человечества», открытая в Берлине еще при Фридрихе Великом.

Сегодня к числу масонских «Друзей человечества» должен был присоединиться и принц Арнульф, уже знакомый нашим читателям.

В ответ на просьбу молодого принца разрешить ему вступить в союз, высокие цели которого известны всему миру, император улыбнулся загадочной улыбкой и ответил:

– Я ничего не имею против «великодушных принципов» вообще. Ты же совершеннолетний, знаешь, что делаешь. Почему я и не считаю себя вправе вмешиваться в твою личную жизнь. Будь ты военным, – дело обстояло бы иначе. Но с тех пор, как ты вышел в отставку...

– Не по моей вине, ваше величество... Моя сломанная нога...

– Знаю, знаю, – перебил император. – Твоя сломанная нога не мешает тебе ездить верхом, танцевать и кататься на коньках, но мешает оставаться на военной службе... Нет, нет, милый друг... Не надо объяснений. Я прекрасно понимаю, что жить в «резиденции» хороших актрис приятней, чем командовать полком в каком-нибудь захолустье... В наше время молодежь была иного мнения, но... о вкусах не спорят. И если тебе нравятся масоны, почему бы тебе и не познакомиться с ними поближе. Пожалуй, просвети и меня, если откроешь что-либо особенно великолепное в своих новых «братьях»... От «обета молчания» они, конечно, освободят тебя, ради обращения императора германского в масонскую веру.

Не зная, принять ли эти слова императора за шутку или позволение, принц Арнульф тем не менее решил поступить в ложу «Друзей человечества», в которой у него было немало знакомых.

К десяти часам вечера древний ритуал принятия нового члена был уже исполнен. Все полагающиеся обряды были проделаны в большой круглой зале со стеклянным куполом, но без окон, слабо освещенной зеленым огнем спирта, смешанного с солью.

Принц Арнульф без сапога на левой ноге и с обнаженной левой стороной груди введен был «поручителем» – один из высших сановников финансового ведомства... Он ответил на традиционные вопросы традиционными же словами, до смысла которых не доискиваются, повторяя машинально заученные наизусть фразы. Затем с «ищущим света» проделали обязательные испытания. № 1: заряженный пистолет, из которого «ищущий света» должен был застрелиться по приказанию старшего «мастера», причем пуля пропала в рукоятке, при поднятии курка. Затем следовал № 2: кубок, наполненный кровью «изменника», убитого на глазах посвящаемого. Кубок этот подносили увидавшему «малый свет» с приказанием: выпить «кровь предателя» за «погибель всех изменников великому делу»...

Продельвая эти обряды, испытываемые не задумывались об их символическом значении и не догадывались спросить себя, а нет ли в самом деле, капли христианской крови в этом «кубке смерти»...

Вся длинная программа посвящения в первую или младшую степень масонства (дающую звание «ученика») была исполнена с подобающей серьезностью.

Настоящий смысл всех этих обрядов знали лишь немногие, и уж, конечно, среди блестящего общества, собравшегося отпраздновать «братской трапезой» прием нового собрата, не было ни одного, кто бы знал достоверно, что такое франкмасонство, служить которому «состоянием, умом, сердцем и даже жизнью» так легкомысленно клялись все присутствующие.

Среди этого многочисленного общества знал правду о целях масонства, может быть, один лорд Дженнер. А между тем, в круглом зале, превращающемся из гробницы Адонирама в самую прозаическую столовую, после принятия каждого нового «брата», собралось немало выдающихся людей, явившихся со всех концов света. Тут были представители высшего германского общества, были талантливые писатели, художники и ученые. Были не только немцы, но и французы, англичане, американцы и даже русские. Были и евреи не в очень скромной пропорции, могущей привлечь внимание даже не особенных любителей «избранного племени», ибо в первых степенях масонства нередко встречаются иудефобы, не подозревающие, что они служат тайному обществу, являющемуся созданием и собственностью иудейства, тем оружием, с помощью которого евреи надеются отвоевать себе всемирное владычество над поработанным и обезличенным христианским человечеством.

Глядя на блестящее собрание представителей всех государств и народов, председатель «банкета», – великий мастер Шотландии, присланный специально для торжественного посвящения принца Арнульфа, лорд Дженнер презрительно усмехался, в глубине души своей недоумевая, каким образом ум, талант, знания, опытность, так просто, спокойно, по-детски глупо попадают в ловушку, где приманкой служили человеколюбие, прогресс, всеобщее братство народов, вечный мир, духовное усовершенствование и прочие «побрякушки», как игрушки детям бросаемые этим людям настоящими масонами, великим «тайным обществом», остающимся всегда и везде одинаково опасным «разрушителем государств и развратителем народов».

Как же было не смеяться лорду Дженнеру, человеку, лучше всех знающему историю всемирного жидовского заговора.

Заседание великого международного синедриона

В то время как в круглой зале, на официальной «братской трапезе» в честь нового «свободного каменщика» принца Арнульфа, рекой лилось шампанское и красноречие на самые возвышенные и гуманные темы, в нижнем, полуподвальном этаже домика, в такой же круглой зале, но только с каменными сводами вместо стеклянного купола, засело другое собрание, менее многочисленное, но зато несравненно более осведомленное о сущности и цели масонства.

Здесь тоже было немало людей, съехавшихся из самых отдаленных частей света, из различных государств. Но, несмотря на это, лица присутствующих казались однообразными, что и было вполне естественно, так как в жилах их текла иудейская кровь, в более или менее чистом виде.

Однако, несмотря на общность типа, какое разнообразие физиономий, выражений и манер! Рядом с безукоризненным английским джентльменом лордом Джевидом Моором сидел не менее безукоризненный французский «жантильом» – барон Аронсон, которого называли «одной из правых рук» международной семьи всесветных банкиров, миллиардеров Блауштейнов. По правую руку барона Аронсона поместился необычайно некрасивый господин, средних лет, с лицом калмыцкого типа, с узкими, как шелки, приподнятыми к вискам глазами и приплюснутым широким носом. Это был известный петербургский банкир, Леон Давидович Гольдман, которому всесветная фирма Блауштейна «передала в распоряжение Россию»... Так, по крайней мере, говорили на бирже знатоки финансовых вопросов.

Необыкновенно умный и необыкновенно проницательный, Гольдман пользовался репутацией гениального дельца, умеющего создавать «дельце» из ничего. Благодаря столь редкому таланту, Гольдман, живя в Петербурге, состоял директором-распорядителем чуть ли не полсотни различных фабрик, заводов, паровозных и железнодорожных линий, рудников и приисков, разбросанных по «лицу земли русской», получая около трехсот тысяч ежегодного жалованья, к тому же «гарантированного».

Возле Гольдмана сидели еще два представителя России – «биржевых короля», – Литвяков и барон Ротенбург, московский и петербургский дельцы, столь же мало похожие друг на друга, как старый еврей-лапсердачник похож на сугубо «цивилизованного» столичного франта.

Московский банкир – еще молодой человек – Яков Лазаревич (читай: Янкель Лейзерович) Литвяков, принадлежал к тому сорту евреев, которых отцы и деды, всеми неправдами скопившие миллионный капитал, «пустили в университет», где можно сделать «уф самые прекрасные знакомства». Молодой жидочек сумел исполнить мечту своих тателе-мамеле и так успешно «делал знакомства», ухаживая за каждым, случайно встретившимся, сыном или племянником влиятельного человека, что к 35 годам был уже мужем настоящей русской дворянки, предки которой записаны в шестую часть родословной книги. Через год после свадьбы, при посредстве своего тестя, старого русского аристократа, за которого будущий зятек заплатил 400 тысяч вексельных долгов (по двугривенному за рубль), Литвяков получил не только титул барона, но и камер-юнкерский мундир.

Внешность барона Ливякова немало способствовала его успехам. Он был красив, и, главное, умел прической, одеждой, манерой носить усы, «по-гвардейски», и подвигать чуть-чуть рыжеватато-белокурые волосы, – так искусно изображать «кровного русского», что только очень опытные наблюдатели и знатоки еврейского типа могли бы подметить в его красивых карих глазах то злобное лукавство, которое выдает еврея во всяком платье до седьмого поколения включительно.

Барон Александр (читай: Сруль Моисеевич) Ротенбург, петербургский банкир, был глуповатым стариком. Сохранив характерный облик ветхозаветных пророков, какими изображают их художники, барон Ротенбург носил длинные серебряные кудри, падающие по плечам, и

такую же бороду. Его красивое, характерное и умное лицо, с правильными старческими складками, освещалось большими черными глазами, сохранившими силу и блеск молодости. При этом было что-то патриархальное в его манерах, в его голосе, в способе выразиться, что-то ветхозаветное в лучшем смысле этого слова. Одевался барон Ротенбург просто и строго, следуя моде лишь настолько, чтобы не казаться смешным.

Против сидящих рядом «русских» баронов поместилась целая группа представителей южных латинских государств: Испании, Италии и Португалии. Все они были маленькие, юркие фигурки из «цивилизованных» еврейчиков, в модных ярких галстуках и пестрых жилетах, и принадлежали к «либеральным профессиям»: адвокаты, врачи, архитекторы или журналисты в смокингах, с холеными руками и до блеска вылощенными ногтями.

Другого типа были немецкие евреи. Серьезные и спокойные, чуждые южной вертлявости и северной неповоротливости, они держались с достоинством, как и подобало людям с известными именами в науке, литературе или искусстве. Тут было два популярных профессора, один баварский актер, главный режиссер королевского театра, три талантливых писателя и, наконец, уже знакомые нам «влиятельные» критики Берлина, «доктора» Мильдау и Вальдау.

От Швеции явились два политических деятеля еврейского происхождения. От Финляндии приехал раввин, характерный облик которого казался вырезанным из старой картины, да два нееврея – единственные в этом иудейском собрании, представители двух партий, ненавидящих Россию. Один из них сенатор, шведоман, другой – главный оратор социал-демократической партии, придуманной иудеями в качестве новой приманки для начинающих прозревать «гоимов». С тех пор рабочие, одураченные и обманутые вербовщиками социал-демократической партии, покорно идут на пристяжке у жидо-масонов, не замечая того, что она на деле является представительницей того самого капитала, которому объявила войну на словах.

В общем, вокруг крытого зеленым сукном стола сидело двадцать семь душ, представителей большинства государств земного шара.

Только один человек резко отличался своим нееврейским лицом, хотя в его жилах текло немало иудейской крови. Это был русский граф немецкого происхождения, влиятельный сановник, прославляемый за границей и ненавидимый в России. Сын и внук чистокровных евреев, граф Вреде походил лицом на русскую графиню, принесшую его деду дворянское имя, единственной наследницей которого она была, а своему сыну и внуку чисто русскую красоту, заставившую всех позабыть о том, что графы Вреде были только привитая ветвь на древнем родословном дереве.

К сожалению, даже устойчивая еврейская наружность изменяется легче, чем еврейская душа, и граф Вреде, с таким неподражаемым искусством разыгрывавший роль русского аристократа и русского патриота, готового «костью лечь» за самодержавие, в сущности, был таким же евреем, как и остальные двадцать шесть делегатов всемирного франкмасонства, или, верней, всемирного кагала, управляющего франкмасонством.

Подземный зал резко отличался от помещения масонских лож, оборудованных специально для заседаний с участием членов первых посвящений, в то время как официальные помещения этих лож снабжались всевозможными мистическими или символическими предметами и вышитыми коврами на стенах, изображающими то различные сцены ветхого завета, то карту всемирного распространения масонов, то план будущего храма Соломона, созидание которого является официальным предметом занятий «свободных каменщиков». Посвящаемым оно объясняется так: «Сие следует понимать иносказательно – подразумевается храм души человеческой, воссоздать который значит очищать душу от низких и грешных чувств, украшая ее высокими достоинствами, составляющими сущность учения Христова...»

Постоянно повторяемое новопоступающим членам имя Христа Спасителя не мешало масонам выбирать для украшения своих лож, так же, как и «передников», исключительно сцены из ветхозаветной истории, символическое значение которых члены высших посвяще-

ний, или «мастера», понимают совершенно иначе, чем «ученики» и «подмастерья», знающие только объяснения своих руководителей, мало чем отличающиеся от того, что привыкли слышать христиане в детстве на уроках священной истории и катехизиса.

Правда, выбор этих сцен и символов мог бы возбудить подозрение в человеке дальновидном или... предупрежденном. Но такие не допускались в масонские ложи, как опаснейшие враги. Наивные же люди, присоединявшиеся к союзу «свободных каменщиков», просто из любопытства, как принц Арнульф, или из желания действительно поработать на пользу человечества, как добрая треть поступающих, совершенно равнодушно относились к ветхозаветным картинам, как и ко всем древним «обрядностям», сохранившимся, по мнению легковесных и легкомысленных людей, только из уважения к «историческому прошлому».

Да и мог ли придти в голову современному человеку, привыкшему относиться насмешливо ко всему на свете, вопрос, почему в ложах изображаются продажа Иосифа братьями и жертвоприношение Исаака?

Могла ли христианину, даже потерявшему веру, но все же воссавшему христианское мировоззрение с молоком матери, придти в голову чудовищная мысль, что здесь извращается священное сказание об испытании веры Авраама, в оправдание гнусных каббалистических преступлений?

Увы, если бы мистическое значение масонских символов стало известно, если бы искусные злодеи не умели так удачно гипнотизировать избранные ими жертвы, то добрая половина «братьев каменщиков» первых степеней с ужасом убежала бы из преступных «лож», отрясая прах от ног своих...

Но... одни не знают, другие не верят, третьи не хотят ни знать, ни верить, а в результате иудо-масонство расплывается все шире, подобно ядовитому лишая, разъедающему тело человеческое, и губит одно христианское государство за другим.

Соединенное международное собрание настоящих главарей масонства с одной стороны и всемирного кагала с другой, носящее название «верховного синедриона», управляет более или менее непосредственно всеми тайными обществами всего мира. Никаких символических «игрушек» в помещении этого «великого судилища» не было. Люди, собравшиеся здесь, были слишком серьезны и слишком много знали, чтобы забавляться подобными «мелочами». Они спокойно сидели вокруг своего покрытого зеленым сукном стола, на котором лежало и стояло все то же, что можно было видеть в любом министерстве любого государства, т. е. чернильницы, карандаши, листы белой бумаги и только... Очевидно, собравшиеся здесь не нуждались во внешнем напоминании цели этого «заседания».

Не было между ними заметно и каких-либо иерархических различий. Все держались как равные, не исключая и председателя, обыкновенно выбираемого собранием перед каждым «очередным», т. е. ежегодным съездом, и только на одно заседание. Правда, бывали собрания внеочередные, созываемые исполнительной властью иудомасонства, «советом семи», или единолично таинственным «блюстителем престола израильского», который избирается великими «мастерами» масонства и главными раввинами различных государств через каждые семь лет (с правом переизбрания, впредь до появления иудейского «мессии» – антихриста).

В таких экстраординарных заседаниях председательствует посланный созывающего съезд, снабженный особыми полномочиями и правами.

Но на этот раз заседание было очередное, ежегодное и председательствовал избранный закрытой баллотировкой представитель Англии, барон Джевид Моор.

Верховный синедрион нашего времени

Занятия иудо-масонского великого «судилища» начались до прихода лорда Дженнера, председательствовавшего на «братской трапезе» в честь принца Арнульфа. Но, как и всегда, в начале каждого «очередного» заседания разбирались второстепенные вопросы местного характера. С появлением второго уполномоченного масонства Англии, великого мастера шотландских масонов, покинувшего круглую залу банкета под предлогом нездоровья, началось обсуждение серьезных общих дел. Отправляясь на этот тайный съезд представителей всесветного иудомасонства, каждый из присутствующих принимал нужные меры для того, чтобы в том государстве, гражданином которого он считался, не догадались ненароком о цели его путешествия. Для этого уезжающие, особенно занимающие видное положение в обществе или на службе, оказывались в нужном городе всегда «случайно». Кто «по делам», кто «проездом», кто «по болезни». Если бы доверчивые правительства догадались проследить за здоровьем всех едущих лечиться за границу сановников либерального пошиба, сколько неожиданностей раскрылось бы! Но... кто же станет не доверять бедному «больному», уезжающему посоветоваться со «знаменитым профессором»?

Графу Вреде, по крайней мере, этот предлог сослужил верную службу раз десять, если не больше. Да и ему ли одному...

Проверка полномочий присутствующих состояла, конечно, не в документах, могущих попасть в чужие руки, а в каком-либо таинственном слове, смысл которого часто оставался непонятным даже повторяющему его, или в каком-либо жесте, сопровождаемом передачей самого обыденного предмета: платка, папиросы, конверта с листом белой бумаги внутри и т. п.

Барон Джевид Моор, здесь председательствующий, доложил почтенному собранию о положении двух величайших европейских организаций, действующих параллельно, – знаменитой «Алит» (Alians Internationale Israelite) – международного еврейского союза, официально занимающегося только благотворительностью, – и франкмасонства.

– С чувством горделивой радости можем мы оглянуться на успехи последнего времени, – закончил барон Джевид свою речь. – Нами достигнуто многое... Не говорю уже о денежной силе еврейства, накапливаемой веками. Не говорю даже о порабощении всемирной печати, находящейся почти полностью в наших руках, так что мы можем в каждую минуту не только «руководить» так называемым общественным мнением любого государства, но даже заставлять целые народы смотреть нашими мыслями. При помощи наших газет и журналов мы можем придавать громадное значение каждой мелочи, выгодной для нас, и замалчивать, т. е. заставлять забывать самые серьезные вещи, важные для гоимов. Мы можем изобретать, извращать или отрицать факты и события, превращая черное в белое и вредное в полезное, благодаря покорно исполняющим наши приказания официальным или официозным телеграфным агентствам, которые в данное время, все без исключения, в полной зависимости от нас... Это порабощение печати было необходимо для выполнения плана, намеченного в чрезвычайном соединенном заседании «великого синедриона» и совета семи. Закончив его, мы можем перейти к статье 2-й нашей программы и заняться порабощением школы, без которой нам не удастся развратить христианские народы настолько, чтобы они утратили способность сопротивления, утратив понимание своего достоинства, своих выгод и даже своего самосохранения. В школах формируются души будущих поколения наших врагов. Школы гоимов должны быть таковы, чтобы прошедший их ребенок и юноша выходил отравленным неверием, развратом и равнодушием ко всему, кроме грубой животной чувственности. Подробности нашей школьной программы разработаны комиссией наших ученых педагогов. Перед каждым из нас лежит отпечатанный экземпляр этой программы. Начало школьного порабощения уже сделано во Франции, где так прекрасно удавались нам все первые опыты. Собственными руками французов разбили

мы их древний исторический оплот – монархию, мы сделали свою «великую революцию», утопив в море крови честь и силу Франции... надо надеяться – навсегда... Все это вам известно, дорогие братья, и потому я не стану распространяться о наших успехах во Франции, которая в настоящее время в наших руках. Да и могло ли сохранить свободу и независимость племя, дозволить нам так легко и быстро, почти без борьбы, уничтожить патриотизм и религиозность, осмеять добродетель и поработить женщин настолько, что эти дуры-гойки отказываются иметь детей, обрекая свой народ на постепенное вымирание... Одним из умнейших ходов наших было изобретение мальтузианства с его произвольным ограничением рождаемости. Французские писатели, вроде Мопассана, добровольно помогли нам ускорять гибель своего племени, приучая мужчин смотреть на материнство как на обузу, а женщин – как на несчастье и уродство. Франция погибла окончательно с того дня, когда французы стали издеваться над беременной женщиной, когда-то, что остается для наших женщин величайшим несчастьем и позором – бездетность, стало для француженок величайшим счастьем, для достижения которого совершаются ежедневно тысячи детоубийств по всей Франции... Наши девушки обязательно должны выходить замуж, дабы еврейский народ плодился и размножался. Презренных же гоек мы сумели натолкнуть на роковую дорогу пресловутого «равноправия», превращающего женщин в существа бесполое, негодные ни к чему, наподобие куриц-пулярок, место которых на вертеле. Вот эти-то пулярки доставят нам победу, отказываясь быть женами и матерями, ради возможности стать плохими чиновниками или посредственными учеными. Кто владеет женщиной – владеет народом. Мы уже успели развратить большинство гоек, исказив их разум и чувства. Это первый шаг к достижению нашей заветной цели, к порабощению всех назореев, долженствующих стать бесправными и бессловесными рабами избранного Богом народа Израильского!..

На смену барону Джевиду поднялся русский «джентльмен», барон Литвяков.

– Вполне соглашаясь с досточтимым оратором, я желал бы предложить почтенному собранию легкое изменение плана, разработанного нашей комиссией, с целью ускорения его исполнения. Мне кажется, что параллельно с окончательным завоеванием Франции, мы могли бы серьезно заняться Россией, к которой можно применить ту же самую программу, с легкими изменениями. Высшие школы в России давно уже завоеваны революционными партиями, исполняющими роль передовых отрядов в великой армии Израила. Не трудней будет завоевать и среднюю русскую школу. Тем более что в этом направлении мы уже работаем незаметно, но довольно успешно. Если усилить интенсивность этой работы, то...

– Простите, что я перебею вас, почтенный брат Янкель Айзикович, – неожиданно заговорил граф Вреде, приподнимаясь с кресла. – Но... конечно вы не станете отрицать, что мне известно положение России лучше, чем кому бы то ни было?.. Благодарю вас за согласие и прошу позволения высказать мои соображения, делающие вашу мысль, прекрасную саму по себе, недостижимой в настоящее время. Не забудьте, что Россия оставлена Александром III в таком состоянии, в котором она легко может сломить нас, если заметит наши стремления. Следовательно, необходимо сначала устроить так, чтобы накопленная за царствование этого Императора русская сила, как духовная, так и материальная, была бы истрачена в иностранной войне, во внутренней смуте или, еще лучше, в обеих вместе. Тогда только можно будет использовать вашу прекрасную мысль. Для успокоения же досточтимого собрания, я не скрою, что мы работаем столь же неустанно, как и успешно, над подготовкой войны и смуты, в которой должны будут сломиться силы России. Но именно поэтому я бы просил пока оставить Россию в стороне и не будить ее внимания слишком открытыми выступлениями... Россия от нас не уйдет. Но не забудьте, что эта величина так громадна и обладает такой исполинской мощью, что разрушать ее надо осторожно и постепенно, и притом, главным образом, русскими руками. Я убежден, что первое подозрение в существовании нашего могущества и наших планов будет сигналом к нашему поражению, если мы не успеем заранее уничтожить силу русского народа.

Малейшая неосторожность, раскрывающая наши карты, может стать причиной окончательного проигрыша всей нашей игры. А потому я и просил бы высокое собрание предоставить русское дело мне и моим друзьям, в числе которых я с гордостью называю присутствующих делегатов Империи. Когда настанет нужная минута, мы не преминем предупредить верховный синедрион, прося помощи всех наших сил. До тех же пор, мне кажется, более благоразумным окончательно утвердиться во Франции, дабы иметь в Европе твердо обоснованное иудейское государство, могущее позволить нам терпеливо дожидаться восстановления всемирного царства израильского.

– Ставлю предложение графа Вреде на голосование, – произнес председатель, окинув вопросительным взглядом присутствующих. – Прошу несогласных подняться с места!

– Прекрасно – более трех четвертей присутствующих согласны с мнением графа Вреде. Предложение его принято безусловно, – объявил барон Джевид.

– Что касается Франции, – в свою очередь заговорил изящный молодой человек, лет 35-ти, в котором только наблюдательный взгляд мог бы признать жида под маской французского «кавалера», – то наше влияние там настолько сильно, что мы можем позволить себе все решительно... Я думаю, вы не забыли то знаменитое заседание, так называемого «французского национального собрания», когда эти «патриоты» переменили мнение о насущном для французского народа вопросе лишь потому, что один из депутатов, «великий мастер Франции», сделал два знака, разоблачившие его сан и приказавшие всем присутствующим масонам повиноваться по мановению руки нашего брата, проект о выносе символов христиан из судов и школ прошел громадным большинством голосов, несмотря на только что высказанное отчаянное сопротивление большинства депутатов. Правда, два-три дурака, поддерживавших наш проект, вскоре покончили с собой, поняв гибельность новой меры для Франции... Но для нас эта потеря невелика. Взамен отравившихся или застрелившихся нашлись другие, еще более падкие на наши деньги. Цель же наша была достигнута. И движение этой цели уже оказывает глубокое и неотразимое влияние на общество и нравы Франции. Процент неверующих, глумящихся над религией или сомневающихся, перешедших в одну из родственных нам сект, сразу удесятерился, и в настоящее время успех нашей проповеди так велик, что мне кажется возможной и необходимой постройка храма Соломона в самом Париже, в виде противовеса дерзким назареем, выстроившим католический храм на Монмартре, в крепости французского, верней – международного, социал-демократического пролетариата.

По залу пронесся одобрительный шепот. Собрание, видимое, увлечено было словами оратора. Председатель приготовился поставить на голосование проект, когда в ответ на его вопросительный взгляд внезапно заговорил барон Ротенбург.

Глубокий старик-банкир с места не поднялся. Преклонные лета или нежелание «ораторствовать» объясняли и извиняли это исключение, на которое, впрочем, никто не обратил внимания, кроме двух делегатов России – графа Вреде и банкира Гольдмана, – обменявшихся многозначительным взглядом.

– Если бы речь шла о возобновлении настоящего храма Соломона, – медленно и негромко начал старик, – то я отдал бы все мое состояние до последнего рубля, отдал бы последние дни моей жизни ради достижения столь славной цели. Но, увы, священные стены Сиона лежат в развалинах и, к стыду народа израильского, никто даже не пытается восстановить их в Иерусалиме.

– Достопочтенному барону Ротенбургу известно, какие непреодолимые затруднения мешают осуществлению плана, горячо желаемого всеми нами, – начал было председатель, но старый фанатик не дал ему докончить:

– Мы не в общем заседании масонской ложи, перед членами первых посвящений, барон Джевид. Мы среди правителей народа еврейского и потому обманывать нам друг друга нечего. Мы все прекрасно знаем, что непреодолимых затруднений для еврейского влияния в настоя-

щее время не существует, особенно в Турции, где все продажно, а следовательно, подвластно нам, и где масонство уже готовится к перевороту, который делает магометанское государство нашим рабом. Если бы мы, евреи, серьезно захотели восстановить настоящий храм Соломона в Иерусалиме, то никому из гоимов не удалось бы помешать нам! Но мы сами боимся подобной попытки. В нас самих иссякла вера в обещания пророков и мы боимся, чтобы слова вечного врага нашего, Иешуа Ганоцри не сбылись, чтобы вновь воздвигаемые стены не раздавили бы нас по Его повелению... До того дошли мы, евреи, что стали верить пророчествам казненного предками нашими, стали бояться Его гнева... А вы говорите о могуществе вашей «Алит». Что значит могущество внешнее, материальное, в сравнении с внутренней, духовной трусостью, что значит наше золото перед разложением душ наших?..

Гробовое молчание ответило на слова старого фанатика. Поняли ли присутствующие их роковое значение? Сжались ли их преступные сердца мрачным предчувствием? Как знать!..

Но тяжелое молчание прервано было председателем, холодный и резкий голос которого точно разрушил тягостное впечатление, произведенное правдивой речью верующего еврея.

– Досточтимый собрат наш уклонился от программы сегодняшнего заседания. Вопрос о возобновлении храма Иерусалимского на повестке не стоит. Да, кроме того, это вопрос перво-степенной важности, который нельзя обсуждать внезапно, как бы мимоходом. Для успокоения же нашего почтенного представителя русского еврейства, я напомним ему, что восстановление храма Иерусалимского соединено с пришествием нашего мессии, будущего победителя нашего вечного врага. Время же пришествия этого предсказано пророком Даниилом, подобно всем мировым событиям. Следовательно, до этого времени начинать разговоры об этом совершенно излишне... Почему я и попрошу нашего дорогого собрата вернуться к разбираемому вопросу и сообщить нам, как он относится к постройке временного храма Соломона в Париже, или в каком-либо другом пункте земного шара, где владычество уже перешло в наши руки?

Вздых облегчения вырвался у большинства собравшихся вокруг этого зеленого стола, за которым готовилась гибель всего христианского человечества и порабощение всех государств земного шара. Бурные аплодисменты наградили председателя, спокойно опустившегося на свое кресло, промолвившего официальным тоном:

– Слово принадлежит барону Ротенбургу.

На этот раз старый еврей поднялся с кресла и, опершись на стол своей морщинистой, точно из воска слепленной, рукой, заговорил громче и резче, чем в первый раз:

– По вопросу о постройке временного храма Соломона в Париже, я придерживаюсь особого мнения, которое и прошу занести в протокол нашего заседания, представляемый на рассмотрение «совета семи» и на утверждение «хранителя престола израильского»... Я нахожу, что постройка подобного храма могла бы иметь значение только тогда, если бы в этом храме проповедовалось чистое учение Моисея, записанное Торой и поясненное в священных книгах талмуда учеными раввинами и святыми «наси», князьями церкви израилевой. Но так как я знаю, что всякий храм, возводимый масонством, называйся он синагогой, буддийским капищем, – церковью какой-либо новой секты, пытающейся слить христианство с еврейством, наподобие рыцарей тамплиеров, или даже открыто храмом «свободных каменщиков», – все же он останется капищем сатаны, в котором поклонники Люцифера будут совершать свои гнусные обряды. Я поэтому протестую против всяких грандиозных построек. Для евреев достаточно простых синагог, число которых ежегодно множится. Что же касается люцифериан, постоянно завладевающих еврейскими душами, как и еврейскими организациями, то мое мнение о них я высказывал не раз.

– Позвольте, – быстро и решительно перебил оратора председатель. – Позвольте мне возразить вам, досточтимый брат, что убеждения отдельных членов великого международного синедриона никого не касаются. Обязательны для нас всех только две вещи: ненависть к гоимам и их нечистой вере и почитание крови израильской, текущей в жилах избранного

народа, мирового господства которого мы клялись добиваться всеми средствами. И если одним из этих средств оказалось служение Люциферу, то никто из не желающих поклоняться нашему всесильному покровителю не имеет права оскорблять тех из них, кто признает своим вождем грозного царя зла, мрака и крови.

Старый еврей молча выслушал это замечание сравнительно молодого человека, только глаза его загорелись да презрительная усмешка скривила тонкие бледные губы. Когда же барон Джевид Моор замолчал, то представитель еврейской «России» заговорил, по-видимому, спокойным голосом, в котором, однако, нетрудно было уловить дрожь страшного, с трудом сдерживаемого возбуждения.

– Оставляя каждому из нас свободу верить и молиться кому и как угодно, я имею право, – да, г-н председатель, – право, столько же, как и обязанность, высказать вам, почему я нахожу средство к борьбе с гоимами, избранное большинством еврейства и масонства – то «средство», которое вы называли люциферианством, или поклонением сатане, – крайне вредным и опасным для самих евреев... Надеюсь, что мои коллеги, собравшиеся здесь, не откажутся выслушать глубокое убеждение старика, которого вы, быть может, уже не досчитаетесь при следующем съезде... Пусть же мой слабый голос раздастся в последний раз для предупреждения братьев моих, израильтян, о гибельности пути, легкомысленно выбранного ими...

– Предупреждаю почтенное собрание, что оно имеет право просить замолчать каждого сочлена, если не желает слушать его мнения, хотя бы даже и мотивированного... – сказал председатель.

– Пусть говорит... – раздался голоса. – Мы можем, и мы должны все выслушать, все обдумать и все принять к сведению в интересах народа еврейского, – спокойно и уверенно произнес лорд Дженнер от имени большинства членов.

Председатель молча опустил на свое место, предоставляя барону Ротенбургу продолжать говорить.

Старый еврей молчаливым круговым поклоном поблагодарил за разрешение и начал тихим и серьезным голосом, в котором слышалась глубокая печаль.

– Друзья и братья... Мы здесь все евреи и потому не можем говорить о терпимости, благодаря которой погибают враги наши, обожающие Распятого предками нашими. Мы обязаны ненавидеть и презирать все другие религии, а, следовательно, и все другие убеждения. Люциферианство же превратилось в новую религию, начинающую подавлять еврейскую веру, изгоняя ее из еврейских сердец... Я знаю, вы ответите мне, что каббализм основан, или, по крайней мере, записан, высокочтимым и святым равви Акиба, которого считают автором «Сафер Иезирах» – книги творений, опубликованной раввином Моисеем де Леоном. Прошу прощения у знающих все это за повторение того, что им известно. Но молодому поколению евреев мало известна история веры отцов наших. Многие из них не знают даже древнего языка талмудов и должны довольствоваться плохими переводами наших священных книг. Даже здесь, на этом заседании международного еврейского синедриона, нам приходится говорить, стыдно сказать, по-немецки для того, чтобы мы могли понимать друг друга...

Смутный ропот пробежал вокруг стола. На лицах присутствующих выразилось тягостное смущение. Только граф Вреде и Гольдман переглянулись, все с той же полунасмешливой улыбкой. Но старый фанатик не заметил этой улыбки, увлеченный своими мыслями.

– А мы работаем для всемирного господства евреев, во имя объединения нашего, рассеянного по всему миру, народа, связанного только общностью веры, интересов чувств и мыслей. Как же не сказать, что все, вносящее разделение в среду нашу, является пагубным в самом принципе своем. Книга же «Зогар Гакадош», явившаяся как бы дополнением и объяснением «Сафер Иезирах» ребби Акима, создала первый великий раскол в еврействе, которое не могло расколоть ни тиранство ассирийских и вавилонских извергов, ни мудрость египетских и халдейских вероучений, ни железные легионы римских цезарей, ни тысячелетние

гонения последователей «известного человека». Книга «Зогар Гакадош», все равно кем бы она ни была написана, Симоном ли бен Иохаем, бывшим первосвященником и «князем», «наси» храма Иерусалимского, или только мудрым каталонским раввином, Моисеем де Леоном, сделала то, чего не могли добиться ни сила, ни мудрость, ни преследования врагов наших. Она создала первый раскол в еврействе, создав каббалистов и, в противоположность им, талмудистов, к которым имею честь принадлежать и я, недостойный петербургский равви... Не стану разбирать здесь страшного вопроса, имеет ли каббала твердое, фактически доказанное научное основание, или же является бредом полубезумия, если даже не сплошным обманом?... Больше скажу, я не могу допустить, чтобы простым обманом можно было увлечь миллионы человеческих рассудков, захватывая и удерживая их своего рода сказкой, как бы красноречива и гениальна ни была эта сказка... Голый обман раскрылся бы когда-нибудь. Когда же я вижу лучшие умы еврейства, мудрейших учителей наших предков: равви Азриеля, Эзры, Исаака бен Лафита, Моисея де Леона, Моисея Кардоваро, Моисея Нахмани, вормского ребби Элезара и столько других мудрых, ученых и благочестивых раввинов в списках верующих в действительность откровений каббалы, то я преклоняю голову и умолкаю! Но в следующую же минуту мной овладевает страх перед опасностью, грозящей народу израильскому, не в меру увлеченному тайными науками. Не говоря уже о том, что слишком много лучших голов еврейских бросают деятельность в пользу народа нашего, ради углубления в тайны каббалы, что уменьшает силы нашего народа.

Старый раввин окинул почти скорбным взглядом собрание и продолжал с возрастающей экспрессией:

– Наш народ и без того немногочислен, сравнительно с племенами человекообразных животных, созданных Творцом нашим на потребу избранному народу израильскому. Эту опасность еще могли бы преодолеть евреи, среди которых мудрость и энергия не исключительные качества, как среди гоимов, а всеобщее врожденное, племенное достоинство. Но много опасней то, что, углубляясь в изучение тайн каббалы, мудрецы наши уходили в дебри и пропасти невидимого мира духов и мертвецов. Общение с темными силами завлекало каббалистов все дальше и дальше и, в конце концов, в погоне за волшебной силой, подчиняющей мир невидимый, каббалисты натолкнулись на силу зла, стоящего на страже этого невидимого мира, и пали ниц перед ней... Создалось поклонение Люциферу, к которому примкнуло множество гоимов...

В древние времена предки наши, работавшие для той же священной цели, которой мы все посвятили себя и жизнь нашу, т. е. для создания всемирного владычества еврейства, предки наши радовались, заманив в сети каббалы и неразрывно связанной с ней черной магии целые общины назореев, вроде могущественнейшего ордена тамплиеров, рыцарей храма.

Заботливо поддерживались предания каббалистов среди назореев и создавались из обломков рыцарей-храмовников первые ложи свободных каменщиков... История масонства известна вам всем, дорогие товарищи, и потому я не стану о ней распространяться. Но не скрою от вас того, что, радуясь расширению этого тайного общества, работающего для нас и под нашим руководством, я сильно озабочен распространением среди него поклонения сатане... С тех пор, как масонству стала ненужной притворная приверженность к христианству, с тех пор, как «свободные каменщики» получили возможность открыто выступить на защиту угнетенного еврейства, я замечаю страшное уменьшение благочестия среди народа израильского, в связи с угрожающим развитием поклонения повелителю зла – сатане. Вы не видите в этом опасности, считая Денницу-Люцифера своим союзником. Пусть так!.. Но я не могу отделаться от мысли, что Творцу неба и земли, сказавшему: «да не будут тебе бози инии, разве Мене» не может быть приятно поклонение Его слуге, восставшему против своего Создателя... Вы ликуете, утверждая, что распространение сатанизма среди гоимов и назореев поможет вам достигнуть главной цели вашей, развращения, т. е. обессилению, уничтожения гоимов, потому

что защитник их, Иешуа Ганоцри, разгневался на них за измену и перестанет защищать их в борьбе с нами. Я же вижу глубокое противоречие в этой радости. Вы как бы признаете непобедимую силу Иешуа Ганоцри, которого мы – евреи, признаем чернокнижником, обессиленным мудрыми раввинами, распявшими его руками римских поработителей. Так думали предки наши, так думаем и мы, старики... Если же мы сами начнем признавать силу нашего вечного врага, – а бояться только того, во что верят, – то как же бороться и к чему подниматься для достижения конечного торжества Израиля? Дайте мне ответ! Решите мое недоразумение, дорогие братья по крови, прежде чем требовать от меня одобрения постройки новых капищ сатане, где бы то ни было и под каким бы то ни было названием.

Вторично гробовое молчание ответило старому фанатику, бессильно опустившемуся на свое кресло. Присутствующие молча переглядывались, видимо борясь с растерянностью, а может быть и со страхом, вызванным страшными словами всеми уважаемого петербургского раввина.

Но вот, после минутного молчания, медленно поднялся с места сосед графа Вреде, банкир Гольдман. Его некрасивое калмыцкое лицо было почти так же бледно, как и лицо барона Ротенбурга, но голос звучал твердо и спокойно.

– Я отвечу нашему досточтимому равви одним из предисловий нашего талмуда, запрещающего углубляться в размышления о сущности божества, непостижимой уму человеческому. Всем нам известно, что есть и другие вещи или вопросы, о которых раздумывать слишком опасно для нашего хрупкого рассудка. Для посвящающих себя серьезному и постоянному изучению каббалы необходим не только специально тренированный ум, но и вдохновение... Откуда исходит это вдохновение, я не знаю и не спрашиваю... Было время, когда и я терзался сомнениями и жадой знания, подобно многим из нас. Но оно прошло, к счастью, прибавлю я. В настоящее время я работаю для возвеличения народа моего! Этого довольно для моего успокоения. Но все же я вижу, что каббала, или черная магия, двери которой охраняются Люцифером, много помогает нам в достижении нашей цели, а потому отказаться от нее было бы глупо. Я не знаю и не хочу знать, кто окажется сильнее – сатана или «известный человек», но я пользуюсь поддержкой и помощью того, кто доступен нам, против того, примирение с которым для нас невозможно уже потому, что оно повело бы за собой исчезновение еврейства. Кроме того, не забудьте, что мы способствуем и радуемся распространению поклонения сатане между гоимами уже потому, что талмуд утверждает, что человечество должно быть совершенно развращено перед приходом Мессии, а так как люциферианство, несомненно, способствует увеличению разврата и преступности, то...

Ропот недовольства раздался вокруг стола. Несколько молодых французов не воздержались от восклицания негодования. Некрасивое, умное лицо петербургского банкира осталось непоколебимо, и только насмешливая улыбка скривила его вывороченные толстые губы.

– Неужели мы станем себя обманывать, господа? Неужели будем делать вид, что считаем сатанизм религией добра и света? Полноте... Будем иметь мужество открыто высказывать свои убеждения, хотя бы здесь между нами, и сознаемся в том, что поклонение сатане не только ведет к разврату, но уже само по себе разврат, преступление и богохульство, заставляющее нас, люцифериан, изменять Богу Моисея и пророков, ежедневно нарушая все десять заповедей Его... Но ведь мы свободно выбирали пути наши, а потому и можем открыто признаться в том, куда ведут эти пути.

– Я прошу не говорить за меня, – крикнул старый фанатик Ротенбург. – Я никогда не принадлежал к вашей адской секте и никогда не участвовал в жертвоприношениях Молоху – сатане...

Улыбка уродливого банкира приняла поистине дьявольское выражение злобной насмешки.

– Но зато вы участвовали, и неоднократно, в истязании назорейских младенцев, ради добывания из них пейзаховой крови... Скажите, мудрый равви, неужели вы думаете, что эта жертва приятна богу Израиля? Я же думаю, что она приносится тому же сатане, Люциферу.

– Наш Яхве приказал Аврааму принести ему в жертву первородного сына своего, – гневно крикнул старик.

– Но Бог не допустил исполнения этого убийства, заменив дитя животным.

– Дети назореев те же животные, имеющие человеческий облик только для того, чтобы евреям не противно было принимать от них услуги... Так говорит священный талмуд! – горячо возразил старый фанатик.

– Странного же мнения Яхве о нас, евреях, – с горькой усмешкой ответил петербургский банкир, – если предполагает, что нам приятней вытачивать кровь из человекообразного животного, могущего стонать и плакать, умоляя о пощаде, как наши собственные дети, чем из какого-нибудь петуха или козленка...

Глухой ропот раздался вокруг стола. Председатель поспешно поднялся.

– Предупреждаю почтенных ораторов, что отвлеченных, философски-религиозных споров следует, по возможности, избегать на заседаниях великого международного синедриона, ибо, увлекшись ими, легко можно позабыть практические цели собрания.

– Совершенно верно, – согласился банкир. – Я именно это и хотел ответить почтенному реббе Ротенбургу. К чему догматические споры?.. Кто прав, кто виноват – покажет время. До появления Мессии уже не далеко, ибо он должен родиться, по предсказанию каббалистов, в 1902 году, через какие-нибудь шесть лет. Тогда решатся все вопросы, ныне разъединяющие нас. До тех же пор предоставим каждому делать общее дело возвеличения еврейства, как ему угодно.

Раздались единодушные одобрительные восклицания. Даже старый фанатик слегка кивнул своей белой бородой.

– А теперь, – проговорил председатель, – вернемся к первоначальному вопросу, из-за которого разыгрался наш спор, и решим, следует ли строить храм Соломона в Париже, пока нам там не удалось еще добиться полного отделения церкви от государства, т. е. полного изгнания римского католичества с его служителями и упразднения монастырей, которые являются как бы крепостями назореев, рассадниками и источниками силы гоев и вражды к масонству и еврейству...

– Позвольте мне, досточтимые братья, сказать два слова, – начал один из французов, совсем еще молодой человек с бедным лицом и злобно горящими впалыми глазами. – Как вам может быть известно, я приехал сюда представителем французских колоний и поэтому знаю заокеанскую жизнь лучше всех присутствующих. Но я знаю также и Париж, в котором вырос и который посещаю почти ежегодно. И я могу сказать вам с полной уверенностью, что Париж все еще не достоин увидеть первый храм Соломона, созданный всемирным масонством.

Во Франции католицизм все еще тлеет под пеплом, все еще успешно борется с нами. Еврейство же слишком малочисленно в Париже, как и во всей Франции, для того, чтобы заставить народонаселение повиноваться. Наоборот, в колониях мы господства положения. В Алжире католицизм угасает с каждым днем. На Мартинике мы сделали великий шаг вперед для уничтожения назорейства, даровав гражданские права цветному населению голосами наших парламентских прислужников. Вся масса вчерашних рабов, черных, мулатов и метисов, сохранила память о служении сатане и ее нетрудно будет оживить и направить по желанной нам дороге. Кроме того, в колониях нашим соплеменникам удалось захватить не только богатство, но и влияние настолько, что мы смело можем распоряжаться всем и всеми. Во французской Африке люциферианство победоносно водворилось, захватывая даже и соседние немецкие и английские колонии. Не так давно одного из люцифериан-чиновников судили германским судом, смешно сказать, – за превышение власти и жестокое обращение с неграми. По счастью,

никому из судей не пришло в голову доискиваться причин «странного» поведения подсудимого, которого наши ученые психиатры поспешили выставить невменяемым, красноречиво доказывая «пагубное» влияние тропического климата на белую расу... Мы много смеялись, читая этот процесс. Наш немецкий единомышленник отделался простым выговором, от которого мы, конечно, могли бы его предохранить, если бы он был «наш» – еврей. Но из-за гоя, хотя и принадлежащего к нашим единомышленникам, не стоило пускать в ход слишком сильные средства. Не так ли? Большинство присутствующих молча кивнули головой, только граф Вреде произнес спокойно:

– А вы уверены в том, что в этом человеке не было нашей крови?

– Совершенно уверен, – отвечал оратор, – так же, как и в том, что он ни в коем случае не выдал бы наших тайн, сохраняя данную клятву, хотя бы ценою жизни... Это странная, но полезная особенность немецкой скотины, которой мы особенно охотно пользуемся... Но возвращаясь к моему предложению основать храм масонов, сатанистов, посвященный будущему «царю земному» – антихристу, в одной из французских заокеанских колоний. Это имеет две несомненные выгоды: обеспечивает нам поклонников, число которых в тех местах теперь уже превышает численность «назореев», и не привлечет внимания гоимов всего мира, с которыми пока еврейство еще не может справиться, особенно до уничтожения монархов, являющихся самыми опасными врагами нашими, так как вокруг них группируются все верующие в Иешуа Ганоци и все патриотические животные различных государств.

В ответ оратору поднялся великий раввин Франции, Задок Кан, благообразный старик, не уступающий в наружной «почтенности» раввину Ротенбургу.

– Наш алжирский коллега прав, – подтвердил он. – Я должен признаться, что за последнее время в Париже замечается странное явление. Казавшееся иссохшим старое католическое дерево начало давать новые ростки. Вера в Назаряя растет и ширится. Правда, наряду с ней разрастаются и враждебные католичеству секты, которые мы умножаем с мудрой осторожностью, подготавливая их на все вкусы. Секты и являются первой ступенью лестницы, ведущей в храм Люцифера. Однако, не скрою, что все эти секты пока еще не в силах победоносно бороться с католичеством. В настоящее время мы работаем с особенным рвением над уничтожением официальной религии. Добиться этого нам удастся через два, три года. До тех же пор, если масонство находит нужным постройку нового храма, то я согласен с мнением предыдущего оратора и советую выбрать для этого Алжир или Мартинику! Все другие колонии либо слишком отдаленны, либо слишком людны, а следовательно, и не могут своим значением оправдать крупных затрат на возведение здания, достойного величия всемирного масонства.

– Ставлю вопрос на голосование, – сказал председатель. – Прошу согласных с мнением последних ораторов насчет выбора подняться с места.

Из двадцати семи присутствующих поднялось двадцать четыре. Остались сидеть только Гольдман, граф Вреде и барон Ротенбург.

– Предложение принято... Выбор места, смета расходов, планы и т. п. предоставляется, по нашим статутам, исполнительному органу всемирного синедриона, т. е. «совету семи». Объявляю заседание закрытым, если кто-либо из членов не имеет особенных вопросов или замечаний...

Мрачно молчавший до сих пор лорд Дженнер внезапно поднялся:

– Прошу повременить одну минуту, барон Джевид... Прежде чем разъехаться, нам предстоит решить еще один вопрос: следует ли нам отказаться от избранных нами орудий, или продолжать работать для овладения ими?

Со всех сторон устремились вопросительные взгляды на говорящего. Очевидно, большинство не знало, о чем идет речь.

Председатель поморщился.

– Собственно говоря, вопрос, которого коснулся наш досточтимый собрат, представитель Шотландии, должен решаться в совете семи. Но раз он заговорил о нем здесь, то я не вижу причины скрывать наш план от верховного синедриона... Дело идет о двух актрисах. Одна из них еврейка, – это Гермина Розен...

– О ней нечего говорить, – поспешно перебил лорд Дженнер. – За ее полную покорность отвечаю я.

Насмешливый взгляд пронзительных глаз барона Джевида скользнул по невольно вспыхнувшему лицу своего приятеля. Но голос его сохранил подобающую председателю серьезность, когда он продолжал давать объяснения по неожиданно поднятому вопросу.

– Тем лучше... Значит, дело идет только об одной актрисе Бельской. Она русская по рождению, православная по религии и не поддается нашему влиянию, обладая недюжинной силой воли, которую я назвал бы невероятной в столь молодой женщине, если бы не убедился лично в присутствии в ней какой-то странной, очевидно вполне бессознательной, духовной энергии, предохраняющей ее вот уже три года от всех наших внушений, простых и гипнотических... Но, повторяю, вот уже три года, как мы наталкиваемся на сопротивление.

– Раз она русская, то это понятно, – холодно заметил Гольдман, прищуривая свои раскосые глазки. – Все эти православные носят на груди знак, получаемый при рождении, и он дает им силу сопротивляться... многому... Я бы посоветовал вам, друзья мои, не вступать в борьбу, могущую стать опасной, из-за такого пустяка, как женщина. Как бы красива и умна она ни была, но найти другую, еще красивей, не так уже трудно. Начинать же борьбу с символическим знаком, получаемым русскими при крещении, вещь рискованная. Подобная борьба может завести нас слишком далеко...

– Я присутствовал при дебюте этой актрисы и убедился в том, что она чрезвычайно понравилась не только «Кайзеру», но эта русская, к сожалению, очаровала императрицу чуть ли не больше, чем «Кайзера». Следовательно, помешать ее приглашению в императорский театр, по слухам уже подписанному, и увлечь ее из Берлина куда-нибудь, где мы могли бы распоряжаться, не опасаясь непрошенных вмешательств и любопытства, хотя бы прокурорского, вовсе не так легко.

– Что же, нам признать себя побежденными и оставить какую-то девчонку, назарейку, торжествовать над нами? – вспльщиво крикнул один из представителей Италии. – Это было бы унижением для масонства столько же, как и для нашей всемогущей Алит.

Гольдман спокойно улыбнулся.

– Я не вижу никакого унижения в том, что мы добровольно отказываемся от плана, признанного неудобным или требующего слишком больших жертв. Раз избранное орудие ничего не подозревает, то его можно просто оставить в покое, ничем не рискуя.

– И, как знать, – подтвердил граф Вреде, – быть может, можно будет использовать ее влияние на императора без ее ведома? Если ей удастся заинтересовать «Кайзера» настолько, чтобы отвлечь его от некоторых «планов», слишком неудобных для нас, то это было бы чрезвычайно выгодно.

Барон Ротенбург заметил тоже в свою очередь:

– Я разделяю мнение графа Вреде и советовал бы оставить в покое эту актрису. Женщины, завербованные силой или хитростью, бывают слишком часто опасны. И раз эта ничего не подозревает о нашем существовании и о наших планах, то и мы можем спокойно позабыть о ней и о них... В женщинах у нас никогда недостатка не будет. В том порукой наши вербовщики, раскинувшие свои сети на всю Европу. Из бесчисленных «номеров», доставляемых в наш «центральный склад» из всех государств мира, всегда можно выбрать достаточное число красивых женщин, более подходящих для роли орудия, чем эта русская актриса, не покоряющаяся воле такого опытного и могучего «инспириатора» и гипнотизера, как Джевид Моор. Повторяю мой совет – забыть о существовании этой актрисы, благо она не подозревает правды.

– А если это не так... – медленно возразил председатель. – Если она подозревает слишком многое, а, пожалуй, даже и знает кое-что? Я вижу волнение на лицах ваших, досточтимые собратья, и спешу успокоить вас. Пока еще опасность не велика, хотя один из наших лучших агентов донес мне сегодня утром, что ученый историк, приват-доцент здешнего университета, бывший масоном первого посвящения, Рудольф Гроссе, позволил себе высказать артистке, очевидно приглянувшейся ему, кое-что, могущее раскрыть ей глаза на сущность масонства и его настоящие цели.

– Но позвольте, барон Джевид... Каким образом один из «учеников» масонов мог узнать что-либо из настоящих тайн ордена? – возразил Гольдман. – Это кажется мне совершенно невозможным, а потому и беспокойство ваше излишним.

Председатель покачал головой.

– Досточтимый Леон Давидович, поверьте, что я не стал бы беспокоиться из-за пустяков. Но в данном случае речь идет о вещах более чем серьезных: доктор философии и приват-доцент всемирной истории, Рудольф Гроссе, был необычайно даровитым юношей, привлечшим наше внимание уже в бытность свою в университете в Бонне. Заманить его в нашу Боннскую ложу было не трудно, но удержать его оказалось трудней. Пробыв года два «учеником», молодой человек попал на военную службу вольноопределяющимся и объявил открыто о несовместимости солдатской жизни с требованиями нашего ордена. Так как верховным Бет-Дином (судом нашим) была признана необходимость оставить братьям первого посвящения свободу выходить из ордена в случае желания, то и «ученика» Беньямина, Рудольфа Гроссе, было разрешено освободить от его клятвы ордену, вычеркнув его из списков всемирного союза. Но само собой разумеется, что за ним учрежден был негласный надзор, как за каждым, добровольно вышедшим из ордена.

Шепот одобрения раздался вокруг стола. Барон Литвяков громко выразил его. Гольдман поморщился, но ничего не сказал, ожидая дальнейших сообщений председателя, который продолжал своим холодным ровным голосом:

– Первые годы ничего подозрительного в поведении бывшего масона не было замечено. Он строго держал клятву молчания, и мы уже собирались перенести его имя из списка подозрительных в список неопасных, когда нашим наблюдателем замечено было особенное направление ученых трудов доктора Гроссе. Он, очевидно, занимался историей «свободных каменщиков», изучая по первоисточникам переходные этапы нашего союза... согласитесь, это было уже подозрительно... Когда же выяснилось, что бывший масон готовится обширную историю масонства при содействии знаменитого ученого, устраненного за измену ордену, то опасность стала несомненной...

– Позвольте, дорогой барон, – перебил Гольдман. – Мало ли подобных «историй» издается ежегодно то тут, то там. Значения они иметь не могут, так как успех их зависит от нас. Да, кроме того, быть может, эта история масонства и не содержит в себе ничего враждебного нам.

Насмешливая улыбка мелькнула на лице председателя.

– Неужели я бы стал затруднять верховный синедрион пустяками? – с оттенком раздражения спросил он. – В том-то и дело, что нашим «наблюдателям» удалось ознакомиться с основными взглядами молодого историка, и даже перелистать некоторые главы его будущей книги...

– И что ж?... – раздалось сразу несколько голосов.

– Рудольф Гроссе принадлежит к школе Тэна и обладает несомненным талантом и громадным терпением в поисках за документами. Он уже нашел доказательства единства всех тайных обществ, бывших известными в средние века, и убедился в их решающем влиянии на распадение и гибель государств. И при этом он заметил аналогию между жизненными условиями народов и государств древности с такими же условиями нашего времени. Надеюсь, этого довольно, чтобы беспокоить орден... Опасность же еще увеличивается от его увлечения этой актрисой, которую нельзя смешивать с «номераами» женского стада, ежегодно продаваемого

нашими агентами на Восток. Бельская – образованная женщина! И, главное, она умеет мыслить... вспомните Бокля: «Влияние женщин на успехи знания»... То, до чего мужчина доходит путем долгого, усидчивого труда и логическим исследованием фактов, женщина хватается на лету благодаря своей способности вносить в науку фантазию и группировать из незаметных мелочных признаков самую сложную картину ясно и точно. Вообразите теперь сближение мужского знания и женской фантазии, направленных на одно и то же? Припомните, что предметом размышлений для мужчины и женщины несомненно явится наш орден и повторите, что опасности нет... если посмеете...

Все молчали. Даже Гольдман не решился оспаривать председателя. Только, после минутного размышления, он произнес решительно:

– Я нахожу преждевременным принимать бесповоротные решения. Сближение молодых мужчины и женщины легко может ограничиться чувством, или чувственностью, не переходя в серьезную духовную связь, обуславливающую общее увлечение наукой. Поэтому я бы посоветовал прежде всего узнать правду о том, были ли сделаны какие-либо разоблачения, и тогда уже поступать сообразно степени и серьезности измены бывшего масона.

– Во всяком случае, оставить эту женщину здесь, вблизи императора, совершенно невозможно, ее надо убрать отсюда, так или иначе.

Почтенный старик, с лицом ветхозаветного патриарха, добавил многозначительно:

– Так или иначе... быть может, сказано слишком поспешно... К крайним средствам прибегнуть всегда успеем. Я бы советовал даже избегать их, особенно в Германии. Не забудьте, как трудно здесь затушевать всякое уголовное дело. Припомните, чего нам стоило прекращение следствия по делу в Ксантене... А там речь шла о неизвестном гимназисте, погибшем на дороге к своей любовнице... (как установлено было судебным следствием), – насмешливо улыбаясь, подчеркнул барон Ротенбург, причем злобная усмешка скривила его тонкие губы и придала его благообразному лицу чисто дьявольское выражение, сразу раскрывшее всю злобу иудейской натуры. – Здесь же, – продолжал петербургский равви, – где замешана красавица актриса, лично известная императору и его супруге, привлечь внимание уголовной власти в десять раз опасней...

– Совершенно верно, дорогие собратья, – поспешно добавил представитель германских социалистов, доктор Бауэр, почтенный господин средних лет с солидным брюшком и золотыми очками на характерном жидовском носу. – Не только выгодней, но и осторожней будет устранить эту опасную актрису мирным или, по крайней мере, бескровным образом. Каким именно, – мы спокойно можем предоставить обсуждение комитету семи, мудрость которого, конечно, найдет способ согласовать нашу безопасность с необходимостью устранения личностей, вредных для ордена.

– Что же касается этого приват-доцента, которого мы имеем право считать минеем (доносчиком), то с ним церемониться нечего, – злобно сверкая глазами, крикнул молодой итальянский раввин, являющийся в то же время городским головой Неаполя.

– К какой ложе принадлежал он, когда принял посвящение? – осторожно спросил великий раввин Франции, – и можно ли действительно назвать его минеем?

Председатель перелистал толстую тетрадь в синей обложке, лежащую перед ним.

– Вот его страница... Рудольф Гроссе принят в ложу Тевтония в Бонне, десять лет назад. Два года усердно посещал собрания, был на лучшем счету. Его готовили к высшим степеням. Внезапно стал удаляться от братьев, познакомившись и сойдясь со знаменитым лириком Мозером. Шесть лет назад открыто объявил о своем выбытии из ложи и ордена, ссылаясь на необходимость отбывать воинскую повинность и невозможность согласовать присягу солдата с клятвой «свободного каменщика». Получил отпускную, согласно «явному» уставу. Записан в книгу подозрительных. Передан трем наблюдателям... Следуют имена их. С тех пор неоднократно писал против нашего союза, но всегда настолько осторожно, что мы закрывали глаза, избегая

привлекать внимание. Только недавно узнали мы, что он подготавливает обширное сочинение по истории тайных обществ. Последнее донесение говорит: «весьма вероятно, что некоторые главы его сочинения были прочитаны вышеназванной актрисе, с которой он, наверное, уже говорил во враждебном союзе смысле»...

– Ого... – раздалась гневные голоса... – Это меняет дело... Изменник и доносчик под- лежит смерти по нашим статутам. Разногласия быть не может в подобном случае...

– Разве только в вопросе о том, какой приговор поставить и кому передать исполнение? – осторожно добавил германский социалист. Снова поднялся граф Вреде.

– Предоставим совету семи решить этот вопрос, дорогие собратья. Подобные «подробности» входят в компетенцию нашего исполнительного органа и нуждаются лишь в принципиальном одобрении великого синедриона.

– Ставлю на голосование вопрос об этом одобрении, – спокойно произнес председатель. – Согласных прошу встать с места.

На этот раз поднялись все присутствующие, за исключением петербургского банкира Гольдмана, оставшегося сидеть, «просто по рассеянности».

– Да ведь и без меня большинство было обеспечено! – объяснил он по окончании засе- дания окружавшим его знакомым.

Граф Вреде молча улыбнулся. Он слишком хорошо знал своего «приятеля», чтобы пове- рить его «рассеянности». Что же помешало ему подняться, когда решался вопрос о жизни и смерти изменника и его сообщницы? Неужели ему жаль стало этих людей?

Русский сановник покачал неодобрительно головой.

– Наш Гольдман на дурной дороге, – шепнул он барону Ротенбургу, присоединившемуся к нему в маленьком палисаднике, разросшиеся кусты которого скрывали уходящих через узкую калитку, искусно проделанную в самой чаще уже зацветающей сирени. – Его знакомство с французской актрисой, на которой он собирается жениться, очевидно, дурно влияет на него, внушая ему слабость, недостойную еврея. Я боюсь, чтобы жена-гойка не завела нашего друга в непроходимые дебри душевных противоречий.

Старый фанатик ничего не ответил. Он молча пожал руку графа Вреде и, догнав великого раввина Франции, принялся горячо говорить с ним на древнееврейском языке, непонятном для большинства присутствующих.

Русский граф молча улыбнулся. В голове его мелькнула мысль: «И мы собираемся осно- вывать всемирное государство, требующее полного единения всех евреев! Мы, не имеющие ни общего языка, ни общих верований, ни общих убеждений и идеалов... Все это было и прошло, забыто... сдано в архив вместе со «старыми ханаанскими штанами», по остроумному выраже- нию 40 раввинов Германии. В конце концов, всемирное господство жидовства разобьется на куски, как разбилось столько всемирных империй. И тогда людям с умом и энергией, действи- тельным избранникам судьбы, достанутся обломки мирового престола, из которых мы сумеем смастерить царский трон для нас и наших потомков!.. Так было после разрушения империи Александра Македонского, так будет и с всемирным владычеством евреев... Пожалуй, еще раньше – после падения полумирового владычества России... И тогда настанет твое время, Помпей Вреде... которое я вижу и подготавливаю...

В Тиргартене

В конце мая, или начале июня, когда молодая зелень еще не сожжена солнцем, старый Тиргартен так дивно хорош, что, блуждая по его тенистым дорожкам, забываешь близость Берлина.

Особенно прекрасен роскошный парк, подаренный Вильгельмом I городу Берлину (с тем, однако, чтобы ни одно дерево не могло быть срублено без разрешения императора) – ранним утром, когда молчаливые аллеи еще не превращены в шумные бульвары бесчисленными колясками, каретами, велосипедами и извозчиками.

В эти часы «публику» встречаешь только изредка на усыпанных песком узких дорожках, предназначенных для всадников.

Берлинская аристократия, настоящая и поддельная, военная и штатская, избирает ранние часы утра, от 7 до 9, для кавалькад.

Число наездников и наездниц все увеличивается с каждым днем, вплоть до середины июля, когда вместе с окончанием скачек в Гоппер-гартене кончается и официальный весенний берлинский «сезон». Берлин пустеет, большинство театров закрывается и в столице остаются только те злосчастные люди, которым некуда или нельзя бежать из духоты каменных коридоров, именуемых городскими улицами.

Май только подходил к концу и прелестные аллеи древовидной жимолости, окружающие памятник «Победы» в Тиргартене, стояли облитые грандиозными гроздьями благоухающих розовых цветов. Берлинская аристократия была еще в сборе и тенистые аллеи Тиргартена были оживленней, чем когда-либо, в аристократические часы раннего утра.

Особенное внимание всех встречных в это утро привлекла кавалькада, состоящая из кавалеров и двух амазонок, позади которых держался на почтительном расстоянии маленький грум, мальчишка лет пятнадцати.

Амазонки были прелестны. Они дополняли своей молодой красотой прелесть дивного весеннего утра в зеленом оазисе парка, спрятавшегося за двойной оградой шестиэтажных зданий.

Наездницы сидели на великолепных чистокровных конях, а в углу синих чепраков дамских седел виднелась золотая корона над красиво переплетенными буквами: А.Ф.

Принц Арнульф-Фридрих афишировал себя в обществе своей протезе, известной всему Берлину звезды «Резиденц-театра». Для немецкого аристократа это была несказанная дерзость, но так как принц Арнульф был холост, в военной службе не числился и пользовался репутацией неисправимого ловеласа, то на его выходы берлинские аристократические кумушки обоего пола смотрели сквозь пальцы, тем более что император относился к нему снисходительно.

Рядом с принцем ехала, впрочем, не Гермина Розен, оставшаяся во второй паре, между двумя красивыми молодыми поручиками, бывшими однополчанами принца и его ближайшими друзьями, – а Бельская, так быстро ставшая популярнейшей артисткой прусской столицы, звездой первой величины на полотняном небе театрального Берлина.

Русская артистка не могла устоять перед предложением принца Арнульфа испробовать его прекрасных верховых коней и согласилась участвовать в утренних кавалькадах. Сидя на горячем караковом скакуне, Ольга чувствовала себя совершенно счастливой.

В классической черной суконной амазонке с разгоревшимися щеками и блестящими глазами, она была особенно красива.

Принц Арнульф залюбовался молодой женщиной.

– Да вы такая же прекрасная наездница, как и великолепная актриса, – восторженно воскликнул он, видя, как Ольга легко и свободно «взяла барьер» на пробном скаковом кругу в конце Тиргартена, где офицеры обыкновенно объезжают своих коней.

– Я ведь недаром казачка... У нас, в степи, маленькие девочки скачут на неоседланных лошадях. А привычки детства не забываются...

– Значит, вы южанка? – полюбопытствовал принц. – Вот бы никогда не поверил... С вашими глазами, с вашими золотисто-пепельными волосами, вы тип настоящей северной красавицы, – любезно заметил принц.

Гермина Розен, слышавшая этот комплимент, громко рассмеялась.

– Ого, – насмешливо проговорила она, трогая свою лошадь хлыстом и выравнивая ее по другую сторону принца. – Предупреждаю, принц, напрасно потеряете время... Моя Ольга холодна, как настоящая царица льдов, хотя и родилась где-то в степи, где яйца пекутся на солнце. В венской консерватории мы ее прозвали «царевна-недотрога». Не правда ли, это прозвище к ней подходит?... Не хмурься, Ольга. Все присутствующие знают, и даже по личному опыту, что ты имеешь полное право играть добродетельных девиц твоего репертуара, несмотря на твое пристрастие к всемирной истории...

Ольга вспыхнула при этом намеке. Мужчины же в один голос закидали Гермину вопросами:

– Это еще что за история?... И какая история? древняя, новая или новейшая?... Военная или штатская история?... Всякая история, касающаяся нашей прекрасной «Иоанны д'Арк», должна быть особенно интересной историей... – наперебой сыпались возгласы молодых офицеров.

Ольга нахмурилась, но ее легкомысленная подруга звонко засмеялась и, неожиданно обхватив свободной рукой талию приятельницы, притянула ее к себе.

– Не сердись, Оленька... Никто не подумает ничего дурного о твоем романе с ученым историком.

– А... Речь идет о профессоре Гроссе, – с оттенком разочарования произнес принц Арнульф. – Ну, это старая история. Я, по крайней мере, знаю больше двух недель, что сей ученый муж по уши влюблен в мою прекрасную соседку.

Ольга невольно улыбнулась.

– Удивляюсь вам, господа. Неужели в Германии мужчины не могут поговорить с женщиной два-три раза без того, чтобы всякий имел право считать их влюбленными и сочинять более или менее остроумные вариации на избитую тему?

Принц усмехнулся.

– Прелестная Ольга, для того, чтобы влюбиться, достаточно двух-трех взглядов, если они так красноречивы, как те, которыми пожирал вас ученый молодой историк на ужине у Гиллера. Я ведь сидел как раз напротив и потому могу играть роль весьма осведомленного судьи.

Общество доехало до начала узкой аллеи, где волей-неволей, пришлось разделиться на группы за невозможностью ехать более двум всадникам рядом.

Принц Арнульф остался впереди, удерживая возле себя Ольгу.

– Надеюсь, вы не рассердитесь за нашу, быть может, неуместную шутку, – любезно начал он, – если я осмелился упомянуть имя человека, так очевидно обожающего вас, то только потому, что хотел просить сделать мне честь, позволив быть шафером в день вашей свадьбы с профессором Гроссе.

Ольга протянула руку принцу, в благодарность за любезное слово, но в голосе ее все же слышалась легкая досада.

– Ваше высочество слишком дальновидны. Могу вас уверить, что я пока не думаю о браке с кем бы то ни было, хотя бы потому, что уже была замужем.

Громкие возгласы недоумения послышались в ответ на сообщение Ольги. Никто, кроме Гермины, не знал, что она была замужем.

Принц Арнульф обратился к Ольге с расспросами.

– Рассказывать историю брака 16-летней девочки с сорокапятилетним миллионером, – ответила она, – за которого ее уговорили выйти дальние родственники, воспитавшие бедную сироту «Христа ради», право, не стоит. Каждый из вас сам может представить, какова жизнь супружеской четы, из которых один вечно подозревает другого. В конце концов, мне не оставалось ничего иного, как попросить развода.

– И она дал его вам? – спросил принц.

– Конечно, нет... Но... кто же может удержать женщину против ее воли?.. Впрочем, до развода дело не дошло, так как мой муж умер во время процесса. Он был так жалок в продолжение полугодовой агонии!..

– Во время которой моя Ольга была ему самой заботливой и преданной сиделкой, – с наивной гордостью вставила Гермина.

– Какое великодушие... – начал принц Арнульф. – И какая жертва.

Но Ольга быстро перебила его:

– Простите, ваше высочество, но, право, никакого великодушия, а тем паче жертвы, тут не было. Я была рада успокоить последние дни его жизни и тем загладить вину.

– Вот то было глупо, Оленька, – вмешалась Гермина, – что он оставил другим миллионы, которые были твои по праву.

Ольга беззаботно рассмеялась.

– Бедный муж, под конец своей жизни, верил мне настолько, что исполнил мою первую и последнюю просьбу, оставляя мне по завещанию ровно столько, сколько нужно для того, чтобы оставаться свободным человеку, привыкшему жить скромно и по средствам.

Принц Арнульф выразил общее чувство, воскликнув бесцеремонно:

– Черт побери, мамзель... пардон – мадам Ольга... Этот ученый профессор будет еще счастливей, чем мы думали, если сумеет заслужить ваше расположение.

Прелестное лицо молодой женщины зарделось.

– Ваше высочество опять возвращаетесь к старому. Уверяю вас, что между сыном моего старого друга и учителя, директора Гроссе, и мною не было никаких разговоров о браке или... любви.

– Не смею сомневаться в ваших словах, прекрасная «Маргарита». Но все же позвольте мне верить собственным глазам, которые сразу увидели любовь молодого ученого. Не могу сказать того же относительно вас, конечно, но был бы рад, если бы брак с профессором сделал бы вас нашей соотечественницей.

– Ваше высочество коснулись сразу чуть ли не самой серьезной стороны вопроса... Перемена национальности – дело нешуточное, хотя бы и для нас, женщин, и, по правде сказать, я не знаю, решилась бы я выйти замуж за иностранца... Ведь я русская.

– Разве вы такая отчаянная патриотка?

Ольга засмеялась.

– Право, не знаю, ваше высочество. По правде сказать, я об этом даже и не думала. У нас в России о патриотизме говорить как-то не принято, так что в сущности никто из нас не знает, окажется ли он патриотом в случае чего... Да и я не о патриотизме думала, говоря о своем страхе перед переменной подданства.

– А о чем же, Оленька? – с недоумением спросила Гермина.

– Как бы это выразить... понятней? Видите ли, мне кажется, что кровь у разных народов разная. Я вовсе не хочу сказать, что она у одних лучше, т. е. благородней, чем у других. Сохрани Боже... просто разная... Поэтому и народы бывают различны характером, привычками, мыслями, даже чувствами и инстинктами.

– Да, это вопрос весьма сложный! – заметил принц Арнульф. – Но я понимаю, что выйти замуж, например, за жида христианке трудно. Но европейские народы родственны между собою настолько...

– Ого, ваше высочество, с каких это пор вы делаетесь антисемитом? – бесцеремонно вмешался поручик фон Белен, громко смеясь и подмигивая Гермине. – Мы и не знали за вами такого «смертного греха», как выражаются наши либеральные газеты!

– И, наверно, думает прекрасная Розен, – добавил граф Котцкий.

Хорошенькая актриса только плечами пожала.

– Пожалуйста, без шпилек, господа. Я прекрасно понимаю, что вы намекаете на мое будто бы еврейское происхождение. Но уверяю вас, что не только я, но, пожалуй, даже и моя мамаша не знает, к какому племени я принадлежу в действительности...

Гермина остановилась, только теперь заметив сказанную ею чудовищную... наивность. Мужчины буквально покатывались со смеху.

Но Ольге стало стыдно за бедную дурочку. Чтобы отвлечь от нее внимание, она поспешно заговорила о евреях, признавая в них не только иную кровь, но и, пожалуй, даже «номером похуже», чем у остальных народов земного шара.

– Ого, да вы антисемитка, – заметил принц. – Смотрите, не выскажите как-нибудь нечаянно чего-либо подобного перед нашими берлинскими журнальными львами. Все критики, до единого, – жида и, уж конечно, съедят вас живьем за непочтительное отношение к потомкам Авраама, Исаака и Иакова.

Свежеиспеченный масон говорил с нескрываемым презрением о евреях, не подозревая того, что две недели назад добровольно отдал себя в рабство всемирному кагалу.

Ольга пожала плечами.

– Антисемиткой я никогда не была, скорее напротив. Мне было жаль «угнетенное и гонимое» племя. Ведь мы все, образованные люди XIX века, воспитывались в подобных понятиях о еврействе. Только теперь, когда мне пришлось прочесть несколько серьезных книг о всемирном кагале и о международном союзе евреев, я начинаю думать, что антисемитизм не «сумасшествие» и не «подлость», как называют его либеральные газеты всего мира, а, пожалуй, вполне естественное чувство самосохранения...

– А по-моему, – смеясь, перебила Гермина, которой начинал надоедать серьезный разговор, – жида, особенно старые банкиры, опасны только тем, что в их обществе молодая женщина может умереть от скуки...

– А молодой дворянин может разориться благодаря их векселям, – добродушно прибавил один из поручиков.

– Ну, и это, пожалуй, уже достаточно опасно, – подтвердила Гермина. – Но не довольно ли о жидках, господа? И, вообще, моя Ольга стала такой ученой с тех пор, как читает книжки профессора Гроссе, что я чувствую себя перед ней совсем дурочкой. А теперь вскачь, господа, – весело добавила молодая артистка, и, подняв свою лошадь в галоп, умчалась вперед, легкая, изящная и грациозная, как мечта этого дивного весеннего дня, полная света, благоухания и красоты.

Что такое масоны

Вернувшись в гостиницу Бристоль, Ольга наскоро сменила амазонку на простое домашнее платье и, позвонив лакею, приказала принести «первый завтрак» к себе в номер.

– Для двоих, – прибавила она. – Я жду профессора Гроссе одного или с отцом. Во всяком случае, прошу не принимать никого другого.

В ожидании своего гостя артистка бросилась в кресло у окошка, выходящего на знаменитую улицу «Под липами», и глубоко задумалась.

Разговор в Тиргартене раскрыл ей глаза. Итак, все заметили то, чего она сама не замечала дольше всех и узнала только три дня тому назад из письма молодого ученого.

Письмо это отчасти удивило, отчасти даже испугало молодую женщину, но все же и порадовало ее.

Сын ее старого друга и учителя ей нравился уже потому, что не походил на обычных ухаживателей за хорошенькими актрисами. Он был умен и прекрасно воспитан: в 37 лет – уже известный ученый. И при всем этом Рудольф Гроссе был красив и изящен, что никогда ничего не портит в глазах самой умной женщины.

Ольга любила разговаривать с молодым профессором и ему одному из всех знакомых мужчин она разрешила посещать себя запросто, в полной уверенности, что это разрешение не будет им дурно истолковано.

Слишком часто приходилось актрисе наталкиваться на подобное понимание ее русской простоты и откровенности со стороны «культурных» европейцев и вместе с этим обучать «вежливости и порядочности» мужчин высшего общества.

«Как все это гнусно и обидно, – думала Ольга. – Как красивы и поэтичны театральные подмостки издали, и как неприглядны вблизи».

За границей, особенно в Берлине, было легче... отчасти, но все же сколько обидного, горького и... грязного прилипает к чуткой женской душе... Сколько раз отвращение до тошноты подступало к сердцу Ольги, нашептывая ей: «Беги, беги из этого болота»...

Но хладнокровный рассудок спрашивал: куда бежать?.. Всюду одно и то же. Молодая и красивая женщина может быть спокойна только замужем. Но выходить без любви?!

Почему же она не возмущалась теперь, при мысли о предложении профессора Гроссе... Почему?..

Ольга машинально взяла с письменного стола письмо молодого человека, полученное ею три дня тому назад.

Оно было не длинно и не красноречиво, но именно поэтому оно понравилось актрисе, получившей отвращение от влеречивых объяснений в любви.

«Простите, что посылаю вам обещанные книги вместо того, чтобы самому занести их, как вы позволили. Я хотел бы, чтобы вы ознакомились с ними, как и с прилагаемой при этом рукописью, прежде чем спросить вас, не позволите ли вы мне постараться заслужить вашу привязанность... когда-нибудь. Из моей рукописи вы сами узнаете, что единственное преступление моей жизни сделано было по неведению, что, узнав страшную правду, я не побоялся ничего, стараясь заглазить ошибку молодости, делаемую, увы, слишком многими, но, быть может, Бог простит меня и позволит стать для вас не только мужем, но и другом... Если же я ошибаюсь и не смею надеяться на подобное счастье, если, прочтя мои записки, вы не простите меня, то все же я надеюсь, что хотя бы ради моего доброго чудного старика-отца вы позволите

мне просить вас позабыть, о чем я мечтал, и видеть во мне только друга, верного и преданного, каким останется до самой смерти ваш
Рудольф Гроссе.

P.S. Зная, что у вас не будет репетиций эти три дня, я позволю себе зайти за ответом в понедельник».

Письмо было получено в пятницу. Двое суток, почти не отрываясь, читала Ольга присланные профессором исторические книги (исполняя его просьбу ознакомиться с ними прежде, чем прочесть его рукопись) и затем жадно пробежала небольшую тетрадку, исписанную красивым четким почерком молодого ученого. Перевернув последнюю страницу рукописи, она быстро написала на клочке бумаги: «Приходите».

Через пять-десять минут профессор Гроссе войдет в комнату, а она и до сих пор не знала, что и как ответить человеку, приславшему ей такую искреннюю исповедь.

Взгляд молодой женщины остановился на черной клеенчатой тетрадке, такой обыкновенной и неказистой, но содержащей такие странные и страшные признания.

Рудольф Гроссе описывал просто, откровенно и бесхитростно, как он попал в масоны во времена своего студенчества.

Если бы Ольга не ознакомилась раньше с историей масонства, с его связью со всемирным еврейством с одной стороны, и со средневековыми сатанистами с другой, она, вероятно, сочла бы исповедь Рудольфа Гроссе бредом сумасшедшего или просто сказкой. Но ученый историк заранее указал женщине, с первого взгляда завоевавшей его сердце, на опасность, окружающую ее, благодаря «лестному вниманию» всемирного масонства.

В ответ на недоумевающий взгляд актрисы, знавшей о масонах столько же, сколько все русские, прочитавшие «Войну и миру» Толстого да пару романов Дюма-отца, т. е. ровно столько, чтобы считать масонов высоко добродетельными людьми с одной стороны, и сомневаться в их существовании, с другой, – профессор Гроссе принес Ольге сочинения Тэна, Брока, Лависа, Копен Дальбанчелли, полдюжины томов ученых историков, доказавших неопровержимыми документами, что так называемая «великая французская революция» была подготовлена и приведена в исполнение масонами.

Вслед за тем молодой ученый просил Ольгу прочесть его сочинение «Опыт истории храмовников», раскрывающее связь этого ордена с тайными обществами. С редким талантом выясняла книга Рудольфа Гроссе связь древней халдейской мудрости, превратившейся в еврейских царствах в ту мрачную и соблазнительную «черную магию» (каббалу), которая завлекла христианских рыцарей, превратив их постепенно, незаметно и неудержимо из набожных христиан и воинствующих монахов, защитников Гроба Господня, в Богоотрицателей сначала, а затем в «чернокнижников» и поклонников сатаны.

Вторая часть интересного сочинения молодого немецкого ученого не была опубликована, но автор просил Ольгу прочесть его рукопись, уже совершенно готовую к печати. С неумолимой логикой проследил историк последовательные изменения, верней переименования «рыцарей храма» – тамплиеров, превратившихся в «свободных каменщиков», «воссоздающих» тот самый храм Соломона, который клялись завоевать тамплиеры. Мастерски нарисовав картину образования первых масонских лож в Шотландии и их революционного влияния на обе части Великобританского королевства, автор подсчитал, как в течение веков масонство, неудержимо размножаясь, в то же время расплодилось по Европе, внося разложение в каждое государство, неосторожно открывающее двери этому «филантропическому» союзу. В то же время ученый историк установил неразрывную связь «братства свободных каменщиков» с каббалистами и сатанистами, или люциферианами XVII и XVIII веков, существование которых непреложно установлено знаменитыми процессами отравительниц (Буазен и Вигури), в преступлениях и святотатствах которых, известных под именем «черных месс сатаны», ближайшее участие при-

нимали два священника-масона, Лесаж и Даво. Последствия появления сатанизма всюду одни и те же. Во Франции вымирает королевская семья: сыновья, внуки и правнуки Людовика XIV... Семь смертей таинственных и «необъяснимых»! Мужчины, женщины и дети умирают, увы, слишком понятным образом...

В Швецию, вместе с проклятым «орденом», проникают цареубийцы, жертвой которых становится Густав III, после убийства которого начинается бесконечная революция, вечная спутница масонов, погубившая мировое значение Швеции, бывшей не так давно вершителем судеб Европы.

Россию предохранила от масонства мудрость Екатерины Великой. Женская чуткость проникла в то, чего не понял мужской ум австрийского императора Иосифа II, заплатившего жизнью за свое увлечение масонами. Ибо масоны убивают каждого монарха, неосторожно допускающего страшное тайное общество в свое государство. Масоны – враги монархизма, так как монархии являются охранителями силы народов, связывая их воедино.

Все это, сравнительно недавнее прошлое масонства молодой немецкий историк подтверждал документами и выводами неоспоримой логики. Но еще ярче был воссоздан им следующий период существования масонства и его новейшая история. Опираясь на исследования французских ученых, Рудольф Гроссе раскрыл постоянную революционную деятельность «свободных каменщиков», меняющих имена, но остающихся всегда и везде теми же заговорщиками, цареубийцами и каббалистами, поклонниками сатаны.

Чем ближе к нашему времени, тем откровенней действуют масоны. Розенкрейцеры XVIII века, иллюминаты – начала XIX века еще скрывались. Карбонарии 20, 30, 50-х годов XIX века уже почти не прячутся. Они гордятся разрушением, вносимым ими во Францию, где революция следует за революцией. Целых сто лет не дает покоя несчастной стране то тайное общество, которое в 1871 году открыто заявило о своей солидарности с Парижской коммуной, с «правлением бешеных собак», – как выразился один из членов коммуны, полковник Россель, видевший вблизи «государственную деятельность» этого нелепого правительства, созданного лондонской «красной интернационалкой», превратившейся 20 лет спустя в интернациональную социал-демократию, придуманную Лассалем и Карлом Марксом – двумя евреями...

С тех пор все ясней становится связь масонства с жидовством, с народом, избравшим каббалу своей религией. Все яснее сказывается ненависть к христианству союза, основанного якобы на началах христианской морали. Каждое торжество масонов-революционеров сопровождается гнусными святотатствами, избиением священников, поруганием храмов Божиих... Сатанисты уже не могут, да и не хотят скрывать, кому они служат... Чудовищные преступления совершаются то тут, то там, открыто неся печать сатанизма. Но влияние масонства, уже явно превратившегося в жидо-масонство, так велико, что ни в одном процессе не доискиваются побудительной причины.

То тут, то там совершаются таинственные убийства христианских детей и юношей, но в 1883 году в Австрии, в 1891 г. в Пруссии – масоны добиваются смещения высших судебных чинов, насилия правительство, нуждавшееся в деньгах, и убийцы остаются безнаказанными.

«Я пережил Ксантенское дело, – писал между прочим Рудольф Гроссе, – и нашел в нем все признаки древнейших человеческих жертвоприношений, превратившихся в иудейские ритуальные убийства. Талмуд стал соединительным звеном железной цепи, сковавшей воедино масонство с еврейством, или, вернее, жидовство с тайными обществами, меняющими названия и формы (согласно нравам и понятиям различных исторических эпох), но остающихся всегда и везде орудием всемирного жидовства, добивающегося всемирного владычества не только из тщеславия, властолюбия и жадности, но главным образом для того, чтобы раздавить, унижить и уничтожить христианство и воздвигнуть на месте сверженного Креста Господня трон антихриста, капище сатаны».

Дочитав последние страницы рукописи «Истории тамплиеров», Ольга с ужасом взялась за последнюю книгу, присланную ей профессором Гроссе, как «дополнение» к своему сочинению. Это был знаменитый роман Гюисмана «Ladas», автор которого впервые серьезно и открыто заявил о существовании современного сатанизма в столице Франции – Париже... Прочтя эту небольшую книжку, написанную с редким талантом, никогда не подозревавшая ничего подобного молодая женщина всплеснула руками и поняла страшную опасность, окружающую не только ее, но всю Европу, весь христианский мир...

Как ни далеки были вопросы политики и религии от 26-летней актрисы, интересовавшейся до сих пор только драматическими поэмами, но Ольга знала достаточно для того, чтобы не скучать, читая серьезную историческую книгу. Узнав правду о масонстве, она испугалась не столько за себя, сколько за того, на кого она смотрела, как на друга, – за профессора Гроссе, пренебрегшего громадной опасностью, чтобы предупредить и охранить ее... Это не могло не тронуть благородного сердца чуткой русской женщины. Но было ли это чувство началом любви или простой признательностью, Ольга не могла решить.

Ольга задумалась над этим вопросом, уронив на колени рукопись Рудольфа Гроссе, которая медленно сползла на ковер.

Молодая женщина не заметила этого, так же как и того, что кельнер, принесший ее завтрак на большом серебряном подносе, впился пытливым взглядом сначала в красивое серьезное лицо молодой артистки, а затем в черную тетрадь, лежащую у ее ног.

Расставив кофейный прибор на столе, кельнер (еврейский тип лица которого привлек бы внимание Ольги – в другое время), почтительно нагнулся, как бы только что заметив оброненную артисткой тетрадь, и, поспешно подняв ее, положил на стол. Но, подымая тетрадь, он успел, как бы нечаянно, раскрыть ее и кинуть взгляд на рукопись. Узнать знакомый почерк и поймать слова: Бонн... масонство... Менцерт... было не трудно. Глаза кельнера злобно сверкнули, но поднявшая голову Ольга уже не поймала этого предательского взгляда и увидела перед собой только почтительную фигуру лакея, осторожно клавшего поднятую книжку на стол и затем бесшумно удалявшегося.

Как попадают в масоны

– Я прочла ваш манускрипт и вашу исповедь, – решительно начала Ольга, подвигая чашку кофе профессору Гроссе. – И, прежде всего, должна поблагодарить вас за доверие ко мне: к женщине, к актрисе... в сущности, вам мало знакомой.

Профессор быстро перебил ее:

– Ради бога, не говорите так, Ольга... Я сказал вам при первой встрече, что давно знаю вас из писем моего отца. Теперь я могу прибавить только одно слово... люблю. Я... давно люблю вас, Ольга. В сущности, я полюбил вас по этим же письмам отца... мое будущее в руках Божьих и ваших... Я боюсь в него заглядывать уже потому, что мое будущее вряд ли особенно продолжительно. Если вы прочли мою исповедь, то вы поймете, что я хочу сказать.

Ольга побледнела.

– Я понимаю, что вы говорите о масонах, которые не простили бы вам этого признания. – Она указала рукой на черную тетрадь. – Но ведь никто и никогда не узнает о том, что узнала я. Эту тетрадь мы бросим в огонь, и...

– Нет, нет... – быстро перебил профессор. – Напротив того. Я попрошу вас, Ольга, сохранить эту исповедь на случай моей смерти. Эта рукопись может быть полезна... со временем...

– Бог знает, что вы говорите, дорогой друг, – перебила Ольга. – Можно ли думать о смерти, сидя вдвоем, с женщиной молодой и...

– Любимой – добавил профессор, видя смущение Ольги.

Та молча кивнула головой. Лицо молодого ученого просветлело. Он робко взял ее за руку.

– Спасибо за это молчаливое признание моего чувства. Это дает мне мужество просить вас об одной услуге...

– Говорите, – быстро произнесла Ольга. – Я рада доказать вам мою дружбу.

– Так вот, выслушайте меня сначала... Мы здесь одни, не так ли?.. Нас никто не может подслушать?

Ольга молча встала и отворила двери соседней спальни. Она была пуста.

– Дверь из общего коридора заперта изнутри. Значит, с этой стороны мы безопасны. Эта же дверь, в тот же общий коридор, как видите, двойная и звука не пропускает. Теперь вы можете говорить совершенно спокойно.

Ольга старалась говорить весело и беззаботно, но душа ее была неспокойна, а лицо заметно побледнело.

Молодой ученый в свою очередь поднялся с места и нервно прошелся по комнате.

– Читая мои признания, вы, может быть, спрашивали себя, зачем я сообщаю вам все это, зачем отягчаю вашу душу сведениями, известными куда лишь очень немногим... к несчастью!.. На это я вам отвечу просто и прямо... Любя вас, я все еще надеюсь когда-нибудь заслужить вашу любовь, а потому и хотел, чтобы вы знали мою душу, как и мою жизнь, мое прошлое, как и настоящее.

– Я поняла это, – прошептала Ольга, – и уже благодарила вас за доверие и... уважение...

– Но поняли ли вы, как мог человек оказаться на краю пропасти и очнуться на границе преступности? – горячо заговорил профессор. – Поняли ли вы, как масонство вербует своих членов, имея повсюду своих агентов: в университетах и академиях, в ученых, политических и художественных союзах, как и в светских обществах, как на заводах и фабриках. Агенты, вербовщики масонства, указывают «верховному совету» достойных внимания людей... «Достойных внимания», т. е. способных, талантливых, умных или только хитрых и преступных по натуре. Их увлекают в масонство различными способами и для разных целей. Честные идеалисты служат вывеской, таланты и дарования прославляют масонство. Вспомните Моцарта и его «Волшебную флейту», завоевавшую «свободным каменщиком» столько симпатий среди

добродушных и доверчивых честных людей... Хитрецы же и преступные натуры нужней всех в коварном и жестоком обществе, в ритуале которого, при посвящении в четвертую степень «мастера», существует клятва: «почитать аква тоффана, т. е. отраву во всех ее видах как верное и полезное средство борьбы за наши высокие цели. Да постигнет смерть или безумие врагов наших, не щадя ни слабых, ни больных, ни женщин и детей, ни ближних, ни кровных моих, ни друзей и благодетелей, ни монархов и военачальников, на верность коим я присягал раньше этого дня! Клянусь принести им смертельную отраву, если того пожелает верховный совет «мастеров» храма Соломона»!..

Эту ужасную клятву мне не пришлось произнести, Ольга! По милости Божьей, я узнал правду о масонах раньше четвертого посвящения. Но друг, спасший меня, сообщил мне слова этой клятвы. Вы поражены, Ольга... Вы дрожите, дорогая моя... Увы, сколько страшного вы еще не знаете об адской силе адского заговора, который окружает намеченные жертвы целой сетью «руководителей», верней «совратителей». Незаметно и постепенно внушают они «подготавливаемому» сначала любопытство, затем симпатию к великому всемирному союзу «братьев, преследующих такие высокие и чистые цели, и, наконец, безграничное уважение к «героям», готовым на мученичество ради страждущих братьев, вместе с непреодолимым желанием работать с этими тружениками добра и света, отрекшимися от личного счастья ради счастья человечества... Вы, Ольга, были одним из таких намеченных «номеров» в списках проклятого тайного общества, для которого мужчины, женщины, дети, знатные, богатые или бедные, французы, англичане, русские, немцы или негры, католики, православные, армяне-григорианцы или мусульмане, – все, одинаково, только «номера», орудия для различных целей, кирпичи, из которых масоны строят свой «храм», не люди даже, а только человекообразные животные, нечто вроде более развитых обезьян. Талмуд, а с ним и все жидо-масонство (за исключением, конечно, «учеников и подмастерьев», членов первых трех посвящений, которые сами не знают о настоящем характере и цели масонства) – людьми считает только евреев. Даже караимов они ненавидят не меньше, чем христиан, только за то, что те сохранили в чистоте религию Моисея и, ненавидя каббалу, избегли сетей черной магии и сатанизма.

Ольга, бледная и взволнованная, слушала страстные и страшные слова историка. Впервые ясно стало ей, какой опасности она подвергалась и подвергается. Она невольно вздрогнула.

– И вы не побоялись порвать с этими извергами, ежедневно рискуя жизнью?

– Не мог же я идти с ними дальше по пути святотатства и преступлений!.. Я решил выйти из ордена, пользуясь предложением отбывания воинской повинности, с которой они пока еще, в Пруссии по крайней мере, должны считаться. Впрочем, членов первых трех посвящений масоны исключают легко, так как они не могут повредить ордену, не зная ничего серьезного. Скорей, наоборот: разнося по белу свету молву о добродетели и благотворительности различных «лож», приносят ему пользу. Опасны только знающие, дальновидные или догадывающиеся о действительности. За такими устанавливается «наблюдение», и если подозрение об их «ненадежности» подтвердится, то их немедленно перечисляют в разряд «минеев», то есть доносчиков и... «устраняют» при первой возможности... Талмуд называет подобные убийства «богоугодным делом»...

Профессор замолчал. Негодование – давнишнее глухое и бешеное негодование, сдерживаемое целыми годами, прорвалось, наконец, и душило его, сжимая горло и ложась свинцовой тяжестью на грудь.

Ольга со страхом глядела на человека, всегда такого сдержанного и спокойного. Она начала понимать страшную силу и страшное влияние масонства, как и ту бешеную ненависть, которую должен чувствовать к тайному обществу человек, узнавший правду и вырвавшийся из его сетей. И вдруг ей припомнилась рукопись профессора, готовая к печати.

– Боже мой! – невольно воскликнула она. – Ведь если эта рукопись будет напечатана, если масоны узнают о ее существовании и содержании, они убьют вас как изменника...

Молодой ученый грустно улыбнулся.

– Потому она и не напечатана еще. Не сочтите меня трусом, Ольга, за то, что я боялся за своего старика-отца, которого моя смерть убила бы. А затем и за вас, Ольга... Мне не трудно было догадаться о планах масонов относительно вас по первым вашим словам. На женщин масоны действуют иначе. Примени они к вам те же способы, которыми они совращают мужчин, – жадной широкой и светлой деятельностью, быть может, и вы попали бы в адскую сеть, как попался я, как попадались многие другие... по всему миру... Да и мог ли я не поддаться влиянию такого человека, как доктор Менцерт...

– Как?.. – чуть не вскрикнула Ольга. – Знаменитый Менцерт? Великий естествоиспытатель, психиатр и историк?..

– Вы знаете это имя, оставшееся и поныне гордостью и славой. Профессор Менцерт увлекал тысячи слушателей всех национальностей, собиравшихся со всех концов мира послушать его лекции. Могли ли они не увлечь меня?.. Когда и как я стал масоном, вы знаете из моих воспоминаний. Но о Менцерте и его роли в моем вступлении в число свободных каменщиков я не сказал ни слова... Не посмел я написать и того, что тот же Менцерт, погубивший меня, стал моим спасителем... Он раскрыл мне впоследствии настоящую цель и средства...

– Как же могла произойти такая перемена? – спросила Ольга.

– Зная, что вы можете быть окружены шпионами, я боялся сообщить вам ту правду, знание которой составило бы для вас страшную опасность. Но я заранее решил передать вам остальное на словах.

– Вы говорите о Менцерте? – спросила Ольга.

– Да, о Менцерте, бывшем масоном 33-го посвящения... Это последняя степень, дающая звание «великого мастера и члена верховного синедриона», т. е. возможность быть одним из нескольких сот человек, не более того, на весь мир, знающих истинные цели и истинные средства всемирного масонства, знающие также его неразрывную связь с жидовством, верней сказать – его происхождение от жидовства, создавшего в отдаленные века древности страшное орудие «тайного общества», называвшегося с XVI века масонством. Надолго ли еще останется это имя? Как знать...

– Об этом говорит Конон Дальбанчелли, смелый француз, образовавший пять лет назад антимасонскую лигу во Франции. Вы дали мне читать одну из его брошюр, Рудольф.

– Да, благодаря Богу историю существования тайных обществ начинают понемногу раскрывать добросовестные историки. Школа Тэна сделала свое дело, ученики его смело идут по указанной им дороге, называя вещи своими именами. Но внутренний строй масонства и, главное, средства его влияния на судьбу современных государств и народов остаются покрытыми непроницаемой тайной, уже потому, что всякого, кто осмелился бы приподнять завесу, скрывающую эту сторону масонского вопроса, ожидает смерть... быстрая и неизбежная.

– В таком случае, молчите... Ради бога, молчите, Рудольф. Я не хочу ничего знать... не хочу подвергать вас опасности.

Красивое молодое лицо серьезного ученого осветилось.

– Ольга... Эти слова... этот тон... Они заплатили мне вперед за все опасности будущего.

Молодая женщина опустила глаза. Быть может, вырвавшиеся из ее души слова сказали больше, чем она хотела...

Рассказав историю своего знакомства с гениальным ученым, которого обожали студенты и уважал весь образованный мир, Рудольф Гроссе пояснил, как сильно был польщен молодой студент вниманием и дружбой такого человека. Менцерт был уже стариком. Его двадцатипятилетний профессорский юбилей только что был отпразднован в Бонне всей Европой. Но окруженный славой и почетом пятидесятилетний ученый не был счастлив. Одиноким, разбитым разочарованием в идеалах своей юности и изверившийся в человечестве, лишенный семейного

счастья, он испытал последнее горе, смерть единственного любимого им существа, – незаконного сына. Юноша двадцати двух лет умер от мучительной и неизлечимой болезни.

– И вот, на этого-то юношу я оказался похожим. Странная игра судьбы дала мне черты лица, одинаковую фигуру, рост и манеры человека, совершенно чуждого мне по крови. И это сходство завоевало мне любовь старого ученого и старого масона, обязанного страшной клятвой не любить никого и ничего на свете, кроме тайной цели ордена, о которой я тогда и понятия не имел... Не стану передавать вам подробно, Ольга, каким образом знаменитый ученый, обязавшийся завоевать меня для масонства, почему-то обратившего на меня внимание, оказался не только неспособным выполнить свое обязательство, но даже, больше того, счел своим священным долгом спасти дорогого ему молодого человека от страшного раскаяния, сжигавшего старость Менцера бесплодными сожалениями и мучительным ужасом... Не стану передавать вам всего, что я узнал от великого ученого. Он должен был рассказать всю страшную правду о действительных масонских идеалах, для того, чтобы разрушить мою веру. В конце концов ему, конечно, удалось заставить меня ненавидеть и презирать союз, который так недавно еще казался мне святым и чистым. Он сделал больше того. Он доставил мне свободу, воспользовавшись знанием статутах, разрешающих выход из ордена масонам первых посвящений. Но я слышал от Менцера, что и после выхода за мной учрежден будет тайный надзор, и остерегался подать повод предполагать, что знаю о масонах больше, чем любой «ученик» свободных каменщиков. Благодаря этому конечно, меня до сих пор оставляли в покое... Но мой бедный друг и учитель... – голос профессора дрогнул и оборвался. Он закрыл лицо руками, скрывая навернувшиеся на глаза слезы.

Ольга сострадательно взяла его за руку.

– Я знаю, бедный друг... Он сошел с ума и застрелился.

Профессор Гроссе сверкнул глазами.

– Так говорит вся Европа, оплакивающая смерть великого соперника Гумбольдта... Но вся Европа ошибается. Я знаю иное... Мой великий учитель никогда не был безумным, и не самоубийством покончил он... Я видел его за два часа до смерти. Он пришел ко мне украдкой, в черном парике, скрывавшем его серебряные локоны, с привязанной бородой и синими очками на блестящих умом вечно юных глазах. Он принес мне рукописную книгу, – свои записки о масонстве, все, что он видел и узнал, все, о чем догадывался... Я не читал ничего ужасней этой холодной и беспощадной исповеди. Эта книга, написанная великим ученым, могла бы иметь громадное и спасительное влияние на отношение человечества к масонству... Терзаемый мрачными предчувствиями, знаменитый ученый давно уже собирался написать все, что знал о злодейской международной секте поклонников сатаны... В последнее время его предчувствия стали действительностью. Его заподозрили в измене ордену и вызвали на суд «верховного синедриона». Вместо того, чтобы исполнить это предписание, он прокрался ко мне с книгой своих записок в кармане... «Опубликуй эту книгу, когда нужно будет спасать христианство». Это были его последние слова. «И что бы со мной ни случилось, – молчи!.. Не лишай меня последнего утешения: сознания, что я спас тебя, глядевшего на меня глазами моего бедного сына. Дай мне слово молчать, что бы ты ни слышал о причинах моей смерти. Я требую этого во имя моей любви к тебе»... Мог ли я отказать такой просьбе?.. Я дал слово и исполнил его. Старик ушел, а я просидел целую ночь за чтением страшных записок, и не раз, Ольга, чувствовал, переворачивая страницы, как волосы шевелились на моей голове и ужас леденил мою душу... А на другое утро я прочел в газетах о «внезапном припадке сумасшествия» нашего знаменитого Менцера, во время которого «несчастный ученый» нанес себе семь смертельных ран в грудь и голову. Револьвер моего бедного друга был найден в его окостенелой руке, и никому не пришло в голову обратить внимание на то, что револьвер этот был шестизарядный... Откуда же взялась седьмая пуля в груди «застрелившегося»?..

Масоны были неосторожны на этот раз... Но я промолчал, помня мое слово и зная, что все мои старания раскрыть истину окажутся тщетными, или, в крайнем случае, при необычайной удаче, пострадает какой-нибудь «козел отпущения», т. е. один из членов первых посвящений, всенепременно христианин, – избранный всемогущим жидо-масонским кагалом для того, чтобы удовлетворить не в меру любопытных судей, желающих находить виновного при каждом преступлении. Зная все это, я молчал целых пять лет... Не презирай меня за это, Ольга...

Молодой ученый закрыл лицо руками, едва удерживаясь от рыданий. Ольга тихо плакала. – Бедный друг, сколько вы пострадали.

– Ах, что мои страдания... Я искупаю свою вину, бессознательную, конечно, но все же тяжелую вину перед Богом и родиной потому, что каждый, поступающий в масоны, в сущности отрекается от Христа и изменяет своей родине... Я виноват... но вы, Ольга, ни перед кем и ни в чем не виновны, а между тем я боюсь за вас, зная, что на вас «обратили внимание» масоны. И, несмотря на это, я все же должен просить вас быть моим душеприказчиком и исполнить за меня обещание, данное мною Менцерту, в случае, если наступит моя очередь умереть... от масонского «самоубийства». Обещайте мне, так или иначе, войти в мой кабинет и взять книгу Менцерта. Вы найдете ее по записке, которую я заранее оставил моему отцу.

– Но почему бы вам сейчас не принести этой рукописи мне? – спросила Ольга. – Это было бы проще всего.

– Потому, что я не хочу подвергать вас преждевременной опасности. Одно подозрение о существовании подобной рукописи было бы смертельным приговором для каждого. Уже мои «признания» опасны, но вы можете уничтожить их, так как у Менцерта найдете подробную историю моего соращения в масоны. Книга же, написанная рукою великого ученого, имеет такое громадное значение, что в случае моей смерти я прошу вас передать ее императору. Император Вильгельм знает почерк Менцерта, лекции которого он сам слушал в университете в Бонне. Он узнает его рукопись, поверит убитому масонами гениальному ученому и, может быть, спасет христианский мир от порабощения армией сатаны...

Когда я узнал о внимании к вам императорской четы, я понял, что Господь послал вас мне в помощь, и решил немедленно довериться вам. Но вы ничего не знали о масонстве и могли просто не понять моей просьбы. Вот почему мне пришлось готовить вас, объясняя вам причины опасностей, окружающих вас самих... А за это время человек, видевший вас чуть не каждый день, мог ли не полюбить вас, Ольга... И вот эта-то любовь заставила меня колебаться и откладывать... Если это был эгоизм, то не презирайте меня за него. Я боялся за вас, а не за себя...

Ольга молча протянула руку ученому, остановившемуся перед ней с лицом человека, ожидающего приговора: «Жизнь или смерть»? Этот вопрос был так ясно написан на побледневшем красивом лице молодого человека, что сердце женщины сжалось нежностью и болью.

Замужество

Молодой ученый осторожно поднес к своим губам холодную белую ручку.

– Я понимаю вас, Ольга, и потому-то я и полюбил вас, что понял ваше сердце и вашу душу раньше, чем даже увидел ваше прекрасные светлые глаза... Я знаю, что вы много страдали в вашей короткой жизни.

– Да, Рудольф... Вы правы. Я много страдала. Сначала почти бессознательно, как страдают дети. Но потом я поняла, что было так мучительно в моем коротком супружестве... Вы знаете, что я была замужем, но не знаете подробностей этого брака. А между тем он положил неизгладимую печать на мою душу. Не потому, чтобы я не любила мужа. Хотя он и был ровно втрое старше меня, но 15-летняя девочка искренно восторгалась сорокапятилетним генерал-адъютантом, таким красивым, изящным и богатым; если бы он захотел, то ему не трудно было бы навсегда привязать меня к себе. Бедной сироте, воспитанной из милости дальними родными, холодными и сухими эгоистами, так хотелось любви и ласки... О, да, я любила моего мужа в день нашей свадьбы, наградив его всеми качествами институтского идеала. И весь институт завидовал мне, делающей такую блестящую партию. Но мой муж смотрел на меня так, как смотрят знатные турки на дорого купленных одалисок. Нас венчали в церкви Зимнего дворца, в присутствии всего придворного общества, причем сама государыня была посаженной матерью сиротки-институтки... В этот день я была безмерно счастлива и любила своего мужа всем своим детски чистым и детски доверчивым сердцем.

Невольно увлекаясь, она передавала картины прошлого подробней и горячее, чем хотела вначале:

– Тотчас после свадьбы мы уехали за границу, в Италию, посетили Монте-Карло, где и остались надолго. Муж сильно играл, а я целые дни проводила на моем балконе, или в маленьком отдельном садике, прилегавшем к занимаемому нами павильону, составлявшему одно из «отделений» первоклассного отеля, за книгой или вышиванием. Завтракала я одна в нашей маленькой столовой. Но к обеду муж всегда возвращался и находил меня в парадном туалете, как подобает для аристократического «table d'hôte». Нас знали все решительно. Муж не впервые «играл» в Монако, и потому «la petite comtesse Belsky» пользовалась общим вниманием... Это было лучшее время моей замужней жизни. Только после возвращения в Петербург начались мои испытания.

Позвольте мне пропустить подробности моего первого петербургского «сезона». За мной ухаживали, мною восхищались, обо мне сплетничали... и злословили... Все, как быть должно... Отраднo вспомнить мне только милостивое внимание государя и государыни, да и доброту всей царской семьи. Мы все, «смолянки», издавна пользуемся особым покровительством русских государей. Это, так сказать, историческая традиция. Это единственное светлое воспоминание того времени, а остальное? Каждый выезд кончался сценой, мучительной и... унижительной... Прекратить же выезды, как я не раз хотела, мне не позволяли, ибо они были «необходимостью нашего положения в свете». А между тем на каждом балу за мной ухаживали все, кому не лень было. Молодая жена стареющего мужа казалась всем светским донжуанам «легкой добычей»...

Всего обиднее, что мой муж, перед которым я благоговела вначале, ревновал меня не из любви, даже не из-за страсти – грубой, но, пожалуй, естественной, а только из самолюбия. Ему обидно было, что мои ухаживатели безмолвно причисляли его к старикам, предполагая, что года успехов для него окончились. Не сразу разобрала я, что мой муж подозревал, будто и я думаю так же, как и общество, причисляя его к «развалинам» и ценя в нем только его имя и состояние. Для того, чтобы «разбудить» меня и доказать мне свою... молодость, мой муж рассказывал мне о своих успехах у женщин, об успехах прошедших и... настоящих. Особенно

подчеркивал он то, что его «победы» ему «ничего не стоили», или только «самые пустяки»... Для подтверждения он приводил имена и цифры своих расходов на ту или иную «авантюру». Сколько раз выслушивала я от своего мужа, что в сущности я «единственная женщина, которую он купил так дорого»... Сколько раз он уверял меня, что за мной ухаживает тот или этот только потому, что я «обойдусь дешевле» какой-либо танцовщицы или французской актрисы. Сколько раз бросал мне в глаза обвинение в гадком расчете, в том, что я «завлекала» его в институте «своими опущенными глазками и стыдливым румянцем», осведомившись заранее о полутора тысячах годового дохода генерала графа Бельского. Друг мой, простите эти унижительные подробности. Но должны же вы понять, откуда у меня эта ненависть к «ухаживателям», эта боязнь любви. Теперь вы поняли, не правда ли?

– Бедная Ольга... – прошептал Рудольф. – Вы много страдали.

Ольга только рукой махнула.

– Я выносила свои светские «успехи» всего полтора года, – три «сезона». – В начале четвертого, весной, я уехала за границу из великолепной дачи мужа на Каменном острове, имея в кармане 300 руб., полученных от заклада моего институтского «шифра» и нескольких свадебных подарков царской семьи, которые я имела право считать своей личной собственностью.

Надо вам сказать, что мой муж сам предоставил мне возможность уехать за границу, т. е. за пределы его досягаемости. Собираясь на воды, в Карлсбад, он заранее взял заграничные паспорта для нас обоих. Но, имея особые причины остаться некоторое время в Петербурге без меня, он приготовил на этот раз для своей жены отдельный заграничный паспорт. Таким образом, я уехала совершенно официально, в назначенный день и час, сопровождаемая мужем до вокзала, а затем курьером и горничной. До границы я доехала с этой «свитой», но затем курьера просто отпустила, горничную же послала обратно в Петербург с письмом к мужу, в котором объясняла ему мое решение и его причины... В Берлине я остановилась всего на один день, чтобы повидать нашего священника, о котором я слышала много хорошего, и, рассказав ему мое положение, просить у него совета, куда двинуться и что начать. Дело о разводе я заранее поручила вести знаменитому петербургскому адвокату Неволину, которому и выдала доверенность перед отъездом, пользуясь тем, что меня «эмансипировали» от опеки перед свадьбой. Правда, муж оставался моим попечителем до моего совершеннолетия, то есть до 21 года, так что положение мое было не из приятных. Но... все спорные вопросы зависят от «судоговорения», смеясь пояснил мне опытный адвокат. Именно поэтому я и предпочла ожидать за границей моего развода.

По совету добрейшего отца Алексея, нашего берлинского священника, я доехала до Гамбурга и села на первый попавшийся пароход, ухотивший в дальнее плавание. Это было маленькое 900-тонное суденышко фирмы Вермана, отвозящее еженедельно почту и грузы к западно-африканскому берегу. Пассажиров его более чем просто обставленные суда принимали очень немного, за неимением кают с одной стороны, за малонаселенностью немецких колоний Камеруна, – с другой. Для меня все это было находкой, и я весело отправилась в путь на маленькой вермановской «Гедвиге», которая довезла меня через десять дней благополучно до Мадеры, откуда я и телеграфировала своему поверенному и своему мужу, прося их адресовать ответы на остров Тенериф, куда отправилась со следующим пароходом той же компании, прожив на Мадере десять дней. В Тенерифе мне пришлось пробыть дольше, почти месяц, ожидая ответов, по получении которых я направилась уже с другой «линией» пароходов, в Бразилию... Таким образом пространствовала я из одного порта в другой почти два года, чуть ли не самых интересных в моей жизни. В каких только государствах я ни перебивалась, сколько портовых городов осмотрела – и не запомню... За два года путешествий я не издержала и половины суммы, любезно выданной мне отцом Алексеем заимообразно. Правда, я многому научилась и еще больше позабыла, научившись считать и «по одежке протягивать ножки» с одной стороны, а с другой, забыв командовать батальоном прислуги и входя в магазин бесцеремонно

говорить: «пришлите мне того-то, туда-то»... Я называю эти два года моей «высшей школой практической жизни» и могу вас уверить, Рудольф, что я времени не потеряла в этой школе, и если могу теперь быть приличной хозяйкой дома, даже немецкого, то только благодаря пройденному курсу...

Ольга запнулась и густо покраснела при мысли, что ее собеседник мог принять эти последние слова за кокетливый намек...

Рудольф Гроссе прочел ее мысли в ее глазах и грустно улыбнулся...

– Как вы напуганы, Ольга, – печально произнес он. – Я понимаю, что вам трудно будет решиться отдать свою руку кому бы то ни было. Ваш муж сделал настоящее преступление, отравив вашу душу недоверием и подозрительностью... даже к самой себе...

Ольга быстро перебила его:

– Не говорите дурного о моем бедном муже, Рудольф. Вы не знаете, как жестоко покарала его судьба за ошибки, в которых он был виноват только отчасти, так же, как и девять десятых мужчин на всем земном шаре. Но, в конце концов, он искупил свою вину... даже передо мною...

– Великодушно согласившись дать вам свободу? – с невольным раздражением спросил профессор.

Ольга улыбнулась этому раздражению и этому вопросу.

– О, нет, мой друг. На подобное великодушие граф Бельский способен не был. Бегство молодой жены слишком больно резануло его по нервам и, главное, по самолюбию. Граф Бельский вознегодовал при неожиданном известии о том, что его жена могла бросить своего мужа. Такого мужа, как он! И какая жена! Безродная сиротка, воспитанная из милости. «Девчонка», которую он взял буквально «без рубашки», за ее «смазливую рожицу», и которой дал свое знаменитое имя, графский титул, положение в свете, проезд ко Двору, словом все-все-все, чуть ли не блаженство. Впрочем, раздражение моего мужа было понятно. Я ведь знала злорадство столичного общества и легко могла себе представить из сообщений моего адвоката и отца Алексея, единственных моих корреспондентов из России и Европы, – сколько колкостей и шпилек приходится выслушивать моему бедному мужу... Какой сюжет для сплетен светских кумушек обоюбого пола! Поняла я и то, что мое имя смешивают с грязью, обвиняя меня Бог знает в чем. Светское общество торжественно «вычеркнуло меня из списков» порядочных женщин. Говорили, конечно, что я уехала с любовником, если не с двумя, и что я «воспользовалась деньгами мужа», попросту обокрала его, чуть не взломав его кассу... Совесть моя была спокойна, а между тем мне было больно... Мысль о том, что государь и государыня, бывшие ко мне так милостивы, теперь станут презирать меня, была так невыносимо тяжела, что я не выдержала и, пользуясь драгоценным правом «смолянок» обращаться с письменной просьбой к Августейшей покровительнице института, написала государыне всю правду, откровенно прося ее Величество, мою обожаемую и Богом данную «Мать», не верить злым сплетням. Должно быть, правда имеет свой особенный голос, внушающий доверие, так как через два месяца я получила письмо от любимой фрейлины императрицы. «Ее Величество, писала графиня Аникина, была сердечно рада узнать, что ее «посажена дочь» не нарушала святости брака и не виновна ни в чем, кроме легкомыслия. И хотя государыня не может оправдать жену, покидающую мужа, хотя бы и виноватого перед ней, но государыня сохраняет графине Ольге Бельской свое милостивое благоволение, от души желая скорейшего и, по возможности, мирного окончания семейного недоразумения, вдвойне тягостного, когда оно происходит в среде высшего дворянства, долженствующего служить примером благочестия и чистоты семейной жизни».

Письмо графини Аникиной было величайшей и незаслуженной милостью и спасительным уроком, которым я воспользовалась при получении известия о смертельной болезни моего мужа.

– Значит, вы не разведенная жена? – быстро спросил молодой ученый, и в его голосе было столько бессознательной и наивной радости, что Ольга невольно засмеялась.

– Ах, друг мой, какой вы... немец... Сознайтесь, что в качестве разведенной жены я потеряла бы часть моего ореола в ваших глазах, хотя в Германии развод допускается законом и достигается несравненно легче, чем у нас в России.

В свою очередь профессор покраснел.

– А вы сознайтесь, что все еще не доверяете моей... привязанности, Ольга, – уклончиво ответил он. – Впрочем, я и не скрою, что лично не одобряю развода в принципе, хотя конечно допускаю исключения, для которых, в сущности, и создан закон о разводе. Соединенных Богом человеку разъединять не следовало бы...

Ольга протянула ему руку.

– Кто же или что освободило вас от несчастного брака? – спросил профессор.

– Бог... – серьезно ответила Ольга и перекрестилась широким православным крестом. – Прости, Господи, моего мужа, как я его простила... Он умер во время процедуры развода, раненный мужем француженки-кокотки, – последней его любовницы. Я была в Сен-Пьере, на Мартинике, когда получила телеграмму, сообщающую мне о неизлечимой болезни мужа и о его желании примириться со мной перед смертью, и благодаря встрече быстроходного трансатлантического парохода, была в Петербурге уже через 12 дней... Мужа я нашла умирающим... То, что с ним случилось, поистине ужасно. Кокотка, у которой он бывал, имела особенного любимца, с которым была даже обвенчана. Это был татарин, лакей, превратившийся в профессионального «борца», когда у нас вошла в моду так называемая «атлетика». Однажды, будучи в нетрезвом виде, он встретился с графом Бельским, причем мой муж обошелся с ним так, как заслуживают люди этого сорта. Но для пьяного «артиста» дерзость графа показалась обидной. Прежде чем мой несчастный муж мог опомниться и выхватить шашку, татарин схватил его поперек туловища и вышвырнул из окна третьего этажа на улицу... Графа подняли без чувств, с переломанными ребрами, с разможенными ногами и разбитой головой... Когда я приехала, он был в полной памяти, хотя весь забинтован и страдал невыносимо. И агония эта тянулась полгода. Сколько мы изъездили курортов, сколько перевидали профессоров, но спасти графа было уже невозможно из-за внутренних повреждений. Я была верной и преданной сиделкой моего мужа. Мое присутствие было последней его радостью. Он полюбил меня искренней и глубокой любовью. Увы, слишком поздно...

Перед смертью он исповедовался, прося у меня прощения, снял с меня всякую тень подозрения. Я просила его передать все состояние детям, а мне оставить пенсию, – ровно столько, сколько надо для скромной жизни. Муж беспрекословно исполнил мою просьбу, оставив мне сумму, сравнительно, конечно, позволяющую мне быть независимой... Через два дня его похоронили... – Ольга замолчала и задумалась.

– И вы остались вдовой в двадцать лет?

– Да. Мне было ровно 21 год, – подтвердила Ольга, – и в качестве совершеннолетней, я оказалась вполне независимой, – и по правде сказать, в очень тяжелом положении – почти одинокой. Жить в доме моего пасынка я не могла уже потому, что знала, что предложение было сделано только в надежде на мой отказ. Куда мне было деться и что с собой делать? Продолжать мою бродячую жизнь?... Я попробовала это, проведя год обязательного траура за границей. Я проехала в Индию и Японию и вернулась через Владивосток и Сибирь. Но как ни интересны были страны, которые я видела, но я уже не чувствовала полного удовлетворения. Любопытство притушилось.

Кошмар

– Через полгода, продолжала Ольга, – я вернулась в Питер. Давно я имела влечение к сцене, у меня был выдающийся голос, я считалась первой солисткой в Смольном. Мне не трудно было поступить в Мариинский театр, в русскую оперу, где я имела успех. Публика сразу полюбила меня, полюбил и наш капельмейстер, ценящий таланты, откуда бы они ни приходили... Но я скоро заметила, что я, как говорит русская пословица, «от одного берега отстала, к другому не пристала». Для артисток я оставалась аристократкой, графиней Бельской. Для общества же, т. е. для того высшего круга, в котором еще так недавно я была «своей», я превратилась в оперную певицу, Ольгу Бельскую, получающую (fi donc) жалованье, и которую каждый мужчина имеет право... пригласить ужинать... Вот эти-то «приглашения» были так же оскорбительны, как и насмешливо-завистливое отношение моих товарищей по театру. Я решила испытать счастья в Италии. Приехав в Рим, я получила приглашение петь в театре Сан-Карло, где мой успех был велик. Но какой-то злой рок преследовал меня... Пропев немного более месяца, я заболела дифтеритом и мой голос, хотя и не пропал совсем, но ослаб...

Далее Ольга передала о своих триумфах, заканчивавшихся такими же неудачами. Профессор заметил, что это дело масонов.

– Знаете ли что, Рудольф?.. Я бы должна бояться этих масонов после всего, что вы говорили и что я читала, но, представьте себе, мне почему-то кажется, что вы преувеличиваете, вы, ученые историки и политические журналисты. Право, дорогой друг, ваши масоны не так умны, как вы думаете. Ведь уже одно то, что они выбрали меня орудием... Ведь это же глупо...

– Но я не понимаю, почему? – с некоторым недоумением заметил профессор.

Ольга улыбнулась.

– Потому, что дипломатические способности наших масонов и их всеведение не особенно велики, раз они избрали именно меня орудием своих планов, не догадываясь, что я менее чем кто-нибудь гожусь на роли соблазнительниц.

– Но... вы не знаете того, как эти люди умеют играть душами, переделывая их на свой лад. Уж если они играют, как пешками, серьезными и гениальными мужчинами, каким был Менцерт, то трудно ли им справиться с женщиной, существом нервным и увлекающимся. Я по опыту знаю их адское искусство заставлять каждого глядеть их глазами и думать их мыслями. Не говоря уже о чисто дьявольском средстве – гипнотизме, который изучается, к несчастью, до сих пор только злодеями... Вас охраняла до сих пор невидимая сила креста, но сколько гибнут не веря, или недостаточно веря... Маловерие – опаснейшая духовная болезнь нашего времени и...

– Я очень счастлива, слыша эти слова от вас, Рудольф...

Ольга взглянула на профессора с нескрываемой нежностью.

– Я так боялась, что наука, особенно протестантская, создает неверие, или по крайней мере пренебрежение к нашей православной вере, с ее поклонением Богородице, со всем тем, в чем находят отраду сотни миллионов верующих православных и без чего я не понимаю, как могут жить ваши лютеранские жены и дети... И я очень счастлива, видя ваше отношение к религии вообще, и к моей русской церкви – в частности...

– Ольга, великая и настоящая наука не только не противоречит религии, но подтверждает ее. Это так верно, что когда мы с Менцертом были в Париже, у Ренана, то он согласился с нами.

– Ренан?.. Этот кощунник, отвергающий божественность Спасителя? – с негодованием и с недоумением вскрикнула Ольга. Профессор улыбнулся.

– Ренан последних лет не тот, каким был в начале своей карьеры. Прочтите его «Историю израильского народа», и вы найдете на последней странице признание божественности Христа, которую он отвергал в своей первой книге «Жизнь Иисуса»... Но такова сила влияния масон-

ства, что кощунственная книга известна всему миру, а страницы, опровергающие ее, неизвестны... Если бы вы еще сомневались в могуществе масонов, то припомните этот пример и не смейтесь больше над опасностью, угрожающей всему христианскому миру. Вспомните, что уже более ста лет Европа читает только то, что угодно масонам; молодые поколения христиан воспитываются в поклонении тайным обществам, карбонариям, иллюминатам, розенкрейцерам и так далее... без конца. Даже всемирную историю подделывают, превращая чернокнижников и сатанистов-тамплиеров в мучеников, короля же и папу, спасших христианство от слуг антихриста, – в злодеев. Вспомните, Ольга, в каком духе написаны известнейшие и популярнейшие руководства всемирной истории Шлессера, Ранке и т. д. С каждой страницы так и пышет ненависть к монархизму, патриотизму и... христианству. С начала XIX века всех заговорщиков и революционеров открыто прославляют популярнейшие писатели Европы: Виктор Гюго, Жорж Занд, Бальзак, Дюма-отец, Эжен Сю, Понсон дю Герайль и Густав Эмар, иногда даже не подозревающие, что они служили целям масонов, стремившихся погубить их родину... Это ли не доказательство силы масонства. И страшней всего, что никто не замечает этого. Вот почему я и не решаюсь опубликовать вторую часть моей истории тамплиеров. Слишком рано... ее похоронят под гнетом молчания, как похоронили много других книг, написанных против масонов. Именно поэтому я и прошу вас не печатать рукопись Менцерта, а передать ее германскому императору. Если она убедит только одного этого человека, то цель моего несчастного друга будет достигнута, и христианство – спасено.

Ольга на минуту задумалась.

– Вы правы, друг мой. Теперь я и сама думаю, что Провидение привело меня в Берлин, чтобы помочь вам в этом великом деле. Император так милостив ко мне, что я не сомневаюсь в том, что он примет от меня рукопись хоть завтра.

Профессор вздрогнул.

– О нет, Ольга, ради бога, не так скоро... Вы не знаете, какой страшной машины собираетесь коснуться. Одно подозрение о существовании откровенных признаний масона 33-й степени будет смертным приговором вам и мне, и всякому, подозреваемому в том, что он знает содержание подобных признаний. Мне же хочется пожить еще немного и быть счастливым, если... можно... Простите мне этот эгоизм ради моей... любви к вам. Вот, если со мной случится несчастье, тогда другое дело...

– Не накликайте беды, Рудольф, – проговорила Ольга. – Я не хочу слушать мрачных предчувствий. Лучше скажите мне, как вы могли спрятать эту страшную рукопись от масонских шпионов?

– Не беспокойтесь, Ольга. Рукопись Менцерта сможете найти только вы, вместе с моим отцом, которого я предупредил уже, оставив ему нужные указания. Но не расспрашивайте меня об этом... Забудьте покуда эту страшную тайну. Мне не хочется думать о ней теперь, когда я смею надеяться...

Рудольф замялся, не решаясь договорить слов надежды, проснувшейся в его душе.

Но Ольга прочла его мысль в полном любви взгляде и, подняв на него глаза, медленно и спокойно проговорила, протягивая ему руку:

– Надежда – счастье семейной жизни? Не так ли, друг мой?

Красивое лицо молодого ученого просияло.

– Ольга... обещайте мне постараться полюбить меня хоть немного...

– Я скажу вам больше этого, друг мой, – тихо ответила Ольга. – Но дайте мне время привыкнуть к мысли о многом... Хотя бы о потере свободы, бывшей до сих пор милей всего необузданной дочери казачьих степей... Прошу вас, подождите. Не очень долго... пока я сама скажу вам... когда наша свадьба...

На следующий день Ольга вечером играла во второй раз «Иоанну д'Арк». Во время спектакля, во втором акте император заехал в театр на минуту, как делал нередко, и зайдя за кулисы, заговорил с Ольгой.

– А я нечто слышал о вас, прекрасная Иоанна д'Арк! – начал он с милостивой улыбкой. – Русский посол, у которого я только что обедал, сообщил мне романическую историю молодой жены старого генерала, ухаживавшей так самоотверженно за больным мужем, умиравшим из-за другой женщины...

Забывая этикет, Ольга перебила императора:

– Ради Бога, ваше величество, не превращайте в заслугу простое исполнение долга.

Император улыбнулся.

– Вы всегда судите здраво, честно и бескорыстно. Это хорошо... но редко. Если когда-нибудь вам нужен будет защитник, то прошу вас обратиться ко мне графиня.

Ольга вздрогнула...

Такой удобный случай мог никогда больше не представиться. Император так милостив сегодня. Рассказать ему немедля о рукописи Менцера?..

Но какое-то необъяснимое чувство удержало Ольгу от полной откровенности, и она сказала только часть того, что хотела.

– Разрешите мне немедленно просить у вашего императорского величества милости...

Император с удивлением взглянул на прелестное серьезное личико Иоанны д'Арк.

– Говорите, графиня. Прошу вас.

– В таком случае я прошу ваше величество обещать мне принять от меня и прочесть небольшую рукопись, о которой я была счастлива узнать мнение императора.

– Ого... Уж не собирается ли прекрасная «Иоанна д'Арк» сама писать трагедии? – улыбаясь заметил император.

– Я прошу ваше величество быть снисходительным до конца и позволить мне промолчать пока о содержании рукописи. Когда же передам ее вам, государь, то припомните сегодняшнее милостивое расположение ко мне и прочтите рукопись без предубеждения и... до конца.

– Исполнить эту просьбу нетрудно, дорогая графиня. Даю вам честное слово, что немедленно прочту все, что вы мне ни передали бы.

Ольга невольно поднесла к губам руку императора, который поспешно отдернул ее и, крепко пожав ее маленькую ручку, обратился с каким-то вопросом к проходящему мимо актеру, играющему роль «Лионеля».

Ольга должна была быть довольна, обеспечив рукописи Менцера милостивое внимание императора, но какое-то смутное беспокойство стало овладевать ею посреди спектакля, усиливаясь от сцены к сцене. Она сама не могла дать себе отчета в этом чувстве, досадном и мучительном, и, чтобы рассеяться, стала невольно оглядывать ложи и партер, разыскивая знакомые лица английских лордов, присутствие которых всегда действовало на нее таким же угнетающим образом.

Но несимпатичных ей личностей не было в театре, как не было никого и из ее близких друзей. Это неприятно поразило Ольгу.

Она знала, что Гермина занята в этот вечер в своем театре, а директор Гроссе уехал на два дня в Гамбург, чтобы послушать тенора, предлагаемого ему берлинским агентом. Но почему профессор Гроссе не пришел в театр, как обещал? До сих пор он не пропускал ни одного представления, в котором участвовала она. Его сегодняшнее отсутствие положительно расстроило ее, тем более, что она не могла придумать, какая бы причина могла помешать человеку после вчерашнего разговора придти в театр хотя бы только для того, чтобы пожать ей ручку в антракте.

Волнуясь и досадуя сначала, а затем переходя от досады к беспокойству, Ольга с трудом доиграла свою ответственную роль.

Вернувшись домой, она села за обед, но не могла есть. Начала читать, но книга выпала из ее рук... А странное жуткое чувство, точно предчувствие грядущей беды, все выросло в душе. Наконец, Ольга легла спать и, помолвившись, заснула тяжелым крепким сном.

Среди ночи она внезапно вскочила с постели. Ей почудился голос профессора Гроссе так ясно и громко, что она, не соображая который час, подбежала к двери и громко спросила, слегка приотворив ее:

– Что случилось?.. Кто там?..

Ответа не было... Сонные коридоры первоклассной гостиницы были слабо освещены «дежурными» электрическими лампочками. Повсюду было тихо и пусто. Ольга осторожно затворила двери и направилась обратно к своей постели.

И вдруг среди ночной тишины ей снова послышался знакомый голос, но уже слабее, зовущий ее как бы из отдаления:

– Ольга... Любовь моя!..

Молодая женщина вздрогнула и кинулась к окну.

Быть может профессор Гроссе стоит внизу и полуночничает на манер героев романа?

Ольга улыбнулась при мысли о том, что до четвертого этажа никакой «Ромео» не смог бы долезть без помощи пожарной лестницы, но все же раскрыла окно и высунулась на улицу.

Свежий ночной воздух пахнул ей в лицо. Улица была пуста... Только вдали прохаживался мерным шагом дежурный городовою. Электричество ярко горело. С востока тянуло пред-рассветным холодом. Кругом все было так мирно и спокойно, что Ольга сама начала успокаиваться.

«Я положительно разнервничалась сегодня», – подумала Ольга и, приняв ложку брома, снова улеглась и заснула довольно скоро.

Но странное чувство, терзавшее ее весь вечер, превратилось в кошмар.

Неведомо, каким образом очутилась она в квартире профессора Гроссе, которую показывал ей его старик отец. Мельчайшие подробности убранства, расположение комнат, расстановка мебели остались в памяти Ольги. Но в ту минуту, как она спрашивала старика Гроссе: «Где же спрятал его сын рукопись Менцера?» – директор куда-то исчез. Ольга стояла одна в большом трехоконном рабочем кабинете Рудольфа и, боязливо оглядываясь, искала места, где бы спрятаться... От чего?.. или от кого?

Не успела она еще ответить себе на вопрос, как в соседней маленькой столовой раздались шаги. Охваченная смертельным ужасом, Ольга юркнула за зеленую суконную драпировку противоположной двери и исчезла за ее складками в ту самую минуту, как в кабинет входили два человека: барон Джевид Моор и старший слуга профессора, Ганс Ланге, раза два приносивший ей книги и потому хорошо ей известный.

– Ты уверен, что он спит? – спросил англичанин по-немецки.

– Совершенно... Он выпил всю «содовую» до последней капли. А этого на десятерых хватит...

– Хорошо... Тогда поищем.

Лорд Джевид вынул связку ключей и отмычек и принялся искать в письменном столе, в комодах, в шкафах, повсюду... Стоя за драпировкой кабинета, Ольга видела, как открывались шкафы в других комнатах, как лорд Джевид, озлобленный и мрачный, выбрасывал белье из комода и посуду из буфета.

Но непонятным образом она видела также спальню, где за спущенными занавесками кровати, неподвижный и бледный, лежал Рудольф, усыпленный каким-то дьявольским снадобьем. На его губах блуждала счастливая улыбка... «Ольга»... шептал он. Ольга видела, что он думает о ней, и безграничная жалость сжала ее сердце...

А поиски продолжались – такие же безуспешные.

«Они ищут рукопись Менцера и не найдут ее», – подумала Ольга спокойно.

Но это спокойствие внезапно сменилось страхом. Ее душа трепетала, предчувствуя, – нет, зная, что стоит перед чем-то роковым и ужасным...

Мучительный кошмар продолжался...

Теперь Ольга была уже в спальне. Скрытая драпировкой постели, она глядела на бледное лицо Рудольф и видела, как из его закрытых глаз выкатились две крупные слезы... Но нет – это не слезы... Это капли крови... Они текут из маленькой ранки, едва заметной между темными кудрями, текут неудержимой струйкой на закрытые глаза, на бледные щеки, на белую сорочку, на подушки, на простыни, на пол... Вся комната наполняется кровью...

А перед постелью стоит лорд Джевид Моор и говорит с дьявольским спокойствием:

– Ну, теперь давай сюда сапожки...

Ольга слышит эти нелепые слова и снова сознание кошмара просыпается в ее душе.

«О, только бы пошевелиться», – с отчаянием думает она, – это мучение сейчас же окончится».

Двойник

На другое утро Ольга написала несколько слов профессору Гроссе, сообщая ему, что она свободна после репетиции и ей хотелось бы проехать осмотреть зоологический сад.

Отправив записку, Ольга ушла в театр, куда приказала принести ответ.

Через час театральный привратник сообщил Ольге, что ее дожидается маленький рассыльный отеля Бристоль.

Ольга сошла вниз, в швейцарскую, разделенную пестрой ситцевой занавеской на две отдельных комнаты. В первой из них на скамеечке сидел мальчишка лет 12, со смышенной мордочкой и продувными глазками, одетый в зеленую курточку, украшенную бесчисленными позолоченными пуговицами.

При виде пославшей его дамы, бой быстро поднялся и, протягивая Ольге конверт, доложил:

– Я принес ваше письмо обратно, сударыня... Господина профессора дома не было.

Ольга с досадой пожала плечами.

– Что же ты не оставил письма в квартире или у швейцара?

– Извините, сударыня, швейцара там не имеется. В квартиру же господина профессора я звонил целую четверть часа, а толку не добился.

– Ты бы мог отдать письмо привратнику, если ни профессора, ни его лакея не было дома.

– Я так и хотел сделать, сударыня, но супруга привратника объяснила, что служитель господина профессора совсем не вернется, так как доктор изволил на него за что-то прогневаться. И старик уехал на родину. Сам же господин профессор, должно быть, вышли из дома очень рано, когда еще все спали. Привратница думает, не уехал ли он к своему папаше в Гамбург.

– Хорошо, – не скрывая досады, ответила Ольга и тут же, разорвав на четыре части конверт, бросила клочки на пол.

Ольга на этот раз репетировала очень рассеянно и сама на себя сердилась за эту рассеянность.

«Вот оно, развращающее влияние любви, – досадливо подтрунивала она сама над собой. – Делаешься ни на что не способной тряпкой... Бог знает что такое!..»

К концу репетиции подъехала Гермина Розен, пригласившая приятельницу обедать вместе.

Ольга согласилась поехать с ней в зоологический сад, но попросила подругу заехать на минутку в гостиницу Бристоль – узнать, нет ли писем.

В глубине душ она ожидала найти известие от профессора, но вместо того нашла письмо из Гамбурга, от директора Гроссе.

Добрый старик написал Ольге четыре страницы таких трогательных, что у молодой женщины слезы навернулись на глаза. Очевидно, Рудольф в тот же день написал отцу о своих надеждах, и старик, растроганный и обрадованный, благодарил Ольгу за то, что она соглашается дать счастье и ему, никогда не смевшему мечтать о такой гениальной красавице-дочери.

Ольга показала Гермине письмо, рассказав ей, что почти решила выйти замуж за Рудольфа.

– И бросить сцену?.. – в ужасе всплеснула руками хорошенькая актриса. – Теперь, когда твой успех обеспечен, когда твоим талантом интересуются император и императрица?.. Да ведь это было бы преступление, Ольга!..

– Я и не думаю бросать театр... пока, – перебила Ольга. Оскорбленное самолюбие нашептывало ей о небрежности и невнимании того, кто мог назвать себя ее женихом, и в то же время непонятное смутное беспокойство вынудило ее рассказать Гермине историю своей утренней записки и необъяснимого отсутствия профессора.

Гермина громко засмеялась.

– Ты совершенный ребенок, Ольга... Можно ли волноваться из-за такого пустяка? Мало ли что может задержать мужчину: неожиданное заседание в университете, завтрак в ресторане с товарищами, нездоровье, наконец.

– Нездоровье? – повторила Ольга с оттенком испуга. – Но если он болен, то почему же он не предупредил меня?..

– Но если лакей ушел, то с кем же он придет тебе известие? Наконец, не о всяком нездоровье пожелает сообщить влюбленный мужчина своей невесте. Бывают весьма прозаичные болезни... хотя бы с похмелья.

Гермина от души смеялась, наблюдая за постоянно меняющимся выражением лица своей подруги.

– А знаешь, Оленька, мы сейчас заедем узнать, не болен ли в самом деле твой ученый Ромео?.. Подумай, ведь он может быть серьезно болен и лежит один в пустой квартире. Кто может тебя осудить за то, что ты заедешь среди бела дня к своему жениху? И даже не одна, а в сопровождении подруги...

– Но твой принц будет ждать тебя в зоологическом саду.

– Подождет... Не велика беда. Да, кроме того, обед назначен к семи часам, а теперь еще и четырех нет...

Через десять минут прелестная соломенная «корзинка» Гермины Розен, запряженная парюю маленьких бойких пони, которыми хорошенькая актриса управляла с большой ловкостью, остановилась у подъезда старомодного четырехэтажного дома, недалеко от университета. Бросив поводья маленькому груму, Гермина быстро выскочила из экипажа и в сопровождении Ольги вошла в узкий темноватый подъезд, в котором, по старинному обычаю, висела черная доска с написанными мелом фамилиями квартирантов. Гермина сразу увидела имя «профессора, доктора философии Рудольфа Гроссе», в третьем этаже, побежала вверх по лестнице и, не колеблясь, потянула ручку старомодного звонка на обитой зеленой клеенкой двери.

Раздавшийся за дверью звук колокольчика почему-то больно резнул по сердцу Ольгу. Она невольно вскрикнула.

– Однако, какая ты нервная стала, – усмехнувшись, сказала Гермина. – Вот что значит любовь...

– Ах, это не любовь, а предчувствие, – прошептала Ольга.

– Пустяки, душа моя! Ты просто плохо спала... А вот это действительно неприятно, что на наш звонок не слышно ответа. Видно, в самом деле никого в квартире нет...

Гермина позвонила вторично, громче прежнего.

Снова раздался звук колокольчика за дверью, и на этот раз даже беззаботной Гермине показалось подозрительной жуткая тишина квартиры, по которой так гулко мрачно разнесся металлический звон.

– Пойдем сейчас к привратнику и узнаем, куда ушел или уехал твой «предмет».

И не дожидаясь ответа, актриса подхватила Ольгу под руку и потащила ее вниз по лестнице до полуподвального этажа, где в маленькой и душной, но чистой каморке почтенный привратник сидел на трехногой круглой скамеечке, прилаживая новые подметки к старому сапогу.

Появление молодой шикарно одетой красавицы с бриллиантами в ушах и в шляпке с двумя петушьими хвостами, выкрашенными в зеленый и розовый цвет, произвело целую сенсацию. Привратник вскочил со своего седалища, а его дражайшая половина на минуту забыла о своей кастрюле, отирая руки о пестрый полотняный передник.

– Чем могу служить, сударыня? – спросила она.

– Вот что, моя милая, – начала Гермина, вынимая из маленького золотого мешочка, висящего у ее пояса, монету и подавая ее привратнице. – Мы только что были наверху, у доктора Гроссе и, не дождавшись ответа на звонки, пришли к вам за сведениями... Вы можете

смело отвечать нам, – прибавила Гермина, заметив, что привратница переглядывается со своим супругом и как-то мнетя в нерешительности. – Вот эта дама – его невеста.

Привратница почтительно присела, промолвив:

– Да я уж имела честь видеть невесту герр профессора вчера вечером...

Актрисы подумали, что эти слова относятся к театру, где играла Ольга и где, вероятно, была и привратница. Гермина, желая узнать мнение «почтенной дамы» о вчерашней «Иоанне д'Арк», спросила улыбаясь:

– Как же вам понравилась моя подруга?

Привратница вторично присела.

– Да разве может кому-нибудь не понравиться такая красавица!.. Я так и сказала мужу: «это, наверно, светская барышня, а не какая-нибудь»... Хотя они изволили пробежать так скоро, что я не успела хорошенько рассмотреть их личика под вуалью.

Подруги начали понимать, что речь идет не о театральном представлении. Прежде чем Ольга успела открыть рот, Гермина спросила:

– А где же вы видели мою подругу?

– На нашей лестнице, вчера вечером... Уж вы извините, ежели мы что подумали. Сами посудите: посторонняя девица отворяет двери ключом профессора Гроссе. Только я все-таки сразу догадалась, что эта барышня должна быть невестой профессора, а не кем-нибудь. Я так мужу и сказала.

Тут Ольга не выдержала:

– Вы говорите, что видели меня вчера вечером?

– Так точно, сударыня.

– И вы меня узнали?.. Действительно узнали?

Привратница со своей стороны отвечала уже с видным колебанием:

– Простите, сударыня. Быть может, вы не желали, чтобы знали о вашем посещении профессора, но ведь он же ваш жених. Да, кроме того, если бы вы предупредили меня, я бы, конечно, промолчала.

Ольга совершенно растерялась.

– Как?.. Вы говорили со мной? – вскрикнула она.

– Простите, сударыня... Разговором этого, конечно, нельзя назвать. Но все же вы изволили ответить на мой вопрос. Я просила: «К кому вы идете, сударыня?» – «К профессору Гроссе», ответили вы.

– Гермина, что это значит? – с негодованием вскрикнула Ольга. – Эта женщина уверяет, что видела меня, что говорила со мной вчера вечером, когда я была на сцене... Кто же был здесь и осмелился назваться моим именем?

Привратник счел нужным вступить в разговор.

– Простите, сударыня, если жена моя в чем-либо ошиблась. А только я и сам видел, как вы изволили пройти мимо нас и как стали отворять входную дверь своим ключом и изволили ответить на вопрос: «К кому, мол, идете, сударыня?» – «К профессору Гроссе».

– И вы видели лицо этой ночной посетительницы и узнали в ней мою подругу? – спросила Гермина.

Привратник и привратница принялись вглядываться в Ольгу.

– Извините, сударыня... Может и ошибка вышла... Оно на первый взгляд точно... И платье белое, и шляпка, и волосы золотистые... А только, все-таки дело было вечером, и барышня, можно сказать, проскочила мимо нас и притом еще лицо вуалью красной закрыто было. Как тут поручиться? Да вот, как изволили вы заговорить, так голос, будто бы, и совсем не такой. У вчерашней барышни он был сиповатый... еще муж посмеялся, говорит: «Простудилась, видно, барышня, по ночам бегавши»... А белое платье и шляпка... и волосы...

– Довольно... – перебила Ольга. – Пойдем, Гермина.

– Подожди, Оленька, – проговорила актриса. – Прежде я все же хотела бы узнать, дома ли профессор Гроссе? Быть может, мы сейчас же разьясим эту странную историю.

Привратница уже совсем робко переглянулась с мужем.

– Извините, сударыня, а только я не сумею ответить вам... Насчет прошлого вечера точно знаю, что профессор Гроссе был дома, когда к нему пришла барышня эта. Он сам сказал мне «добрый вечер», проходя мимо меня часу... этак в седьмом примерно. Должно быть после обеда возвращался. Всегда он тут недалеко в ресторане обедает. И вчера же я сразу заметила, будто у него особенно довольный вид. Теперь-то я понимаю, чего он радовался, как увидела его красавицу-невесту.

– А только насчет того, провожал ли он посетительницу и в каком часу, – вмешался привратник, – я не могу знать, так как не видал, когда она вышла.

– Да неужели вы не видали его сегодня, когда он выходил из дома? – спросила Гермина.

Привратница ответила:

– Вот видите ли, сударыня, профессор Гроссе живет у нас более шести лет... И не было у нас квартирантов скромнее господина доктора. Гости к нему почти не приходят. Разве когда отец его, либо из университета кто... Да вот иногда студенты ходили, насчет же дамского пола не замечали. Оттого мы и удивились, увидев, что к нему, да еще поздно вечером, дамочка явилась...

Ольга сделала нетерпеливое движение и привратница заторопилась:

– Потому мы и заметили эту дамочку и сообразили про себя, что неспроста, видно, господин доктор побранился со своим старым камердинером, который был у него, можно сказать, на все руки и смотрел за доктором, как за малым дитятей. А тут вдруг разбранился Бог вещь из-за чего и прогнал старика. И прогнал его как раз перед приходом барышни.

– Старик чуть не плакал, когда уезжал, – прибавил привратник.

– Это, говорит, его до добра не доведет, что он обидел старого слугу.

– Но это еще не объясняет, почему вы не видели профессора сегодня утром, – перебила Гермина.

– Думаю, либо профессор не выходил еще из квартиры, либо вышел ночью вместе с барышней. Потому утром рано почтальон звонил и газетчик тоже. Да и я наверх ходил, тоже звонил, и никому не отворили. Отчего я и подумал уж, не уехал ли господин доктор в Гамбург с ночным поездом. Потому телеграфист вчера вечером приносил ему депешу, и я слышал, как господин профессор крикнул: «это от отца». Вот и мы думаем: наверно старик к себе сына вытребовал.

– Очень может быть! – произнесла Гермина. – Благодарю вас, друзья мои... А когда профессор вернется, то передайте ему...

– Ничего не передавайте. Это лишнее, – перебила Ольга таким тоном, что Гермина не возражала и молча последовала за подругой, быстро вышедшей из каморки привратника.

Ловушка

– Ну, что ты скажешь? – нервно кусая губы спросила Гермину Ольга, сидя в экипаже, быстро несшемся по улицам к Тиргартену.

– Быть может, тебе лучше заехать домой, отдохнуть немного? – вместо ответа робко проговорила подруга.

– Почему? Я не устала. Если же ты воображаешь, что я расстроена этим сюрпризом, то ошибаешься. Я давно знаю, как относятся мужчины к женщинам и на верность совсем не рассчитывала. Хотя, признаюсь, бесцеремонность этого господина меня все же немного удивляет... Я считала его благовоспитанным человеком.

– Ольга, не будь несправедлива, – серьезно сказала Гермина. – Не осуждай, не узнав правды. Я понимаю, что ты оскорблена, но, как знать, что за смысл в этой загадочной истории.

– Смысл совершенно понятен, – горько смеясь, заметила Ольга.

– Господин профессор охотится за двумя зайцами, и чуть было не поймал обоих.

– И ты считаешь это посещение доказательством неверности Рудольфа?

– А чем же иным можешь считать его ты? Любопытно было бы знать.

Гермина взглянула на подругу.

– Мне странно, Оленька, что ты, такая сдержанная, умная и справедливая, в данном случае судишь так быстро, несправедливо. Ведь это посещение белой дамы может быть связано с невинными причинами. Представь себе, что эта дама в белом направлялась вовсе не к профессору, а назвала его имя только для того, чтобы не назвать настоящее... Ведь ты же слышала, что у каждого квартиранта свой ключ. А квартирантов в этом четырехэтажном доме не мало.

Лицо Ольги просветлело.

– Как узнать правду? – спросила она.

– Очень просто. Надо спросить Рудольфа.

– Но ведь он куда-то уехал.

– Тогда он пришлет тебе письмо. Я убеждена, что не позже суток ты получишь известие от твоего Рудольфа.

Ольга крепко пожала руку подруги.

– Какая ты добрая... Спасибо тебе. Но, право, я не знаю, что со мной делается. Как я ни стараюсь успокоиться, а все же не могу освободиться от какого-то смутного предчувствия... Мне все кажется, что страшное несчастье грозит мне.

Гермина покачала головой.

– Уж не встретила ли ты своих фатальных англичан? – понизив голос, спросила она. Ольга вздрогнула.

– Нет... Благодарю Бога: они исчезли. Потому я и не беспокоюсь о том, что мой контракт с императорским театром до сих пор еще не подписан.

– Как не подписан? Да ведь ты же играешь чуть ли не десятый раз...

– Как гастролерша. Разве ты не заметила этого на афише?

– Конечно, заметила и объяснила это желанием использовать успех новой звезды в мае месяце, когда театры обыкновенно пустуют. Благо ты делаешь полные сборы.

– Очень может быть, что ты и угадала настоящую причину этих гастролей. Мне намекал наш обер-режиссер, что господин интендант не желает обманывать публику, выдавая ангажированную актрису за гастролершу.

– И обижать своих старушенций, выставляя «новенькую» в красную строку? – смеясь добавила Гермина.

– Да, и это может быть. А так как мне платят за гастроли по цене дебютов, т. е. ровно втрое больше, чем я буду получать по контракту, то я и молчу и не беспокоюсь, именно, потому, что не вижу англичан, приносивших мне несчастье.

– И я их не вижу больше недели, – с невольной грустью подтвердила Гермина. – Они очевидно уехали.

– И слава богу... Когда они здесь, я точно задыхаюсь. И вот теперь, представь себе, со вчерашнего вечера, и только что у дверей Рудольфа, меня преследует это мучительное чувство... Так и кажется, что на мне тяготеет ужасный взгляд лорда Джевида Моора.

Гермина вздохнула.

– А я бы Бог знает что дала, чтобы только увидеть его приятеля!

Целый вечер провела Ольга с Герминой, принцем Арнульфом и двумя его обычными спутниками, гвардейскими офицерами, в зоологическом саду.

Возвращаясь домой на извозчике (Ольга отклонила слишком любезные предложения кавалеров проводить ее до дома), через опустелый и полутемный Тиргартен, она снова ощутила гнетущее чувство: мрачное предчувствие несчастья опять овладело ею.

В темной глубине извозчицкой каретки Ольге чудилось знакомое красивое бледное лицо с закрытыми глазами и тонкой струйкой крови, медленно ползущей из-под темных кудрей по виску на белую щеку...

Ольга вздрогнула и открыла глаза... Неужели это был сон? Неужели она успела заснуть, и ее преследует тот же сон, что мучил и в прошлую ночь?

«Да, что бы ни говорила Гермина, а это не к добру», – подумала Ольга и перекрестилась.

У входа в гостиницу ее остановил солидный господин, с видом тайного советника в отставке, исполняющий роль швейцара в гостинице «Бристоль».

– Вам письмецо, сударыня. Принесено посылным.

Еще не видя письма, Ольга почувствовала, что это – известие от Рудольфа.

– Что случилось? – спрашивала она себя, подымаясь по лестнице с нераспечатанным конвертом в руках. Она боялась разорвать этот знакомый конверт из толстой слоновой бумаги, над которым она не раз смеялась, упрекая профессора в «бумажном кокетстве».

Коридор был пуст. До ее помещения еще два этажа. Ждать дольше она не могла и тут же дрожащей рукой разорвала конверт и, окинув его одним взглядом, прочла записку:

«Ольга... Простите просьбу... Но дело о жизни и смерти... Жду вас сейчас же... не медля ни минуты... Повторяю, простите и... поймите... вопрос жизни всегда вашего Рудольфа... Ключ от входной двери посылаю. Моя будет отперта...»

Неверный почерк... недописанные слова, дрожащие строчки... От письма веяло несчастьем. Ольга закусила губы, чтобы не застонать.

«Масоны», внезапно прозвучало в ее мозгу так ясно и отчетливо, точно кто-то шепнул ей это слово на ухо.

– Да, масоны, – прошептала она, беззвучно шевеля губами и, не раздумывая, не колеблясь, повернула обратно и стала спускаться вниз по лестнице.

Не замечая удивленного лица величественного швейцара, ни любопытно-насмешливых взглядов полдюжины «мальчиков на посылах», стоящих шеренгой у ярко освещенного входа, Ольга быстро вышла на подъезд и вскочила в каретку первого попавшегося извозчика, машинально крикнув ему адрес Рудольфа.

Кровь и розы

Со странным чувством остановилась Ольга у знакомого ей подъезда. Входные двери были уже заперты, а маленькое оконце привратника в полуподвале закрыто ставнями, сквозь которые не пробивался ни малейший луч света. Весь дом, казалось, спал. Только четыре окна третьего этажа слабо светились. Ольга сразу поняла, что там квартира Рудольфа и что он ждет ее.

– Подождите меня здесь, голубчик, – обратилась она к извозчику, отдавая ему первую попавшуюся монету, и дрожащими пальцами вложила в замочную скважину небольшой ключ, который она всю дорогу судорожно сжимала в похолодевшей руке.

Дверь бесшумно отворилась.

Ольга машинально вынула ключ из замка, захлопнула за собой дверь и смело поднялась по лестнице, придерживаясь за перила. По счастью, свет от большого электрического фонаря, стоявшего против подъезда, проникал на лестницу, наполняя ее дрожащим полумраком. Ольге было жутко и страшно в этом незнакомом доме, куда она пробиралась ночью, тайком, точно преступница.

Как во сне поднялась Ольга по лестнице до двери, возле которой она стояла сегодня утром. На этот раз дверь была не заперта. Сквозь узкую щель падал тонкий луч света на темные доски пола.

– Ольга... – послышалось ей в глубине полутемной лестницы, но она даже не оглянулась, сознавая, что это галлюцинация слуха.

«Ведь он меня ждет», – подумала она.

Внезапный прилив решимости охватил молодую женщину, и спокойно и уверенно она отворила дверь, вошла в маленькую переднюю, довольно ярко освещенную спускающимся с потолка мавританским фонариком, и вдруг остановилась пораженная...

Все было здесь ей знакомо. И стены, увешанные старыми гравюрами, и дешевенькие в восточном вкусе занавески на трех дверях, и пол, покрытый пестрой японской циновкой, и вешалка из гнutoго бамбука, с небольшим круглым зеркалом посередине, и даже этот мавританский фонарик, дающий такой трепетно-пестрый свет.

– О господи... – прошептала Ольга. – Откуда же я знаю все это?.. Ведь я ни разу не была здесь...

И вдруг воспоминание о кошмаре прошлой ночи всплыло перед ее глазами. Она ахнула и на мгновение застыла посреди жуткой тишины, не прерываемой даже звуком часового маятника.

Но Ольга не заметила ни неестественной тишины, ни отсутствия хозяина квартиры, пригласившего ее к себе и не вышедшего встретить.

Почему-то все умственные силы Ольги запутались, как муха в паутине, в одной загадке, овладевшей ее душой. Воспоминание кошмара, оказавшегося такой поразительной истиной, точно заворожило ее. В глубине этого воспоминания теплилось предчувствие такого ужаса, что она не смела додумать своей мысли до конца, стараясь рассеять ее воспоминаниями подробностей.

– Вот за этой дверью столовая, а за этой кабинет, – прошептала она едва слышно. Но даже этот слабый звук собственного голоса заставил Ольгу вздрогнуть: так громко и страшно прозвучал он среди мертвой тишины.

«Мертвая тишина»... Точно молотом ударила по голове эта мысль молодую женщину. Она покачнулась и схватилась рукой за ручку двери; дверь тихо подалась, увлекая ее за собой.

Да, это столовая... Маленькая уютная комната, слабо освещенная догорающей висючей лампой, с накрытым белой скатертью круглым столом посередине, на котором виднелись остатки обеда или ужина, стебельки земляники, опорожненная бутылка шампанского, другая, наполо-

вину полная какого-то розового ликера, и рядом две недопитых рюмки. Очевидно, за столом сидело только двое. На простеньком, но изящном ореховом буфете стояло блюдо с остовом омара, на хрустальных тарелочках лежали сыр и масло, а посреди стола, прямо под лампой, красовался громадный букет ярко-красных роз, наполняющих своим благоуханием всю маленькую комнату, душную от закрытых окон.

Этот удушливый аромат охватил Ольгу, еще более отуманивая ее рассудок.

На мгновение она совершенно позабыла причину своего прихода сюда, раздумывая о том, что значит этот стол... Кто мог здесь ужинать или обедать?.. И почему не убраны остатки этого обеда или ужина?

– Ужин или обед? – раза два повторила молодая женщина, тщетно силясь удержать обрывки мыслей, кружившихся в ее отяжелевшей и ноющей голове.

Ее сознание ускользало куда-то, оставляя только смутные образы не то воспоминания, не то опасения чего-то неясного, страшного и неизбежного. И над всем этим тяжелая необходимость решить какую-то загадку.

– Какую? – нетерпеливо повторяла Ольга, стараясь припомнить что-то, что разбегалось во все стороны, точно расплескавшаяся вода из переполненного кувшина.

«Зачем я здесь? Удивительный сон! И как он длится!?! Со вчерашней ночи и до сих пор... целые сутки», – думает Ольга, проводя рукой по лицу, и быстро отдергивает руку, точно обжегшись: ее лицо пылает и щеки горят, а в глазах мелькают красные пятна.

«Это розы, – решила она и, наклонясь над столом, вдохнула сильный, сладкий запах цветов. – Да, это розы... красные розы... точно кровь на белой скатерти... Такие же красные пятна видела я на белых простынях... Какой глупый кошмар и... какой мучительный...»

«Ах, да, о кошмаре... о розах, о крови на скатерти... нет, на подушках и простынях... И это было в спальне... Значит, надо пройти в спальню... Вот сюда в эту дверь. Здесь будет кабинет, а за ним и спальня...»

Слегка пошатываясь, двинулась Ольга через столовую, придерживаясь рукой за стулья и стену, пока не добрела до дверей в кабинет. Он также был освещен большой кабинетной лампой под зеленым колпаком (электричества в этом старомодном доме не было), догоравшей на письменном столе. Ольга на секунду остановилась, окидывая взглядом большую трехконную комнату. И здесь все было ей знакомо... Вот и зеленая суконная занавесь, за которой она смотрела во сне, как мasons искали рукопись Менцера. А вот и бумаги, разбросанные так, как она видела, и книги, выкинутые из шкафов, и выдвинутые беспорядочно ящики письменного стола. Ольга усмехнулась.

«Очевидно, кошмар еще продолжается и сейчас дойдет до конца... Сейчас я увижу самое страшное и проснусь... Только бы поскорей... Этот запах роз положительно опьяняет... особенно при такой духоте... У меня голова кружится».

Ольга перешла кабинет и дрожащей рукой взялась за зеленую занавесь, за которой – она знала это – находилась дверь спальни... А там, за этой дверью...

Ольга задрожала.

– Господи, да когда же этот ужасный сон кончится? – прошептала она.

И вдруг сознание вернулось к ней. Она поняла, что не спит, что она на квартире Рудольфа Гроссе, ночью, одна... по его приглашению... Отчего же он ее не встречает? Отчего его квартира пуста? Откуда этот беспорядок? И это освещение? И эта жуткая мертвая тишина? И этот одуряющий запах роз, и еще что-то страшное, как сама смерть, и отвратительное, как тление?

Молодая женщина пошатнулась, едва успев удержаться рукой за двери. Холодный безумный ужас, точно ледяной рукой, охватил ее сердце и стиснул его с такой силой, что она громко застонала... И в ответ на этот стон ей почудился едва-едва слышный вздох, долетевший откуда-то издалека.

«Рудольф... Рудольф... умирает один! Без помощи! Он позвал меня... Я помогу ему, я не боюсь ни людей, ни кошмаров»...

Собрав последние силы, Ольга шевельнулась. Но в мозгу ее уже снова непроизвольно выросла мысль о красных розах, удушливое благоухание которых не могло заглушить того, другого запаха, мучительного и неопределенного, но страшного... такого страшного, что у молодой женщины невольно стукнули зубы, как от холода.

Спальня была темна. Чад от погасшей лампы наполнял воздух зловонием, мешающим дышать. И эта темнота, это зловоние, этот удушливый воздух, эта зловещая тишина на мгновение вернули Ольге способность связанно думать.

– Конечно, все это продолжение вчерашнего кошмара. Я просто заснула, вернувшись из зоологического сада. А письмо Рудольфа, его ключ, поездка сюда и все остальное – просто кошмар... Знаю его окончание: сейчас увижу Рудольфа умирающего, убитого... масонами, – неожиданно произнесла она громко, и снова слово это прозвучало в ее мозгу, как будто кто-то шепнул его ей на ухо.

В ответ на это слово послышался тихий злобный смех знакомого голоса... Она сейчас же узнала этот голос, но уже не испугалась больше, достигнув границ страха, доступного человеческой душе.

«Ведь все это сон, кошмар, ведь она же сейчас проснется... Так не все ли равно, что за ее спиной смеется лорд Джевид Моор?..»

С безумной улыбкой на губах, с пылающим, но неподвижным, точно окаменелым лицом, с остановившимся взглядом широко раскрытых глаз, с огромными расширенными зрачками, Ольга вернулась в кабинет и, взяв со стола тяжелую лампу, медленным, точно автоматическим шагом, вошла в спальню.

Высоко подняв над головой лампу, она оглядела небольшую комнату, раскрытый бельевой шкаф, разбросанные на полу связки белья, пустые картонки, вынутые опрокинутые ящики комода и столиков, – все те же следы спешных и нетерпеливых поисков, какие она видела в кабинете.

Ольга решительным шагом подошла к кровати, смутно видневшейся из-под опущенных занавесок.

На полу, у кровати, лежал небольшой коврик серовато-зеленого цвета, по которому змеились коричневые пятна.

– Это запекшаяся кровь, – прошептала Ольга.

Страшное возбуждение начинало сменяться в ней какой-то тупой бесчувственностью. Только что леденивший ее ужас превратился в неясное любопытство. Мысль ее как-то скользила по поверхности, не имея силы углубиться в смысл того, что видели глаза.

– Кровь? – повторила она. – Конечно, кровь... Но ведь кровь красна, как те розы. А эта... Почему она такая темная?..

Рука молодой женщины дрожала так, что ламповое стекло звенело, покачиваясь. С трудом удерживая лампу в правой руке, Ольга отдернула занавески левой, затем с отчаянным усилием подняла глаза и... оцепенела...

Перед ней лежал Рудольф, неподвижный, холодный, окоченелый. Запекшаяся кровь тонкой струйкой присохла на его белом, точно восковом лбу, выступая из-под спутанных темных кудрей. На белой рубашке, на подушках, на простынях виднелись зловещие багрово-коричневые пятна.

Ольга покачала головой, окончательно потеряв сознание действительности. Уверенность в том, что все это только кошмарный бред, была так сильна, что она улыбнулась холодными побелевшими губами.

Странную и страшную картину представляла молодая красавица, с безумными глазами и снежно-белым лицом, освещающая лампой неподвижное и бездыханное тело. Дрожащая рука

ее, почти такая же бледная и холодная, как и свесившаяся с постели убитого, осторожно прикоснулась к мертвому лбу. Прекрасное женское лицо наклонилось над трупом...

И вдруг холод смерти и страшный запах тления охватил Ольгу... Разом, мгновенно в душе ее пробудился рассудок и понимание страшной правды.

– Масоны! – крикнула она и без чувств упала на пол, к ногам убитого.

Ламповое стекло со звоном разлетелось. Огонь вспыхнул высоким пламенем и сейчас же потух. Зловещая темнота скрыла страшную картину.

Масонские духи

Бесчувственная и недвижимая лежала молодая женщина в двух шагах от убитого, но сознание ее все же не вполне угасло. Оно как бы раздвоилось. В застывшем, почти окоченевшем теле беспокойная мысль билась, как птица в клетке. Одна часть сознания понимала все, что происходит вокруг, другая же упорно твердила, что все это кошмар, и он прекратится рано или поздно.

Эта смутная уверенность и спасла бедную женщину от сумасшествия или нервного удара, вызванного ужасом. Смутная надежда проснуться, за которую цеплялась мысль Ольги, позволяла ей мгновениями забыть ужас своего положения.

Совершенно потеряв способность различать, где кончается действительность и где начинается сонное видение, неподвижно распростертая на полу Ольга услышала, как тихо скрипнула дверь столовой, пропустив трех человек, медленно подошедших к неподвижной молодой женщине.

Лорд Джевид приблизил свое дьявольски улыбающееся лицо к смертельно-бледному прекрасному лицу Ольги.

– Налей я немножко больше керосина в лампу, и, пожалуй, пожар спрятал бы концы в воду, – услышала она голос, по которому сейчас же узнала старого слугу Рудольфа.

– Напрасно сожалеешь, друг мой, – перебил его другой голос, звук которого заставил задрожать неподвижную молодую женщину, узнавшую английского масона. – Ты забываешь, что в европейских городах пожарные приезжают слишком скоро. Всего же не предусмотреть... Могут оставаться следы там, где не ожидаешь ничего опасного. Поверь мне, Иоганн, что так будет лучше... Того, чего мы желали – удаления из Берлина и невозможности приблизиться к императору – мы уже добились. После такого шума, какой поднимет вся эта история, немецкая щепетильность не потерпит этой актрисы в придворном театре, что и требовалось доказать.

– Пусть так, – услышала Ольга третий голос, в котором она так же сразу узнала молодого красавца-англичанина, покоровшего сердце Гермины Розен. – Но прежде всего надо позаботиться, чтобы несчастная не задохнулась в этой отравленной атмосфере... Отвори окна, Ганс Ланге. Ты налил слишком много снотворных духов на розы. Я боялся, что она не сможет дойти до спальни и свалится в кабинете.

– Что было бы далеко не так эффектно, – добавил лорд Джевид с дьявольским смехом.

Ольга слышит эти слова, она слышит, как стукнуло отворяемое окно, и чувствует порыв свежего ночного ветерка, ласкающего ее лицо. Ей становится легче дышать, но все же она не может открыть тяжелых, точно свинцом налитых глаз. Ее грудь едва подымается, она не может шевельнуться, хотя отвращение охватывает ее от прикосновения чужой руки.

Она чувствует, как лорд Джевид расстегивает ее платье и, приложив ухо к ее груди, внимательно слушает слабое биение ее сердца.

– Ничего, выдержит, – снова слышит она его ненавистный голос. – Здоровая натура. И крепкое сердце... До ста лет проживет, если... мы позволим...

– Во всяком случае мы избавились одним ударом от явного предателя и... возможной предательницы. Теперь она нам уже больше не опасна. Даже если она выпутается сравнительно благополучно из нашей паутины, то все же у ней пройдет охота интересоваться масонами: она поймет, что обязана им своим приключением! А если не поймет, то ей можно будет и пояснить это...

– А ты уверен, Джевид, что она была нам опасна? – спросил лорд Дженнер. – Мне кажется, что мы слишком скоро решаем подобные вопросы. Разве Гроссе мог быть нам серьезно опасен?..

– А ты все еще сомневаешься в этом? – иронически улыбаясь, спросил старший масон.

– Да ведь рукопись Менцера все же не нашлась. Быть может, отельный кельнер плохо расслышал... или не понял...

– Замолчи, Дженнер! – резко перебил старший масон. – Ты говоришь, как нервная баба или глупый мальчишка... Довольно об этом... Там, где произнесено решение верховного Бет-Дина, мы остаемся только исполнителями... Поэтому побереги свою жалость до другого более удобного случая. А еще лучше – отучись от нее, дружище... Это опасная болезнь для масона высших посвящений... Раскрой окно, Иоганн... При такой жаре... труп лежит вторые сутки... У меня голова начинает кружиться... Оставить женщину так невозможно – пожалуй, она не доживет до утра, а это повело бы к осложнениям и уменьшило бы правдоподобность положения... Надо поспеть предупредить полицию. Не то еще явится из Гамбурга отец убитого и наделает нам хлопот.

Ольга слышит скрип двери, затворяющейся за уходящими убийцами. Снова мрак и тишина окутывают страшную комнату, полную коварного благоухания и ужасного трупного запаха...

Одинаково неподвижные, одинаково холодные лежат мертвый молодой человек и бесчувственная красавица...

Арест

Наутро в квартире профессора Гроссе появилась полиция, предупрежденная одним из квартирантов, который слышал ночью какой-то подозрительный шум, окончившийся звуком, похожим на револьверный выстрел. Спальня доктора Гроссе находилась как раз под спальней этого человека.

Полицейский комиссар, принимавший заявления, немедленно же отправился на квартиру доктора Гроссе.

Поставив городских у всех выходов с приказом не выпускать ни единой живой души, полицейский комиссар поднялся по лестнице, внимательно оглядывая каждую ступеньку так же, как потолок и стены.

Дверь в квартиру профессора Гроссе поддалась при первом же прикосновении, к крайнему удивлению привратника, который божился и клялся, что вчера вечером, около одиннадцати часов, он позвонил к профессору Гроссе, но не получив ответа, попытался открыть дверь и раза два сильно тряхнул ручку замка, который был заперт изнутри, так как головка ключа виднелась в замочной скважине.

Выслушав показание привратника, полицейский комиссар позвонил по телефону судебному следователю и прокурору, прося их немедленно приехать. Затем комиссар, двое понятых (нотариус Фридель и привратник) и двое городских с револьверами в руках, двинулись дальше, сопровождаемые издали привратницей, успевшей пробраться наверх.

Когда судебные власти вошли в комнату, всю залитую кровью, Ольга еще спала.

– Батюшки, да ведь это его невеста! – вскрикнул привратник.

– Вторая, вторая – поспешно затараторила привратница, – та самая барышня, которая приезжала вчера, перед вечером, с другой такой же красавицей, в колясочке на паре, с маленьким лакеем в синей куртке с золотыми пуговицами... Эта барышня обиделась, когда я сказала, что видела ее накануне вечером, когда она приходила к господину профессору.

– Да ведь это же была не она, – перебил привратник свою супругу. – Потому-то она и огорчилась, как узнала, что к ее жениху приходила какая-то другая дама, да еще ночью и с собственным ключом профессора...

Судебный следователь, подоспевший как раз в это время, внимательно выслушал довольно сбивчивые показания четы привратников и, окинув пытливым взглядом все подробности мрачной картины с разбросанными вещами, перерытыми ящиками и бумагами, рассыпанными повсюду, произнес вполголоса:

– Дело ясное. Убийство из ревности... Убийца искала, вероятно, писем... Своих или соперницы... А вы что скажете, доктор?.. Она, кажется, в летаргии? Это бывает у убийц интеллигентных, особенно у женщин с повышенной нервной чувствительностью.

Привезенный следователем врач был еще молодой человек, но уже пользовался большой и заслуженной известностью как в юридическом, так и в медицинском мире. Швейцарец по рождению, доктор Эмиль Раух поселился в Берлине лет 10 назад и успел, благодаря своей наблюдательности и познаниям, раскрыть несколько очень сложных и очень запутанных преступлений и получить место главного врача в больнице тюремного ведомства, откуда его и приглашали почти на каждое выдающееся уголовное дело.

Доктор, осматривавший в этот момент бесчувственную Ольгу, приподнялся с колен и, продолжая поддерживать голову актрисы одной рукой, произнес отчетливо:

– Не судите слишком быстро. Мне кажется, что об этой реакционной летаргии говорить с такой уверенностью еще рано... Сколько я могу судить, эта молодая женщина, – новая актриса императорских театров Ольга Бельская, – а ее странный сон – результат отравления...

– Что? – раздался голос входящего прокурора. – Ольга Бельская? Да, несомненно, это она... я узнаю ее, я видел ее третьего дня в «Орлеанской деве». Но как же она здесь очутилась и что тут произошло?

Доктор Раух пожал плечами.

– Если бы на подобные вопросы было так легко ответить, то... ваши обязанности были бы не трудны, господа!

– Сама Бельская объяснит нам, что здесь произошло, – заметил следователь.

– Надо поскорее привести ее в чувство! – прибавил товарищ прокурора.

– Да, если бы это было так легко, – повторил доктор.

– Пустяки, – перебил его товарищ прокурора. – Посмотрите, она дышит совершенно спокойно... Какая же это летаргия? Просто сон... вызванный нервной реакцией.

Но врач заметил:

– Вот это-то и неестественно. Повторяю вам, господа, что нервный сон – простой обморок, или действие наркотиков – морфия или опия, производит ослабление действия сердца. Здесь же сердце бьется совершенно правильно, чуть-чуть замедленно, и пульс также правильный, а между тем спящая нечувствительна даже к уколу.

Врач осторожно уколол кончиком ланцета руку Ольги.

На нежной руке выступила капля свежей крови. Между тем бледное лицо не шевельнулось.

– Как странно, – прошептал прокурор. – Что вы скажете об этом, Мейер? – обратился он к полицейскому комиссару, внимательно осматривавшему комнату.

Старый солдат почтительно поклонился и затем произнес медленно и с расстановкой:

– С вашего позволения я осмотрел квартиру и составил себе примерное объяснение случившегося.

– Говорите, говорите, – поспешно отозвался следователь. Даже доктор Раух повернул голову в его сторону.

– Мне кажется, что здесь случилось убийство, так сказать, случайное. В столовой накрыт стол, который приготовлен был для дамы... это доказывают великолепные розы. Дама явилась к назначенному времени, и ужин был съеден – остатки еще стоят на буфете. Ужинали двое: профессор и эта дама. Это доказывается вот этой запиской, найденной мною на полу возле дамы...

– Ого... «Вопрос жизни и смерти», – усмехаясь заметил товарищ прокурора. – Известная уловка влюбленных...

– Имевшая успех и на этот раз, – добавил комиссар. – В конце концов барышня пришла и...

– Убила того, к кому пришла? – насмешливо заявил доктор Раух. Комиссар усмехнулся.

– Господин доктор, что именно случилось, я не могу знать, но когда я вижу труп мужчины и рядом бесчувственную женщину, то я вполне естественно предполагаю, что убийство совершено этой женщиной... Тем более, что характер раны...

– Позвольте, вскрытие еще не произведено и о характере раны говорить слишком рано, – перебил врач.

– Однако видно, что рана нанесена во время сна. Это видно по положению трупа. Раны две. Сначала в голову, выстрелом из револьвера, а затем удар кинжала в сердце, а этот кинжал, – вот посмотрите, кинжал не из обыкновенных, – я нашел возле постели и убедился, что рана в груди нанесена именно им; да, кроме того, на кинжале написано имя владелицы; прочитайте сами.

Все кинулись к маленькому изящному стилету, с художественной рукояткой кавказской работы, осыпанной бирюзой, жемчугом и кораллами. На рукоятке действительно выгравированы были два слова: «Ольга Бельская».

Следователь воскликнул:

– Теперь я со спокойным сердцем могу написать приказ об аресте.

– Неужели вы хотите отправить в тюрьму эту женщину?

– Я не имею права выпустить из рук женщину – да еще иностранку, русскую, поймите, русскую, – а они все подозрительны в политическом смысле. И, как знать, нет ли политической подкладки в этом убийстве. Я не могу рисковать допустить побег убийцы, когда она очнется от этой летаргии, быть может даже притворной.

– Вы, кажется, считаете меня неучем, господин следователь? – резко произнес врач. – Я утверждаю, что эта женщина отравлена или загипнотизирована, и что заключить ее в тюрьму до приведения в чувство равносильно убийству. Очнувшись в камере, неподготовленная и ничего непонимающая, она может умереть или сойти с ума от нервного потрясения.

– Но как же быть, доктор? – растерянно произнес следователь. – Не могу же я оставить на свободе женщину, подозреваемую в убийстве на основании таких веских доказательств!

– Пойдите, господа, – сказал прокурор. – Если доктор уверен в опасности положения госпожи Бельской, то ее можно отправить не в камеру, а в тюремную больницу.

– Большого я сделать не могу, – заметил следователь. – Иначе меня обвинят в потворстве преступникам.

Врач махнул рукой.

По указанию доктора, Ольгу завернули в плед и осторожно донесли на руках до кареты.

Следователь и полицейский комиссар остались на квартире убитого опрашивать свидетелей и обыскивать комнаты.

Бесчувственную Ольгу привезли в Моабит (здание тюремного ведомства) и поместили в отдельной маленькой комнатке тюремной больницы, с двойными решетками на единственном окне и с двумя солдатами у единственной двери...

Она продолжала спать – бесчувственная, холодная и прекрасная, как мраморная статуя.

В императорском дворце

Император Вильгельм II вставал чрезвычайно рано. Зимой и летом он просыпался по звонку своего будильника – ровно в шесть часов – и в семь уже выходил в кабинет из своей спальни, вполне одетый после ледяного душа и получасовой шведской гимнастики.

В кабинете его уже ожидал личный секретарь, с которым император работал до девяти часов утра. И после это весь день германского императора был распределен по часам – до поздней ночи.

В то утро, когда несчастную Ольгу увезли в больницу арестного дома, император вошел в кабинет ровно в семь часов в мундире выборгского русского полка, шефом которого состоял и форму которого надевал почти так же часто, как и мундиры своих прусских полков.

В кабинете, благоухающем от жардиньерок, полных полевыми розами «маршалъ Ньель» и громадными махровыми гвоздиками, уже ожидали монарха. Чайный столик из гнutoго бамбука был сервирован к раннему завтраку. На откидных досках, покрытых вышитыми салфетками, собственноручной работы императрицы и ее юной дочери, стояли корзиночки со свежим печеньем, серебряный прибор и специальный «императорский» стакан из граненого хрусталя в золотой эмалированной подставке – подарок императора Александра III. Чайный столик был придвинут к письменному столу, возле которого дожидался доктор Отто фон Раден, личный секретарь императора, его сверстник и товарищ по Боннскому университету, предпочтший ученой или служебной карьере личное доверие своего государя.

Вильгельм II поздоровался с ним коротким, крепким рукопожатием и фразой:

– Садись, Отто, поработаем... Кофе хочешь?

Не ожидая ответа, император взял одну из двух чашек, составляющих кофейный прибор, и собственноручно наполнив ее из кофейника, придвинул чашку секретарю, скромно опустившемуся на стул по другую сторону громадного письменного стола, к которому придвинут был второй стол поменьше, – «секретарский».

– Ну что у нас интересного?.. Раскладывай свой портфель, – продолжал император.

На лице секретаря появилось выражение не то колебания, не то озабоченности.

– Ваше величество, не соблаговолите ли пробежать раньше газеты? – ответил он, придвигая императору толстую пачку нераспечатанных газет. Тут было не менее двадцати ежедневных изданий: немецких, французских, русских, итальянских, датских и даже греческих. На всех этих языках император читал совершенно свободно.

Так как газеты просматривались по строго определенному порядку, то императору не могло не броситься в глаза, что Отто фон Раден протянул ему первой одну из берлинских биржевых газет, которую обыкновенно не читали, а только заглядывали в таблицу курсов.

– Что случилось, Отто? Разве в этой жидовской газетной «микве» есть что-либо интересное? – спросил император.

– Соблаговолите прочесть этот экстренный листок, ваше величество.

Император развернул еще влажный номер газеты и вынул из него отдельный листок, с надписью вершковыми буквами: «Экстренное прибавление. Необычайное происшествие. Сенсационное убийство профессора берлинского университета. Подозреваемая в убийстве актриса арестована».

Затем напечатано было краткое описание того, что нашли власти на квартире Рудольфа Гроссе.

Газета подробно описывала наружность «златокудрой красавицы», найденной в луже крови у трупа ученого, и сообщала, что это была «известная всему Берлину» артистка недавно дебютировавшая в императорском театре, О. Б-ская. Она арестована.

При чтении этого листка лицо императора становилось все серьезнее. Однако он молча дочитал последние строки:

«Утешением в этом прискорбном случае может послужить только то, что убийца оказалась иностранкой, дочерью народа, издавна отличающегося преступностью и поставляющего на всю Европу политических убийц. Как знать, причины политические или любовные вооружили маленькую руку драматической героини настоящим кинжалом, но убитый профессор был молод, хорош собой и, по слухам, имел большой успех у женщин. Ревность же легко могла довести до преступления актрису, привыкшую чуть не каждый вечер убивать своих возлюбленных на сцене. Во всяком случае, как бы то ни было, крайне прискорбно, что в придворной труппе нашлась преступница и случилось столь ужасное происшествие, отметившее кровавым пятном славные страницы артистической истории императорского берлинского театра».

Дочитав до конца, император скомкал газету.

– Это, конечно, Ольга Бельская, не так ли?

– Без сомнения, ваше величество, и меня поразило одно обстоятельство.

– Какое? – спросил император.

– Время появления этого известия... Городские газеты разносятся на почту между 6 и 7 часами утра, а полиция, – пишут они, – предупреждена была только утром. Допуская, что напуганный «квартирант», о котором сообщает газета, прибежал в полицию на рассвете, все же нужно время для того, чтобы собрались судебные власти, произвели дознание, составили протоколы и так далее. А между тем к номеру, отосланному самое позднее в семь часов утра, уже были приложены «экстренные» листки... Согласитесь, ваше величество, что это как-то... странно.

Император задумался.

– А в других газетах ничего нет? – спросил он через минуту.

– Ничего, ваше величество... Я успел просмотреть берлинские газеты и не нашел нигде ни слова, кроме этого иудейского листка.

– Мне сердечно жаль эту бедную молодую женщину, – сказал император. – Она обладает редким дарованием, и вдруг такое обвинение! И представь себе, Отто, всего два дня назад я как-то бессознательно сказал этой бедняжке, просившей меня забыть о том, что она графиня Бельская: «Если вам когда-нибудь понадобится защитник, вспомните обо мне...» И как скоро понадобился ей защитник... Бедняжка, – повторил император. – Даже если она и убила этого молодого человека, то, конечно, не из-за каких-нибудь низких побуждений. На анархистку или искательницу приключений она не похожа. Не правда ли, Отто?

– Ваше величество, извините мою нерешительность, но как отвечать на подобные вопросы, ничего не зная? Желательно бы знать, что выяснено следствием.

– Мы узнаем немедленно, – произнес император. – Пройди к телефону, Отто, попроси министра юстиции приехать как можно скорей, в сопровождении прокурора, производящего следствие... Ах, бедная женщина! Я не оставлю ее без помощи. А потому... Иди скорее к телефону, Отто, пока я пробегу корреспонденцию.

Доклад министра юстиции

Вызванные императором лица через полчаса уже были в замке. Император принял их немедленно.

Министр юстиции явился в сопровождении прокурора суда, лично руководившего следствием, который и доложил императору все, что было известно о таинственном убийстве.

– Позволю себе спросить вас, господин прокурор, – сказал император, выслушав доклад, – достаточно ли было у вас оснований для ареста молодой женщины?

Министр юстиции почтительно ответил:

– Ваше величество, против госпожи Бельской улики достаточно.

– В чем же, по-вашему, заключаются эти улики? – холодно спросил император. – Будьте добры, господин прокурор, сообщите нам, что заставляет вас верить в виновность молодой артистки?

Прокурор смутился слегка под пристальным взглядом императора, но затем заговорил вполне уверенно:

– Мы, ваше величество, нашли молодого ученого убитым, а рядом молодую женщину в окровавленном платье...

– Что объясняется падением на окровавленный ковер, – вставил император.

Прокурор замялся, но министр юстиции продолжал за него:

– Один факт присутствия женщины в комнате убитого, конечно, недостаточное доказательство ее виновности, но эту женщину дважды видели входящей в дом, где совершено преступление, причем первое ее посещение совпадает с часом и днем совершения убийства...

– Позвольте, – остановил император. – Разве уже установлен день и час, когда был убит несчастный профессор?

Прокурор поспешил ответить:

– Ваше величество, по осмотру трупа, произведенному доктором Раухом, установлено, что убийство совершено больше суток назад, следовательно, в ночь со среды на четверг. Кроме того, будильник, найденный свалившимся с ночного столика, очевидно, во время убийства, довольно точно указывает время совершения преступления – около 11 часов ночи. Я уже имел честь докладывать вашему величеству, что привратник дома, где жил профессор Гроссе, видел, как третьего дня, т. е. в среду, после десяти часов вечера входную дверь дома № 18 по Мариенштрассе, где жил профессор Гроссе, отворяла молодая женщина, ответившая привратнику на его вопрос, к кому она идет? – «К доктору Рудольфу Гроссе»...

– И вы предполагаете, что она оставалась в этой квартире целые сутки, в обществе трупа, начинающего разлагаться? – прервал император.

– О, нет, ваше величество, женщина в белом, которую мы имеем полное основание считать убийцей, вышла из дома после совершения убийства, так как в четверг, в 4 часа пополудни ее вторично видели привратники, которых она расспрашивала о докторе Гроссе, причем видимо смутилась, когда привратники ее узнали.

– Как же вы объясняете это вторичное посещение предполагаемой убийцы? – произнес император. – Зная, что профессор убит, зачем ей было компрометировать себя, вторично показываясь привратникам? И, главное, зачем ей было в третий раз входить в квартиру, где она оставила труп убитого ею и где ее настиг обморок?

– Следственные власти пришли к заключению, ваше величество, ответил прокурор, – что убийца искала чего-то в квартире убитого, – быть может, каких-либо компрометирующих ее писем. На это указывают перерытые бумаги профессора. Не найдя, или не успев найти желаемого сейчас же после совершения преступления, убийца принуждена была возвратиться для продолжения розысков. Вполне естественно было ее желание проникнуть в квартиру днем,

хотя бы для того, чтобы не возбудить подозрения. Встреча с привратником помешала этому. Тогда убийца явилась ночью продолжать свои розыски... Но тут, очевидно, женские нервы не выдержали...

Лицо императора становилось все серьезнее.

– Все это, конечно, возможно, но как же вы объясняете в таком случае записку доктора Гроссе, найденную в кармане Бельской?

– Эта записка объясняется чрезвычайно просто, ваше величество. Госпожа Бельская, очевидно, считалась с возможностью быть узнанной на лестнице, или застигнутой в квартире убитого, и поэтому заранее приготовила записку от имени профессора, объясняющую ее присутствие. Вопрос этот будет выяснен окончательно экспертами-каллиграфами, которым уже передана записка, найденная у госпожи Бельской.

– В числе улик против госпожи Бельской – добавил министр юстиции, – имеется одна, совершенно неопровержимая: присутствие в груди убитого кинжала, на рукоятке которого выгравировано полностью имя Ольги Бельской. Так что улик слишком достаточно.

– Вы правы... слишком достаточно. И мне почему-то изобилие улик кажется подозрительным. Вы назвали Ольгу Бельскую женщиной умной, а между тем необычайное изобилие обстоятельств, подтверждающих обвинение, доказывает все, что угодно, только не ум. Право, если бы женщина задалась целью создать для себя полную невозможность защищаться, то и тогда она не могла бы придумать большего количества улик. Мне кажется совершенно невероятным, чтобы умная женщина, подобная Ольге Бельской, могла вести себя так глупо.

– Ваше величество забываете нервы, с которыми не всегда могут справиться даже самые хладнокровные и закаленные преступники, – возразил министр. – Убийца, конечно, надеялась скрыть следы преступления, вынув кинжал из груди убитого.

– После того, как оставила его там на целые сутки, во время которых тело могло быть найдено? Очень основательно! – В голосе императора снова зазвучала насмешливая нотка. – Вы имели достаточно «формальных» оснований для ареста Ольги Бельской... Но все же прежде, чем поверить ее виновности, я подожду окончания следствия и, главное, объяснений самой подозреваемой. Почему вы не сообщили мне ее показаний?

Министр и прокурор смущенно переглянулись. Император поймал этот взгляд и с недоумением произнес:

– Что такое, господа?... Надеюсь, от меня ничего не скрывают в этом деле?

– Я должен доложить, ваше величество, – сконфуженно ответил министр, – что обморок госпожи Бельской еще продолжается, и она до сих пор не произнесла ни слова...

– Но ведь это же совершенно неестественно! – воскликнул император. – Сколько же часов продолжается этот обморок?

– Не менее восьми часов, ваше величество, даже если считать, что он начался незадолго до появления властей. Но доктор Раух предполагает гораздо большую продолжительность бесчувственного состояния, которое он считает особого рода летаргией, вызванной гипнотизмом.

Лицо императора просветлело.

– Но ведь там, где замешан гипнотизм, не может быть речи о сознательности преступления!

– Простите, ваше величество, – почтительно возразил министр. – Но ведь это только предположение доктора Рауха, оставшегося для наблюдения за арестованной.

– Я не посмею осуждать строгость меры пресечения, – сказал император, – но меня интересуют две маленькие подробности... Первая касается времени совершения преступления... Существует предположение, что преступление совершено, или по крайней мере, что преступник вошел в дом убитого в ночь со среды на четверг до одиннадцати часов вечера. Не так ли, господа?

– Точно так, ваше величество, – подтвердил прокурор.

– В таком случае, как же вы объясните слова обер-режиссера Граве, который сообщил мне, что представление «Иоанны д'Арк», в котором Ольга Бельская играла главную роль в среду, окончилось почти в 11 часов вечера. Каким же образом актриса, в половине одиннадцатого находившаяся еще не сцене, могла переодеться и очутиться на квартире, где без четверти одиннадцать должно было совершиться убийство?

На мгновение оба юриста опешили. Но затем к прокурору возвратилась его самоуверенность.

– Ваше величество, в подобных случаях восстановить время с полной точностью невозможно. Опытная актриса легко переоденется в пять, много десять минут... От театра до квартиры убитого не более двадцати минут пути... Кроме того, господин обер-режиссер легко мог ошибиться на десять или пятнадцать минут, говоря об окончании спектакля, так же, как и привратники, заметившие время появления белой дамы только приблизительно... Все это не допускает признания алиби для актрисы, игравшей в среду «Иоанну д'Арк».

Император покачал головой.

– Признаюсь, об алиби я даже и не думал. Я просто обратил ваше внимание на два поразивших меня обстоятельства, дабы вы проверили время окончания спектакля, и вообще присутствие обвиняемой в здании театра, опросив актеров, режиссеров и прислугу.

– Смею заверить, ваше величество, что все это будет сделано немедленно, и самым тщательным образом. – Министр поклонился. – Но, ваше величество, изволили упомянуть о двух обстоятельствах, привлекающих высочайшее внимание?..

Император взял со стола и протянул министру экстренный листок биржевой газеты.

– Вот это второе обстоятельство, господа... Потрудитесь припомнить, что газеты выходят никак не позже семи часов утра. Каким же образом могла эта газета узнать и напечатать подробности предварительного расследования чуть ли не часом раньше вашего появления на квартире убитого?

Министр и прокурор были совершенно ошеломлены и растерянно глядели на измятый листок печатной бумаги;

– Совершенно невероятный факт, – прошептал, наконец, сановник. – Сколько я знаю, господин фон Блозевиц, вы приехали в квартиру убитого одновременно со следователем, около восьми часов утра...

– Но полиция была там раньше, – поспешно ответил прокурор, – у полиции же всегда особые отношения к репортерам. Телефонировать в редакцию недолго, так как телефон находится в передней у профессора Гроссе, – попробовал объяснить невероятное обстоятельство прокурор.

Император перебил его:

– Во всяком случае, полиция не могла быть на месте преступления ранее семи часов... Припомните, что нотариус, уведомив ее, сообщил вам, что выходил из дому в семь часов на обычную прогулку, а между тем, экстренный листок успели прибавить к номерам, рассылаемым городским абонентам в те же 7 часов утра... Когда же успели набрать и напечатать эту довольно длинную заметку?.. И не доказывает ли ее появление, что редакция ранее полиции знала о преступлении?..

– Невозможно, государь! – почти вскрикнул министр. – Зачем газете скрывать убийство, если бы кто-нибудь из ее репортеров случайно разнюхал о нем раньше чинов полиции?

– Ну, уж этого я не знаю, – спокойно ответил император. – Но, быть может, вы примете к сведению и это загадочное обстоятельство, прежде чем так уверенно называть «убийцей» женщину, еще не обвиненную. Во всяком случае, я прошу вас сообщать мне подробности о ходе следствия, так же как и допустить для арестованной все разрешаемые законом снисхождения! А за сим, до свидания, господа.

Император поднялся, показывая этим окончание аудиенции. Министр юстиции молча поклонился, то же сделал прокурор, и оба вышли из кабинета.

Император покачал головой, глядя вслед удалявшимся.

– Вот оно, профессиональное тупоумие. Какая это ужасная вещь, и сколько людей стали жертвой предвзятого мнения судей... Ты, кажется, знаком с доктором Раухом, Отто? Поезжай немедля к нему и узнай о здоровье этой несчастной женщины. Я уверен, что императрица заинтересуется ее судьбой, и хотел бы сообщить ее величеству что-либо достоверное. Меня взволновало это странное дело, в котором мне чудится что-то очень загадочное.

Император глубоко вздохнул и, проведя рукой по лбу, принялся спешно дочитывать последние доклады.

Первые допросы

Долго будут помнить берлинцы знаменитое дело Бельской, наделавшее в Германии почти столько же шума, как и во Франции пресловутое дело Дрейфуса и точно так же расколовшее все берлинское общество на два лагеря, превратившись из простого дела об убийстве из ревности в дело социально-государственной важности.

Случилось это не сразу, а постепенно и незаметно.

Арестованную в бесчувственном состоянии артистку не могли разбудить в продолжении целого дня. Не помогли никакие средства, никакие врачи, перебивавшие чуть ли не десятками у ее постели.

Как бы то ни было, но над «загипнотизированной» (и на этом определенно сошлось большинство врачей) молодой женщиной проделали столько самых разнообразных опытов, что только присутствие доктора Рауха, ни на минуту не отходившего от нее, спасло бесчувственную от слишком опасных экспериментов с электрическими токами, сила которых легко могла превратить летаргический сон в вечный. По счастью и судебные власти, в виду интереса императора к заключенной, в свою очередь воспротивились чересчур энергичным попыткам.

Ольга пробудилась только глубокой ночью, когда сиделка, охранявшая бесчувственную, заснула перед рассветом крепким сном, так что свидетелем пробуждения оказался только доктор Раух, оставшийся бессменно при своей пациентке.

Быть может, только этому обстоятельству и обязана была Ольга тем, что страшная неожиданность свалившегося на нее обвинения в убийстве дорогого человека тут же не убила и по меньшей мере не лишила ее рассудка.

Потянулись бесконечно длинные, тоскливые дни уголовного следствия.

Только через доктора Рауха несчастная молодая женщина узнавала кое-что о том, что творится за стенами ее тюрьмы.

Целых три месяца продолжалась пытка одиночного заключения, во время которого Ольга не видала никого, кроме тюремных надзирательниц, не говорила ни с кем, кроме следователя и прокурора, напрягавших все усилия для того, чтобы убедить ее сознаться в убийстве, которого она не совершила. Говорили о «страшной каре», ожидающей ее, и предоставляли ей единственную возможность смягчить эту кару чистосердечным признанием.

Бледная и серьезная слушала Ольга жестокие угрозы и отвечала одной и неизменно той же фразой:

– Позвольте мне повидаться с отцом моего жениха, и я тотчас же расскажу вам все, что знаю и... предполагаю...

Только благодаря доктору Рауху, Ольге удалось добиться разрешения исповедаться и приобщиться Св. Тайн у православного священника. Следственные власти долго противились этому и уступили, наконец, лишь под давлением консервативной прессы, вставшей на защиту подследственной арестантки, которой отказывают в духовном утешении.

Общественное мнение волновалось, сгорая от любопытства.

Давно уже не было дела, имевшего столько элементов для возбуждения страстного внимания публики. Здесь было собрано все нужное для уголовного романа. Слухи о том, что сам император интересовался обвиняемой, разжигали еще больше любопытство публики.

Злые языки накинудись на прошлое иностранки-актрисы. Перебирались мельчайшие подробности ее несчастного супружества; изобретались и печатались небывлицы о многолетних странствованиях по белу свету беглянки, мужа которой убил один из многочисленных почитателей ее... До бесконечности варьировалась гнусные сплетни.

Ярко выраженное враждебное настроение всех так называемых «либеральных» газет резко бросалось в глаза каждому сколько-нибудь наблюдательному человеку. Берлинская, а

за ней и провинциальная печать называла Ольгу Бельскую убийцей, немедленно сообщая и усиленно подчеркивая каждую мелочь, которую можно было истолковать в смысле, желаемом обвинению. Тому, кто проследил бы повнимательней за поведением иудейских газет, было бы не трудно заметить их цель: приучить общественное внимание заранее считать обвиняемую виновной.

Газеты независимые были сдержанней, ожидая результатов следствия, прежде чем выразить свое мнение о виновности арестованной молодой артистки.

Между тем, следственные власти выбивались из сил и теряли терпение, не находя доказательств виновности Ольги Бельской. «Неопровержимые» улики, о которых столько кричала враждебная Ольге печать, были добыты сразу, во время первых обысков, а затем следствие как будто начало кружиться на одном месте, не находя выхода из заколдованного круга.

Правда, налицо были страшные улики: кинжал в груди убитого, окровавленная обувь, найденная в номере гостиницы, занятом предполагаемой убийцей, наконец, ключ от дома, где совершено было убийство, оказавшийся в кармане бесчувственной молодой женщины. Все это придавало роковое значение ее присутствию в одной комнате с телом профессора Гроссе.

Но с другой стороны ежедневно выяснялись новые обстоятельства, запутывавшие дело и значительно уменьшавшие вероятность виновности молодой женщины.

Из показания одного из артистов выяснилось с полной точностью время окончания спектакля. Артист торопился на ужин к знаменитому фабриканту. Боясь опоздать на ужин, артист поминутно глядел на часы, досадуя на затянувшийся спектакль и, когда по окончании последнего акта начались вызовы «Июанны д'Арк», он, выходя со сцены рука об руку с Ольгой Бельской, сказал в присутствии двух машинистов и одного актера, снова глядя на часы: «Двадцать минут одиннадцатого... Слава Богу, как раз успею к началу ужина». В это время Ольга Бельская стояла рядом с ним в костюме Орлеанской Девы. Между тем, привратники дома, где произошло убийство, припомнили, что в ту минуту, как они окликнули «женщину в белом», отворявшую своим ключом входную дверь, с соседней колокольни раздался один удар, то есть часы пробили половину одиннадцатого.

Итак, если Ольга Бельская убила Рудольфа Гроссе в ночь со среды на четверг, то она уехала из театра не раньше половины одиннадцатого и вернулась домой не позже половины двенадцатого, имея не более часа времени для совершения преступления.

Первоначальная теория обвинения – об убийстве, совершенном в среду ночью, – положительно искрошилась в руках следователя. Оставалось одно: предположить, что убийство совершено было в четверг, ранним утром, когда артистка могла вторично пробраться в квартиру профессора, благодаря своему ключу. Но Гермина Розен, явившись к следователю, рассказала ему все подробности своего путешествия с Ольгой и разговора с привратниками.

Швейцар гостиницы видел посыльного, принесшего артистке письмо, прочтя которое она поехала в роковой дом. Бой представил следователю записку, подобранную им в театре, – записку, разорванную Ольгой и не полученную Рудольфом, который был уже убит в это время.

Эксперты нашли, что записка Рудольфа, которой он вызывал Ольгу, подделана, хотя и чрезвычайно искусно.

Тогда еврейская пресса стала пропагандировать такую версию: артистка считала себя счастливой невестой, когда необъяснимое отсутствие жениха и рассказ боя, принесшего ее записку обратно, возбудили ревность и недоверие «страстной славянки». Желая проверить рассказ о странном отсутствии своего жениха, Ольга в тот же вечер после спектакля отправилась к нему на квартиру, для чего и воспользовалась ключом, полученным ею раньше. Благодаря этому ключу, подозревающая измену молодая женщина незаметно пробралась в дом и в квартиру профессора, которого и застала за ужином с какой-то дамой. Последнее подтверждалось накрытым столом, остатками десерта и букетом роз, ясно говорившим о том, что профессор ожидал к столу даму, и притом только одну, так как на столе стояли только два прибора.

Оскорбленная невеста удалилась из квартиры.

На рассвете она вторично прокралась в квартиру своего жениха и, найдя его спящим, убила ударом кинжала в сердце. Только затем, желая обезопасить себя, она пыталась создать картину самоубийства, для чего и выстрелила из собственного револьвера профессора (лежавшего по обыкновению на столике возле его кровати) в голову убитого и бросила револьвер на пол возле свесившейся руки трупa.

Потом убийца ушла, торопясь вернуться домой до пробуждения гостей. Но при этом благодаря естественному возбуждению, она позабыла о кинжале, за которым и принуждена была вернуться в следующую ночь, понимая, какой страшной уликой должен был стать этот кинжал. Для объяснения же этого посещения актриса придумала записку от имени убитого и отослала ее сама себе с посыльным.

Такова была гипотеза, напечатанная почти всеми еврейскими газетами в один и тот же день, лишь с незначительными вариантами.

Все объяснилось довольно правдоподобно. Только два пробела и было в этой цепи улик: не нашли посыльного, приносившего в гостиницу подложное письмо на имя Ольги Бельской, и не выяснена была личность женщины, с которой Рудольф Гроссе ужинал и присутствие которой якобы возбудило ревность его невесты и стало причиной роковой развязки.

Так обстояло дело через три месяца после начала следствия, и к этому убеждению пришли следственные власти, печать и общественное мнение, прежде чем обвиняемая нарушила свое молчание.

Молча выслушала она все убеждения следователя и только презрительно улыбалась на его советы – сознанием смягчить ожидающую ее кару.

– У меня есть особенные и весьма серьезные причины не отвечать ни на один вопрос до тех пор, пока я не увижу отца моего убитого жениха. Только переговорив с ним, я буду знать, что могу сообщить правосудию.

Другого ответа от нее так и не добились, несмотря на все увещания и даже угрозы.

В конце концов прокурор сдался, нетерпеливо пожав плечами:

– Я не понимаю вашей «системы», сударыня... Но так как следствие, собственно говоря, уже закончено и улики против вас более чем достаточны, то я, пожалуй, готов исполнить ваше желание и разрешить вам свидание с отцом профессора Гроссе...

Показания обвиняемой

Свидание состоялось в присутствии следователя и прокурора, на что заранее соглашалась как Ольга, так и директор Гроссе, со своей стороны тщетно добиваясь разрешения повидать ее.

Впервые увидели следственные власти слезы на прекрасных глазах заключенной, когда она бросилась на грудь белому как лунь старику, на благородном лице которого глубокое горе положило неизгладимые следы.

Проводя дрожащей рукой по золотистой головке Ольги, старик произнес:

– Надеюсь, дитя мое, ты не сомневалась в том, что не по своей вине я не видал тебя до сих пор.

– Знаю, отец мой, – ответила Ольга, отирая слезы. – Так же твердо знаю, как и то, что вы никогда не сомневались в вашей бедной Ольге.

– Ни минуты, дочь моя – торжественно произнес старик, не выпуская из объятий молодую женщину. – Даже тогда, когда мне говорили, что ты созналась...

Синие глаза Ольги гневно сверкнули.

– Неужели подобные маневры разрешаются следственным властям вашими законами? В таком случае мне жаль Германию.

Следователь поспешил сказать:

– Быть может, обвиняемая сообщит нам теперь сведения, оправдывающие ее настолько, что...

Ольга поспешно обернулась к своему старому другу; который, по приглашению прокурора, занял одно из трех кресел, находившихся в комнате.

– Скажите, отец мой, знали ли вы о тяжелых предчувствиях вашего бедного сына?

Глубокий вздох поднял могучую грудь красивого старика.

– Знал, дитя мое...

– Скажите мне еще одно, отец мой, получили ли вы от Рудольфа, – голос молодой женщины дрогнул, произнося это имя, – получили ли вы от вашего сына записку, написанную во вторник или понедельник?

– Я знаю, о какой записке ты говоришь, дитя мое. Я ее получил и узнал из нее самое горячее желание моего сына, которое несомненно будет мною исполнено.

Нежный румянец медленно разлился по бледному лицу Ольги. Она подняла голову к небу и, машинально повернув ее в передний угол, туда, где у нас, православных, висит святая икона, отсутствующая в протестантской Пруссии, торжественно перекрестилась.

– Значит рукопись, о которой беспокоился Рудольф, в ваших руках? – произнесла она таким тоном, что следственные власти поняли важность этого вопроса и насторожились.

Старик взглянул на Ольгу, напоминая этим взглядом об осторожности, и ответил спокойным тоном, сжимая своей дрожащей старческой рукой тоненькие прозрачные пальцы молодой женщины.

– Второй том «Истории тайных обществ» в моих руках. Все нужное уже передано в типографию, согласно желанию Рудольфа. Повторяю, не беспокойся... Все его желания будут исполнены в точности.

Ольга вторично перекрестилась.

– Слава богу, убийцы, по крайней мере, не достигнут своей цели.

– Убийцы?! – не выдержал следователь. – Значит, вы знаете убийц?..

– Конечно знаю, хотя и не поименно... Так же хорошо знаю, как и отец моего жениха.

– Как, сударь мой, вы, отец убитого, знали убийц вашего сына и молчали, скрывая виновных от правосудия?.. Это... это... возмутительно, господин Гроссе...

Старик гордо поднял голову.

– Я прошу вас выражаться осторожнее, господин прокурор, – со спокойным достоинством произнес он. Мне 75 лет от роду, вы же еще молодой человек и могли бы иметь уважение к моим сединам... Не говоря уже о моем горе...

– Но почему же вы молчали, если вы знаете, кто причинил вам горе? – значительно сбавив тон, допытывался представитель обвинительной власти.

– Я молчал потому, что это было необходимо, пока свидание не допущено. Практического значения отсрочка моего показания иметь не могла. Сейчас вы сами в этом убедитесь...

– Я же молчала потому, что не хотела каким-либо неосторожным словом помешать осуществлению великого плана моего бедного жениха... Теперь, когда я знаю, что уже печатается вторая часть сочинения Рудольфа, т. е. того дела, которому он отдал свою жизнь, теперь я могу сказать, что автора этого сочинения убили именно для того, чтобы не допустить опубликования известных ему фактов. Имя же этих убийц – масоны...

Старый директор молча утвердительно кивнул головой.

Следственные власти сидели совершенно ошеломленные. Они ожидали всего, чего угодно, только не этого.

– Масоны? – растерянно повторил прокурор. – Что вы хотите этим сказать, сударыня?

– Именно то, что я сказала, – спокойно ответила Ольга. – Спросите отца моего жениха, он подтвердит вам, что масоны убили автора «Истории тайных обществ», в которой заключаются не совсем лестные сведения для ордена «свободных каменщиков». Это я предполагаю, так как, не читав рукописи, не имею права судить о ее содержании.

– Мой сын был сам масоном в юности, – прибавил директор Гроссе печально, – почему его сочинения и могли почтяться масонами изменой. Этого давно уже опасался мой бедный Рудольф. И этот-то страх и заставил его написать свое завещание, в котором предчувствие близкой кончины так же ясно высказано, как и причина ненависти к нему масонов.

– Масонов? – повторил прокурор пожимая плечами. – И вы повторяете сказку, господин директор? Да кто же может ей поверить! Простите меня, но я совершенно не понимаю вас, господин Гроссе. Желание обвиняемой сбить с толку судебную власть, превращая простое уголовное дело в сложный политический процесс, еще можно объяснить, и, пожалуй, даже извинить. Но, признаюсь, от вас, господин Гроссе, я не ожидал ничего подобного. Повторяю, кто же поверит вашим словам? Союз масонов, в сущности, даже не может быть причислен к разряду тайных обществ, ибо о нем известно административным властям. У нас в Берлине масонская ложа открыта с дозволения начальства, и в числе ее членов находятся люди лучшего общества, до членов императорской фамилии включительно.

Старый директор снисходительно улыбнулся.

– Если бы вы прочли то сочинение, о котором идет речь, то вы бы поняли, что ни Ольга, ни я не можем сомневаться в полном неведении «учеников» и «подмастерий», то есть членов первых посвящений. Уж, конечно, короли и принцы, вступающие в число вольных каменщиков, обманутые вывеской философской добродетели, так искусно носимой масонами, ничего не подозревают о настоящем назначении этого ужасного союза, ибо не стали бы они своими руками расшатывать устои своих престолов. Немало честных людей были обмануты масонами.

Следователь прервал его речь, обращаясь к Ольге:

– Говорите, сударыня... – решительно произнес он, обменявшись многозначительным взглядом с прокурором.

По ложным следам

Ольга просто и спокойно рассказала все, что случилось с ней.

Умолчала она только о рукописи Менцера, вместо которой упомянула несколько раз об «Истории тайных обществ» – сочинении Рудольфа Гроссе. Умолчала она также об именах лиц, которых узнала по голосу, отчасти потому, что боялась довериться неестественному полубредовому состоянию, в котором находилась в квартире убитого, отчасти движимая необъяснимым чувством осторожности, внушавшим ей опасение, что, назвав имена английских аристократов, так долго преследовавших ее, она произнесет свой смертный приговор.

Когда Ольга закончила свой длинный рассказ, оба юриста недоверчиво покачали головами.

– Извините, сударыня, – заговорил прокурор, – Уверяю вас, что вам выгоднее сказать правду. Это скорее побудит присяжных к снисхождению, чем эта длинная, запутанная и, простите, совершенно невероятная история. Признайтесь лучше...

– Я предпочитаю говорить правду хотя бы потому, что это единственное средство никогда не сбиться и не запутаться в противоречиях.

– Но ведь ваше показание решительно ничем не подтверждается, – вторично вскрикнул прокурор.

– Исключая нашего единогласия, – вмешался директор Гроссе.

– Впрочем, подтверждение части ее показаний вы найдете и в духовном завещании Рудольфа. Согласитесь, что это не совсем обыкновенно: человек, немедленно после объяснения с любимой женщиной и получив ее согласие быть его женой, отправляется делать завещание, начинающееся словами: «в виду возможности неожиданной и внезапной смерти».

– Значит вам известно содержание этого завещания? – удивленно спросил следователь.

– Конечно, – спокойно ответил старик. – Рудольф прислал мне копию с него при своем последнем письме.

Следователь и прокурор вторично переглянулись, затем первый произнес медленно и многозначительно:

– Мне очень жаль, сударыня, что ваше объяснение не дало мне возможности немедленно освободить вас... хотя бы на поруки. По правде сказать, я надеялся на более счастливый результат вашего показания. Теперь же, не скрою, что ни я, ни господин прокурор не можем отнестись с доверием к вашим словам...

– Я и не прошу доверия, – спокойно произнесла Ольга. – Я прошу только проверить мои слова и поискать следов преступления на указанном мною пути.

Следователь насмешливо улыбнулся.

– Ваши указания так неопределенны и гадательны, что дают мало следов для розыска. Обвиняя масонов вообще и не высказывая подозрения ни на кого в частности, вы задаете правосудию совершенно неразрешимую задачу... Впрочем, – поспешно прибавил следователь, – само собой разумеется, что следствие сделает все возможное для раскрытия истины... В этом можете быть уверены...

Ольгу снова увели в камеру.

Вторая половина следствия вызвала еще больше волнений, чем первая.

И странное дело: едва только стало известно, что обвиняемая называет убийцами масонов, как немецкие бюргеры переименовали «дело Ольги Бельской», в «масонское дело».

Тщетно либерально-иудейская печать негодовала на «нелепую и постыдную клевету», придуманную «хитрой авантюристкой». Тщетно «великий мастер» Германии с негодованием отвергал «самую возможность совершения гнусного преступления», в котором обвиняет масонов «искусная комедиантка»... Все это не успокаивало общественного мнения.

Но зато следственные власти оказались иного мнения.

Не только прокурор, но и министр юстиции открыто выражал полное недоверие к объяснениям Ольги Бельской и отца убитого, называя их «горячечным бредом», не могущим уничтожить фактических улик: кинжала в груди убитого и окровавленных сандалий, найденных в номере Ольги Бельской. На желтой коже этой специально-театральной обуви ясно виднелась запекшаяся кровь. Очевидно, в этих сандалиях актриса совершила убийство, не имея времени сменить их на современную обувь после спектакля, в котором играла роль Иоанны д'Арк.

Но это предположение опровергло основное положение обвинения – двукратное посещение Ольгой квартиры убитого. Не совсем правдоподобно было, чтобы женщина гуляла по городу в исторических сандалиях. Однако нашелся один из кельнеров гостиницы, утверждавший, что видел Ольгу Бельскую, возвращавшуюся в отель откуда-то в 6 часов утра в четверг. Как ни быстро проскользнула она мимо него, но он все же заметил, что она была обута в желтые сандалии, резко оттеняющиеся от черного платья. Была ли обувь запачкана кровью или грязью, он не заметил.

На вопрос каким образом он мог встретить Ольгу так рано, кельнер замялся ответом, но затем признался, что ночью ходил «поболтать» к одной из служанок, комната которой находится в конце коридора, где жила актриса, причем «заболтался» он до рассвета и встретил Ольгу Бельскую тогда, когда пробирался обратно в мансарды под крышей, где помещалось большинство мужской прислуги.

Обвинение торжествовало и полученные им «удручающие» сведения каким-то чудом сейчас же попали в либеральную печать.

Но через две недели обвинителей Ольги постигло разочарование. К следователю явилась девушка, горничная из гостиницы «Бристоль», и показала под присягой, подтвердив на очной ставке в глаза кельнеру, своему возлюбленному, что он провел у нее в комнате всю ночь со среды на четверг и ушел только в 7 часов утра, почему и не мог видеть госпожу Бельскую так рано.

– А тебе стыдно врать, Ганс, в угоду Бог знает кому, – неожиданно обратилась она к своему возлюбленному. – Такие деньги впрок не пойдут...

Трудно представить себе сенсацию, произведенную этим показанием отдельной горничной. Часть газет правого крыла заговорила о невинности обвиняемой. Другая часть тем усердней стала кричать о происках врагов масонства, желающих повредить ордену.

Заподозрен был даже старик, отец убитого, об отношениях которого к Ольге, прослужившей в его труппе два года, давно уже печатались самые гнусные инсинуации.

По обыкновению, новое подозрение следственных властей немедля проникло в иудейско-либеральную печать, которая заговорила о «предполагаемом аресте директора Гроссе», быть может «не чуждого участия» в трагической судьбе своего несчастного сына.

Но на лицемерные соболезнования жидовско-либеральных газет, всеми правдами и неправдами защищавших союз «вольных каменщиков» от возрастающего негодования публики, ответил такой взрыв возмущения всей сколько-нибудь независимой печати, что следователь не решился ясно высказать своих подозрений против отца убитого.

В это же время началась цепь загадочных происшествий, окончательно взволновавших общественное мнение.

Внезапно умерла молодая горничная, уличившая кельнера Ганса во лжи. Умерла она от «разрыва сердца» после того, как взбежала слишком быстро на пятый этаж. Публика не обратила особенного внимания на эту смерть, совершившуюся на глазах полдюжину человек и объясняемую вполне правдоподобно. К тому же нашелся «известный» врач-профессор из евреев, заявивший, что девушка страдала «сердцебиениями» и даже лечилась у него от «нервной бессонницы» и «галлюцинаций». Благодаря этому заключению смерть бедной девушки прошла

почти незаметно, и только в одной из газет, редактируемой знаменитым немецким антисемитом, открыто был поставлен вопрос: «за кем очередь?..»

Ответ на этот роковой вопрос получился очень скоро. Недели через три после похорон несчастной горничной, так же неожиданно и «скоропостижно» скончалась привратница того дома, где убит был Рудольф Гроссе. Женщина эта, болтливая и любопытная, но честная и добродушная, давно уже упорно твердила, что между таинственной белой женщиной, которую она видела в ночь со среды на четверг, и Ольгой Бельской была «какая-то разница»; потом женщина припомнила, что видела, как вечером во вторник в квартиру профессора Гроссе входил его старый лакей, в отсутствие хозяина, вместе с каким-то «очень хорошо одетым» господином, с виду «не похожим на немца». Господина этого она могла бы узнать, если бы встретила его на улице, потому что у него были очень «страшные глаза», черные, «словно уголья», хотя сам был «рыж головой и бородой». В тот день привратница не обратила внимания на это посещение, предположив, что господин «не похожий на немца», хотел дождаться возвращения профессора. Но затем, когда профессор вернулся, привратнице как раз пришлось подыматься по лестнице, чтобы отнести письмо нотариусу Фриделю. Проходя мимо, она услышала громкие голоса в передней профессора: два человека горячо спорили у самой двери.

– Отчего же вы не рассказали всего этого раньше? – спросил следователь.

На это привратница резонно ответила, что сами «господа судьи» все время расспрашивали ее только о даме в белом, резко останавливая каждый раз, когда она начинала говорить о чем-либо другом.

Только с этого дня следственные власти принялись отыскивать старого слугу убитого, о котором до сих пор никто и не вспоминал. Ганс Ланге точно сквозь землю провалился. Не удалось разыскать и посыльного, принесшего Ольге Бельской письмо, приглашавшее ее на квартиру убитого.

Наконец, подозрения против масонов шевельнулись и в душе следователя: три дня спустя, после своего второго многозначительного показания, бедная привратница разбилась насмерть, свалившись в пролет лестницы соседнего шестиэтажного дома. Послал ее туда нотариус еврей Фридель, прося отнести записку к своему доброму знакомому, живущему в бельэтаже. Чего ради поднялась несчастная женщина на шестой этаж, к самому чердаку, и как могла она свалиться в пролет лестницы, – осталось невыясненным. Господин, получивший от нее записку, дал принесшей марку за труд и больше ее не видал. На лестницу же в шестом этаже, кроме дверей на чердак, выходили только две квартирki. Одна была не занята и отремонтировалась, но по случаю воскресенья работ не было, в другой жил инженер-еврей, клиент нотариуса Фриделя. Он хотя и слышал на лестнице крик, но выбежал только тогда, когда несчастная женщина лежала мертвая на плитах площадки нижнего этажа. Возле нее лежала серебряная монета.

Следственные власти и либеральная печать предположили, что уронив серебряную марку, привратница наклонилась через перила, желая посмотреть, куда она упала, но при этом слишком перегнулась, потеряла равновесие и слетела вслед за монетой. Привратницу похоронили, но публика насторожилась.

Затем прессу облетело известие о покушении на жизнь подозреваемой артистки, сделанном одной из надзирательниц в «припадке внезапного безумия». Случилось это в тюремном саду, во время прогулки. Надзирательница, наблюдавшая за гуляющими, внезапно вскрикнула и, выскочив из стеклянной будки, кинулась с ножом на «первую попавшуюся» заключенную, оказавшейся Ольгой Бельской.

– Ты убила моего ребенка, – кричала безумная (никогда не имевшая детей и даже не бывшая замужем). При этом она схватила артистку за горло и замахнулась ножом.

По счастью, Ольга недаром училась фехтованию для роли Иоанны д'Арк. Сильная и ловкая молодая женщина, хотя и застигнутая врасплох, все же успела увернуться от удара и, удер-

живая правой рукой безумствующую, вырвала у нее нож. На крик сбежались и сумасшедшую увезли в больницу. Ольга отделалась лишь глубокими порезами рук.

На этот раз пришлось призадуматься и судебным властям, тем более, что дело осложнилось почти одновременно покушением на директора Гроссе. Старик возвращался вечером из далекого предместья от знакомого актера по железной дороге. На станции «Вестэнд» в купе, где директор сидел один, вошли три хулигана. Оглушив старика ударом кастета по голове, они принялись расстегивать его пальто, сюртук и даже жилет, не обращая внимания на золотые часы и кошелек, находившиеся в карманах. По счастью, в купе вошли два офицера. Хулиганы бросили свою жертву и, выскочив в противоположную дверцу вагона, скрылись между деревьями темного Тиргартена.

Офицеры все же успели расслышать, как один из убежавших крикнул кому-то по-английски: «Спасайтесь!».

Приведенный в чувство, Гроссе заявил, что его хотели убить не ради грабежа, а для того, чтобы овладеть одной рукописью.

На предложение судебного следователя передать рукопись ему, директор ответил, что уже сжег ее, желая избежать вторичного покушения. Следователь выразил сожаление в чересчур поспешном уничтожении рукописи, заметив, что судебные власти сумели бы охранить ее от покушений. Старый директор рассмеялся, напомнив господину следователю, что из десяти экземпляров рукописи сочинения его сына, семь уже были уничтожены совершенно необъяснимым образом, причем судебные власти оказались бессильными помешать этому таинственному исчезновению.

Действительно, какой-то «злой рок» преследовал «Историю тайных обществ» Рудольфа Гроссе. Ни в квартире убитого, ни в номере, занимаемом Ольгой Бельской, не было найдено рукописей, которые там находились. Исчезла и рукопись, переданная самим профессором нотариусу вместе с завещанием, хотя и была положена нотариусом в особый несгораемый шкаф. Каким образом могла исчезнуть оттуда рукопись, никто не мог объяснить. Ни малейших следов взлома не было.

Пропал и четвертый экземпляр той же рукописи, посланный по почте младшему брату убитого профессора, кончающему курс юристу, студенту Лейпцигского университета. Но убитый собственноручно сделал с помощью гектографа десять списков своего манускрипта, и пропажа четырех из них еще не имела особенного значения.

Однако, когда вслед затем дважды исчезали манускрипты злосчастной книги из типографии, взявшейся ее напечатать, то общественное мнение обеспокоилось: слишком уж странна была «случайность», повторяющаяся шесть раз подряд.

В первой типографии манускрипт исчез до начала набора, спустя не более получаса после ухода директора Гроссе, принесшего рукопись и заключившего условие с хозяином типографии. Этот последний вышел на минуту из своего кабинета и остановился у двери переговорить с наборщиком, требующим немедленного расчета. Окончив разговор с наборщиком, типограф снова подошел к своей конторке, чтобы спрятать в нее рукопись, о важности которой был предупрежден заказчиком, но тетрадь исчезла бесследно.

Хозяин следующей типографии, предупрежденный заказчиком о том, что вручаемая ему рукопись обладает странным свойством улетучиваться, спрятал ее в собственной спальне, выдавая наборщикам листки по счету и каждый вечер отбирая готовые оттиски, которые и запирали собственноручно в той же спальне.

Все шло хорошо в продолжении двух недель. Набрано было уже больше половины книги. Как вдруг глубокой ночью загорелось в комнате, находящейся как раз под спальней хозяина типографии, причем огонь перешел в верхний этаж так быстро, что спящие обитатели квартиры едва успели спастись. О спасении же манускрипта и думать было нечего.

При расследовании причины пожара оказалось, что он начался в незанятой квартире, в которой должен был начаться ремонт за счет снявшего ее жильца, почему в ней и находилось значительное количество масляной краски, заготовленной для окраски дверей, полов и стен. В потолке же ясно виднелось отверстие, очевидно умышленно прорубленное и обнажающее балки, на которых лежала настилка пола верхнего этажа. Отсюда огонь и проник в спальню хозяина типографии. Как и зачем было прорублено это роковое отверстие, осталось невыясненным, хотя нанявший квартиру врач-массажист (конечно еврей) объяснил, что он желал повесить в этой комнате какие-то аппараты для шведской гимнастики, для которой требуются особенно прочные балки, в чем нельзя убедиться не сбив штукатурки на потолке.

Директору Гроссе после этого уже трудно было отыскать новую типографию для заколдованной рукописи, оставшейся уже только в трех экземплярах.

Однако все же нашелся смельчак, объявивший, что он ни в колдовство, ни в масонов не верит, и рукопись убитого ученого напечатает за самую дешевую цену, «в пику дьяволу, мешающему честным людям честно работать».

Но этому храбрецу пришлось скоро раскаяться в своей похвальбе.

Он получил рукопись в субботу. Печатание должно было начаться в понедельник, но в ночь с воскресенья на понедельник в квартиру старого холостяка, живущего вдвоем со старым слугой, ворвались четыре грабителя, которые оглушили обоих стариков ударами кастета по головам, а затем очистили квартиру, унося все, что было можно, под носом у постового городского, каким-то чудом ничего не видевшего. В числе украденных вещей оказался и восьмой экземпляр роковой рукописи.

После этого директор Гроссе тщетно обегал весь Берлин, отыскивая типографию для своей рукописи. Никто и слышать не хотел о книге, «приносящей несчастье».

Цель масонов, казалось, была достигнута.

Но тут вмешался университет и студенты, бывшие слушатели убитого историка. Берлинский философский факультет решил издать книгу своего покойного товарища на свой счет, печатая ее в университетской типографии, а студенты постановили учредить охрану, впредь до полного напечатания книги.

И таким образом, в конце XIX века, берлинские бюргеры увидели необычайное зрелище: типографию, охраняемую десятком молодых людей с револьверами, не считая двойного наряда полиции, командированной по приказанию самого императора к университетской типографии.

А в то же время младший брат убитого профессора потихоньку уехал в Россию, где и сдал в одну из немецких типографий рукопись своего брата под другим названием и без имени автора.

Благодаря всем этим предосторожностям, «История тайных обществ» была напечатана сравнительно благополучно.

О сочинении историка заговорили старый и малый, мужчины и дамы, ученые и полуграмотные. У книгопродавцев отбоя не было от спрашивающих, скоро ли выйдет в свет знаменитая «История тайных обществ», так что четырехтысячное издание было «расписано» по рукам еще до выхода его в свет. Но самым замечательным при этом было то, что люди, совершенно непричастные к науке вообще, и к истории в частности: зубные врачи, адвокаты, шансонетные певицы, часовщики, торговцы старым платьем – записывались на 20, 40, даже и на 100 экземпляров «Истории тайных обществ», внося деньги вперед и требуя немедленной доставки сенсационной книги.

Благодаря подобным предварительным записям, из всего издания до настоящей публикации дошло лишь несколько сот экземпляров.

Масоны торжествовали.

Но тут появилось, так же неожиданно, как и, кстати, второе издание, напечатанное в России и только сброшюрованное в Берлине. Это было жестоким сюрпризом масонству, не успев-

шему принять мер против этого издания, которое и разошлось в одну неделю, расплывшись по всей Германии и произведя на всех ошеломляющее впечатление...

Впервые раскрылось перед публикой существование огромного тайного общества, поставившего себе целью развращать все народы и губить все государства, ради доставления всемирного владычества одному народу – жидовскому.

Это был первый клич к борьбе с тайным обществом, первое печатное указание на масонскую опасность. Впечатление было громадно повсюду, – начиная от дворца и кончая гимназическими скамьями.

Вмешательство монарха

Прочел знаменитую книгу и сам император, но никто не узнал, какое впечатление она на него произвела.

Даже принц Арнульф, позволивший себе спросить мнение его величества за одним из семейных завтраков, получил от императора, улыбнувшегося своей загадочной улыбкой, следующий ответ:

– Твой вопрос слишком серьезен, милейший племянник, чтобы ответить на него двумя словами между жарким и пирожным. Когда-нибудь на свободе потолкуем обо всем этом. Теперь расскажи мне лучше, готовишь ли ты своих лошадей к осенним скачкам?

Очевидно, император не хотел говорить о масонстве, и это не мало заботило масонов, занимавших близкие ко двору посты. Что означало это нежелание? Было ли оно благоприятно для масонов, или наоборот?..

Между тем в доме предварительного заключения, где все еще томилась Ольга Бельская, произошло новое необъяснимое происшествие, чуть было не стоившее ей жизни.

Несмотря на то, что Ольга содержалась в одиночной камере, ей разрешены были некоторые послабления и, между прочим, право получать посылки. Чаще всех этим правом пользовался, конечно, директор Гроссе.

И вот в один из дней, назначенных для приема посылок, принесена была в контору тюрьмы большая коробка любимого Ольгой русского мармелада. Посылка была от директора Гроссе, который сообщал в коротенькой записочке, не запечатанной, согласно тюремным правилам, что его младший сын, только что вернувшийся из Петербурга, привез эти конфеты для той, которую он считает своей сестрой.

Дежурная надзирательница взяла конфету и съела ее.

Но не успела она протянуть руку за второй конфетой, как вскрикнула и упала на пол в страшных судорогах. Крепкая тридцатилетняя женщина умерла через пять минут, не приходя в себя.

Анализ показала, что большая часть мармелада была насыщена стрихнином. Опять началось дознание, выяснившее все... кроме личности отравителя.

Посыльный, принесший конфеты, рассказал, что посылку дал ему на улице какой-то старый господин, назвавший себя директором Гроссе.

На основании этого показания вызвали директора Гроссе. Оказалось, что в тот день, о котором говорил посыльный, директора Гроссе вовсе не было в Берлине, так как он уехал накануне вечером к знакомым на дачу, возле Тегеля. Все это было подтверждено целым десятком свидетелей.

Попытка отравить Бельскую произвела удручающее впечатление не в одной только Германии.

Вспомнили кстати и о покушении надзирательницы, бросившейся на молодую артистку с ножом.

Подозрение в предумышленности этого покушения увеличилось неожиданным бегством «сумасшедшей» надзирательницы, бесследно скрывшейся из лечебницы, куда она была помещена. При расследовании оказалось, что надзирательница была еврейкой и получила место в доме предварительного заключения только после ареста Ольги Бельской, по рекомендации весьма влиятельных лиц.

Тогда уже открыто стали говорить о преследовании масонами несчастной артистки.

Император выразил министру юстиции свое неудовольствие по поводу всего, что «творилось» в его ведомстве.

Выслушав монарха, сановник произнес дрожащим голосом:

– Ваше величество, повелите, быть может, подать прошение об отставке?

Император пожал плечами.

– Я этого не сказал... покуда, господин тайный советник, но прошу вас, господин министр, принять самые серьезные меры для охраны ее жизни и здоровья. «Случайная» смерть подследственной арестантки покроет позором Германию... Не забудьте этого. Подобное «несчастье» поставило бы меня в неловкое положение относительно России.

В конце концов, пришел день, когда Ольга из своей тюрьмы послала просьбу на Высочайшее имя.

«Не милости прошу, государь, – писала она, – а справедливости. Не прощения или снисхождения, а суда самого строгого, самого беспощадного суда, лишь бы он был гласный и беспристрастный».

Далее Ольга рассказывала о бесчисленных проволочках, которыми совершенно измучили ее следственные власти. Очевидно, кому-то нужно было затянуть дело, пока не перемрут свидетели, или пока сама обвиняемая не сойдет с ума в тюрьме.

«Прошу и умоляю, государь, о том, чтобы дело мое не было прекращено «за отсутствием улик», о чем теперь усиленно говорят судебные власти. Очевидно, кто-то боится процесса, могущего выяснить мою невиновность и предать гласности многое опасное и позорное... Не для меня! Я, государь, не смогу жить под вечным подозрением в подлом убийстве человека, бывшего мне дорогим другом».

Получив это прошение, император вторично призвал министра юстиции и серьезно посоветовал «поторопить» господ, затягивающих дело.

Но прошло почти полгода, а дело все еще не доходило до суда. Четыре раза откладывали дело, уже назначенное к слушанию, то по болезни председателя, то по случайному «перемещению» прокурора. А там подошли и «летние вакации», и дело снова отложили до осени.

Обвиняемая же продолжала томиться в тюрьме, где сидела уже второй год.

Наконец император вышел из себя и, призвав министра юстиции, приказал не откладывать больше рассмотрения процесса Ольги Бельской ни под каким предлогом.

Вместо ответа министр низко поклонился и, вынув из кармана сложенный вчетверо лист бумаги, передал его императору. Это было прошение об отставке.

Император вспыхнул.

– Отставка не оправдание, милостивый государь, – гневно крикнул он. – Скажу больше: бывают случаи, когда просьба об отставке является шантажом со стороны министра, и сегодня у меня перед глазами один из подобных случаев!

Император развернул просьбу об отставке, быстро подошел к своему письменному столу и, написав внизу: «принимаю», передал затем бумагу обратно министру.

– До назначения вашего преемника вы можете передать все дела тайному советнику фон Амерсу, – холодно произнес император и быстро вышел из комнаты.

Когда стало известно происшедшее во дворце в печати начались толки о неизбежном «министерском кризисе», причем либерально-жидовские газеты не преминули рассыпаться в соболезнованиях по поводу ухода «такой гениальной личности», как бывший министр юстиции, по такому, в сущности «ничтожному поводу», как дело «иностранной авантюристки».

Но дело обошлось без министерского кризиса. Остальные министры оказались благоразумными, или менее зависимыми от международного масонства, так что правительство Германии осталось прежним.

Первым же распоряжением вновь назначенного министра юстиции было предписание о немедленном назначении к слушанию дела об убийстве профессора Гроссе. Масонское дело появилось, таким образом, перед судом общественной совести.

Масонское дело в суде

Никогда и ни один уголовный процесс в Берлине не возбуждал такого интереса, как знаменитое «масонское дело».

В числе свидетелей находился даже родственник императора, принц Арнульф, пожелавший давать свои показания в здании суда.

Публика допускалась в зал суда только по билетам, для получения которых пускались в ход всевозможные интриги и ухищрения. Дамы рвались в окружной суд на «масонское дело». Чиновники судебного ведомства, могущие оказать помощь в доставлении билетов, положительно осаждались ими.

В день разбирательства здание берлинского окружного суда чуть ли не штурмовалось желающими проникнуть туда. Тройной наряд полиции едва сдерживал все прибывавшие толпы любопытных, среди которых не трудно было заметить два резко противоположных течения.

Одни громко выражали свое сочувствие обвиняемой, другие еще громче негодовали на «старание убийцы» запутать «порядочных людей в свое грязное дело»...

Задолго до начала заседания громадный двухсветный зал уголовных заседаний оказался переполненным публикой настолько, что судебные пристава принуждены были запереть все двери, вызвав два лишних взвода жандармов для охраны лестниц и входов от любопытных.

В воздухе чувствовалась особенная напряженность. Каждому, умеющему наблюдать за физиономией толпы, бросалось в глаза изобилие рабочих на площади перед судом, несмотря на то, что день был будничным, а, следовательно, все фабрики и заводы работали.

Видя все эти симптомы, старые опытные «полицейские пристава» соседних «частей» перешептывались между собой, подозрительно поглядывая на глухо волнующуюся толпу.

– Не к добру набралось столько социалистов, – ворчал белый как лунь старик, «полицейский комиссар».

– И хулиганов, – добавил его помощник. – Чует мой нос, что тут подстроено что-то...

Постепенно, сперва в здании окружного суда, а затем и на улицах, окружающих его, разнесся слух о том, что кому-то нужно устроить крупный скандал, буйное столкновение публики с полицией, под шумок которого можно будет отложить «масонское дело», а затем и добиться разбирательства его при закрытых дверях, в виду «вызываемых процессом волнений, нарушающих общественную тишину и безопасность».

Этот план был умно задуман и хорошо приводился в исполнение целым сонмом агентов с горбоносыми лицами. Он и удался бы, без сомнения, если бы не помешал берлинский президент полиции барон фон Рихтгофен.

Предвидя возможность наплыва публики, а может быть и тайные планы лиц, желающих вызвать беспорядки, президент полиции окружил здание суда таким количеством вооруженных полицейских, что если и были среди публики агенты, желавшие учинить уличный скандал (имеющий на немецком языке специальное название «кравал»), то им скоро пришлось убедиться в полной безнадежности своих планов.

К 11 часам утра бушующая вокруг здания суд толпа рабочих как-то вдруг, столь же неожиданно, как и быстро, стала редеть и таять.

– Точно по команде, – хитро улыбаясь, ворчали себе под нос старые опытные городовые. – Образумились, господа социалисты...

– Сорвалось, – улыбаясь, перешептывались полицейские офицеры.

– Очевидно, кто-то убедился в полной невозможности сорвать заседание, и дал сигнал «к отступлению».

Между тем Ольга Бельская даже и не подозревала о новой опасности, в которой находилась ее дело.

Привезенная из дома предварительного заключения в тюремной карете, она не могла видеть народной массы, окружающей здание суда, и спокойно ожидала начала заседания, разговаривая со своими защитниками в маленькой камерке «для подсудимых», у единственной двери которой стояло два жандарма с заряженными ружьями.

Защитников у Ольги была два. Один из них еще совсем молодой человек, только что записавшийся в помощники присяжных поверенных, брат убитого профессора Гроссе, сам вызвался защищать Ольгу, и это произвело громадное впечатление на судей, присяжных и на публику.

Вторым защитником допущен был с особого разрешения министра юстиции иностранец, знаменитый русский адвокат Сергей Павлович Неволин, приехавший из Петербурга защищать свою давнюю клиентку.

Воспитанный в петербургской немецкой школе Св. Анны и затем два года слушавший лекции в Лейпцигском и Страсбургском университетах, Неволин прекрасно говорил по-немецки. А так как германский закон допускает быть защитником по уголовному делу каждого, не лишённого гражданских прав, то и участие в процессе иностранца оказалось возможным. Но все же подобное выступление было вещью небывалой в Германии и усиливало интерес публики к «масонскому делу».

Когда председатель произнес: «введите подсудимую», по залу пронесся возбужденный шепот.

Судебная лотерея

Все взгляды прикованы были к поразительно красивой группе из подсудимой и ее защитников.

Действительно, трудно было бы найти две более интересные и характерные мужские фигуры, как защитники Ольги Бельской. Как ни красива была стройная юношеская фигура Фрица Гроссе, но русский адвокат, богатырская фигура которого так красиво обрисовывалась безукоризненно сидящим черным фраком, еще более привлекал взоры. Его пронизательные голубые глаза ласково глядели из-под черных бархатных ресниц, а высокий белый лоб, перерезанный характерной поперечной складкой, красиво оттенялся серебристыми кудрями рано поседевших волос.

Публика была в полном восторге, чувствуя то же, что испытывала на первых представлениях «сенсационных» театральных новинок, встречая на афише имя любимых актеров и актрис.

Процесс предстоял незаурядный, и скучающей берлинской публике было от чего прийти в восторг. С первых же минут заседания начались волнующие зрителей сцены и... «случайности», обычные для судебных процессов, но иногда стоящие жизни или смерти подсудимому.

В ответ на традиционные вопросы об имени, летах, вероисповедании, подсудимая отвечала:

– Русская подданная, Ольга Петровна Бельская. Вдова генерал-адъютанта графа Бельского, 27 лет, вероисповедания православного. Воспитывалась в Санкт-Петербургском Смольном институте.

– Вас обвиняют в убийстве профессора Рудольф Гроссе... Признаете ли вы себя виновной? – продолжал допрос председатель. Ольга гордо подняла голову.

– Нет... Конечно, нет... Видит Бог, что я не могла убить человека, бывшего мне близким и дорогим другом...

Председатель перебил подсудимую суровым замечанием:

– Давать объяснения вы можете впоследствии. Теперь не время для патетических уверений и красноречивых фраз.

Эти несколько слов сказаны были председателем таким тоном, что вся публика, как один человек, почувствовала явно неприязненное его отношение к подсудимой.

По залу пронесся неодобрительный шепот, на который ответил резкий звонок председателя и холодное предупреждение:

– Лица, не соблюдающие подобающей тишины, будут удалены.

Публика замерла.

Вызова свидетелей ожидали с особенным интересом. Их было около сотни, и среди них немало лиц интересных, немало имен известных, и даже знаменитых. Тут были, между прочим, три профессора берлинского университета, товарищи и однокашники убитого, знавшие об его отношениях к масонству. Один из них был юрист, другой филолог-«ориенталист», третий – медик. Все пользовались блестящей репутацией; медик же, психиатр по специальности, принадлежал к числу так называемых «европейских знаменитостей».

Еще больший интерес вызвала группа свидетелей, принадлежащих к артистическому миру, во главе с обер-режиссером императорского театра Граве и хорошенькой «звездой» Резиденц-театра Гермией Розен, которая явилась в прелестном парижском туалете из светло-серого бархата и серебристых лент, изящная простота которого вызвала одобрительные улыбки мужчин и завистливые взгляды дам.

Присяга свидетелей оказалась также одним из «сенсационных номеров» процесса. Для торжественного акта приведения к присяге вызваны были четыре духовных лица: православный священник, католический пастор, протестантский пастор и... жидовский раввин.

При этом всеобщее внимание невольно остановилось на одном, довольно замечательном обстоятельстве. Все свидетели, приводимые к присяге раввином, за исключением лишь Германы Розен, оказались свидетелями обвинения, «обелителями масонов», как их сейчас же прозвала публика, с каждой минутой все более симпатизировавшая обвиняемой.

Председательствующий делал все возможное для того, чтобы судебное разбирательство об убийстве профессора Гроссе не превратилось в «масонское дело». Он обрывал каждого, произносящего слово «масоны», резким замечанием о том, что никто из «вольных каменщиков» не привлечен как обвиняемый по этому делу, а потому и разговоры о масонах к делу не относятся. Но все усилия не допустить разговоров об участии масонов в преступлении, в котором обвинялась молодая артистка, ни к чему не привели благодаря вмешательству присяжных заседателей, принужденных просить суд «не стеснять защиту» запрещением касаться вопросов, имеющих непосредственное значение для правильной оценки всех обстоятельств разбираемого дела.

Заявление старшины присяжных заседателей (одного из талантливейших молодых дипломатов), было занесено в протокол по требованию защиты.

Председатель, видимо сконфуженный, сделал довольно кислую физиономию, а публика шушукалась, пораженная небывалым в Германии «инцидентом».

Итак, «выкрасть» масонов из дела оказалось невозможным, и как-то незаметно картина «судоговорения» мало-помалу изменилась: масоны ежечасно теряли своих почитателей, постепенно превращаясь в убийц несчастного молодого ученого.

Началось это с первого же объяснения подсудимой, уверенно заявившей, что, по ее убеждению, Рудольфа Гроссе убили масоны, руководимые, во-первых, желанием отомстить ученому историку за раскрытие заветных и тайных целей общества свободных каменщиков, во-вторых, для того, чтобы похитить из квартиры убитого записки знаменитого немецкого ученого Арнольда Менцера, в которых рассказывалось, как масонство подготавливает всемирное владычество жидовства над поработанными народами и ведет к истреблению всех монархов и полному уничтожению христианства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.